

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.С. Цитленок, И.В. Рощина, Н.А. Артюхова

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ФАКТОР СТРУКТУРНО-МНОГОУРОВНЕВОЙ
РАЗНОСУБЪЕКТНОСТИ**

Под редакцией В.С. Цитленка, И.В. Рощиной

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 332.12(470)
ББК 65.04(2Рос)
Ц74

Рецензенты:

д-р экон. наук, доцент *О.П. Недоспасова*;
д-р экон. наук, профессор *Е.Г. Лисовская*

Цитленок В.С., Рощина И.В., Артюхова Н.А.
Ц74 Устойчивое развитие экономики Российской Федерации:
фактор структурно-многоуровневой разнотемности /
под ред. В.С. Цитленка, И.В. Рощиной. – Томск :
Издательский Дом Томского государственного универси-
тета, 2019. – 270 с.
ISBN 978-5-94621-844-3

В монографии показано влияние структурной многоуровневой разнотемности национально-государственной экономики на её устойчивое развитие. Выделены три уровня многотемности национальной экономики: макро-, мезо-, минитемный. На каждом из этих уровней взаимодействуют три функциональных составляемых национального капитала: социальный, производственно-технологический, природоресурсный. Предлагается считать структурную многоуровневую разнотемность системным фактором её устойчивого развития, функция которого состоит в синхронизации всех её разнотемных уровней. Показано, что в российской экономике необходимо совершенствовать его институциональное обеспечение. На мезотемном уровне исследуются особенности формирования устойчивой региональной экономики на примере Томской области. Показаны её конкурентные преимущества и слабости. На минитемном уровне исследуются особенности становления динамически устойчивой муниципальной экономики на примере малых городов Кемеровской области. Предложена методика оценки уровня динамической устойчивости экономики российского моногорода.

Для исследователей закономерностей развития современной национальной экономики, специалистов органов управления национальной экономикой разных её уровней, а также для студентов и аспирантов специальности «экономика».

УДК 332.12(470)
ББК 65.04(2Рос)

ISBN 978-5-94621-844-3

© Томский государственный университет, 2019
© Цитленок В.С., Рощина И.В., Артюхова Н.А., 2019

Оглавление

Введение (<i>В.С. Цитленок</i>)	5
1. Россия как макросубъект формирующейся мировой экономики устойчивого развития (<i>В.С. Цитленок</i>)	7
1.1. Концепция ООН по переходу к мировой экономике устойчивого развития – когнитивный ориентир долгосрочной политики её макросубъектов на период 2015–2030 гг.	7
1.2. Социальный капитал России в системе социального капитала формирующейся мировой экономики устойчивого развития	19
1.3. Физический производственный капитал России в структуре физического производственного капитала формирующейся мировой экономики устойчивого развития	35
1.4. Российский природоресурсный капитал в системе природоресурсного капитала формирующейся мировой экономики устойчивого развития	52
Источники и литература	57
2. Экономика административно-экономического района как территориально-административный структурный мезосубъект устойчивого развития российской экономики (<i>И.В. Рощина</i>)	59
2.1. Социальный капитал территориально-административного структурного мезосубъекта как фактор его устойчивого развития	59
2.2. Физический производственный капитал как фактор устойчивого развития экономики территориально-административного структурного мезосубъекта	87
Источники и литература	107
3. Экономика муниципального образования как территориально-административный структурный мини-субъект устойчивого развития российской экономики (<i>Н.А. Артюхова, И.В. Рощина</i>)	110

3.1. Особенность экономики муниципального образования как структурного мини-субъекта устойчивого развития российской экономики	110
3.2. Условия устойчивого развития структурного мини-субъекта российской экономики	143
3.3. Методики анализа условий устойчивого развития структурного мини-субъекта российской экономики	179
3.4. Оценка уровня динамической устойчивости экономики структурных мини-субъектов Кемеровской области	225
Источники и литература	234
Заключение (В.С. Цитленок)	241
<i>Приложения</i>	<i>243</i>

Введение

Прогресс в развитии человечества, достигнутый в последнее десятилетие, стал следствием его конструктивно-трудовой деятельности и потребления ресурсов биосферы Земли.

Непрерывный рост численности народов планеты, продолжительности их жизни происходил в пределах иерархически организованных социальных систем, функционирующих на основе лидерства активного меньшинства и устанавливаемых им экономических институтов, обеспечивающих его доминирование и приоритетное присвоение создаваемых благ.

Доминирование в современной мировой экономике капиталистически организованных макросубъектов усилило противоречие между производством и природной средой, между самими макросубъектами. Попытки их разрешения на уровне научного знания реализовались в концепции «нулевого роста», возникшей в середине 70-х гг. XX в. В начале XXI в. произошло её замещение концепцией устойчивого развития мировой экономики.

Становление «макроэкономики устойчивого развития» рассматривается большинством правительств макросубъектов транснационального капитализма в качестве долгосрочной стратегической цели.

Её решение предполагает усиление исследований всего множества факторов, влияющих на интенсивность и этапы формирования мировой экономики устойчивого развития.

Развитие многоуровневой и многоаспектной национально-государственной экономики формируется под воздействием адекватной ей системы факторов.

Активные исследования факторов устойчивого экономического развития позволили вывить влияние трех функциональных факторов: социального, производственного, природного.

Значительно меньшее внимание уделяется исследованию влияния структурно-многоуровневого субъектно-институционального

фактора, выявлению его значения для повышения устойчивой деятельности всех субъектов национальной экономики.

Для экономики России эти исследования необходимы в силу её существенного отставания по уровню развития от многих макро-экономик Северной Америки, Восточной Азии, Западной Европы. Кроме того, на темпы перехода России к экономике устойчивого развития большое влияние оказывает её политико-экономическая федеративная организация, предполагающая структурную многоуровневость и разносубъектность.

Выявление значения этого фактора для экономики России – цель данной монографии. Авторы глав: д-р экон. наук В.С. Цитленок (1-я глава, введение, заключение); д-р экон. наук И.В. Рощина (2-я глава, 3-я глава); канд. экон. наук Н.А. Артюхова (3-я глава).

1. Россия как макросубъект формирующейся мировой экономики устойчивого развития

1.1. Концепция ООН по переходу к мировой экономике устойчивого развития – когнитивный ориентир долгосрочной политики для её макросубъектов на период 2015–2030 гг.

Непрерывный, постепенно замедляющийся темп роста численности народов Земли, непрерывный рост их материального благосостояния, интеллектуального развития в 60-е гг. XX в. вызвал потребность в осознании объективной ограниченности природных производственных ресурсов планеты, в осознании существования деструктивных экологических эффектов хозяйственной, прежде всего промышленной, деятельности.

На осознании человечеством реальности этой угрозы потребовалось почти 60 лет соответствующих исследований, научно-практических конференций, практической и пропагандистской работы ученых, политиков, представителей бизнеса и культуры.

Поворотным пунктом в осознании реальности этой угрозы стала публикация выполненного в 1972 г. по заказу неправительственной интеллектуально-элитной организации «Римский клуб» доклада группы исследователей Массачусетского технологического института Д.Н. Медоуз, Д.Л. Медоуз, И. Рандерс, В.В. Беренсам «Пределы роста» [31].

Только в XX в. численность народов Земли возросла в 4 раза, добыча всех видов полезных ископаемых – в 208 раз, потребление пресной воды и геопродукта – в 14 раз, потребление продукции первичной биоты – в 12 раз [12, с. 222].

Осознанию этой угрозы способствовала активная работа ООН, создавшей особое подразделение в своей структуре – Комиссию по окружающей среде и развитию (1983 г.).

В опубликованном ею докладе «Наше общее будущее» (1987 г.) «устойчивое развитие (УР)» было охарактеризовано как возможность удовлетворения жизненно необходимых потребностей человечества в настоящем без угрозы снижения уровня их удовлетворения будущими его поколениями [9, р. 15].

В 90-е гг. XX в. угроза дестабилизации природной среды нашла отражение в решениях множества международных конференций, в научных статьях и монографиях. В них предлагались различные меры, которые должны разработать и осуществить субъекты национально-государственных макроэкономических систем, всё мировое сообщество для сдерживания, а затем и преодоления существующих в природной среде деструктивных процессов.

В 1992 г. на Всемирном конгрессе глав государств и правительств 179 стран «Окружающая среда и развитие» была принята долгосрочная программа действий по преодолению деструктивных процессов. В принятом его участниками программном документе «Повестка дня на XXI век» были сформулированы обязательства государств по согласованной деятельности, обеспечивающей преодоление деструктивных природных процессов, возникших в результате производственной деятельности геоантропоного социума, и определена глобальная стратегическая цель: осуществить переход к природосохранному производству в интересах всех народов Земли. Началась разработка национальных государственных долгосрочных программ перехода на режим экономического устойчивого развития, обозначены три основных его направления: переход к производству материальных благ на основе ресурсосберегающих технологий, разработка и реализация принципов справедливого распределения денежных доходов между всеми социальными и возрастными группами населения страны, между государствами. Третье направление предполагало переход к природоохранным технологиям во всех сферах жизнедеятельности субъектов национально-государственных макросистем.

Методологической основой исследования экономики устойчивого развития является теория самоорганизующихся динамических систем, согласно которой «устойчивость – это свойство системы

совпадать по признакам до и после изменений, вызванных действием факторов» [15, с. 97].

Основными признаками самоорганизующихся систем являются: гомеостатичность, иерархичность, нелинейность, открытость, цикличность (организованность–дезорганизованность).

Свойство гомеостатичности позволяет сохранять целостность системы при меняющихся условиях внешней среды с сохранением всех её функций.

Поскольку любая система – это структурированное множество элементов, расположенных в определенном порядке, она обладает признаками иерархичности. Отношения между элементами, звеньями, подсистемами взаимодействуют на основе субординации. Линейные связи обеспечивают «жесткость» каркаса и свободное движение информации между ними. Нелинейные – её адаптивность, поскольку одновременно система должна обладать способностью к изменениям. Устойчивое развитие в определённые периоды времени может быть линейным или нелинейным. На длительных временных интервалах движение нелинейно и циклично.

Открытость экономики проявляется в существовании множества самостоятельных агентов, между которыми существуют прочные связи по обмену результатами деятельности, обмену информацией, работниками.

В определённые периоды времени постепенно накапливаемые изменения деформируют её структуру, и система становится частично дезорганизованной, что позволяет осуществить структурные преобразования, придавая цикличный характер процессу устойчивого развития.

Динамически устойчивая макроэкономическая система предполагает одновременное действие трёх сил: репродукции, внутрисистемных изменений и конкурентной упорядоченности.

Особенность экономической системы состоит в том, что при определённых условиях она начинает активно влиять на состояние внешней среды и на всю земную биосферу. Как правило, это воздействие носит деструктивный характер, образуя обратную отрицательную связь. Это обстоятельство было отмечено В. Андриановым.

Термин «устойчивость» следует рассматривать в двух аспектах:

1) в широком смысле – как концепция развития мировой экономики, которая сформировалась в конце 60-х годов прошлого столетия и имеет ярко выраженный экологический приоритет;

2) в узком смысле – как динамическое равновесие Экономической системы.

Суть концепции устойчивого развития заключается в том, что рост экономики на страновом и глобальном уровне должен вписываться в пределы ресурсных и экологических возможностей планеты [14, с. 5].

Мировая экономика устойчивого развития – это всё множество функционирующих и взаимодействующих её субъектов по всё более полному удовлетворению растущих потребностей их населения без разрушения биосферы.

К концу XX в. необходимость её форсированного формирования становится долгосрочной стратегической целью многих субъектов мировой экономики.

Безальтернативность процесса перехода к экономике устойчивого развития стала импульсом к принятию Комиссией по проблемам устойчивого развития Государственной думы Российской Федерации в 2002 г. проекта «Стратегия устойчивого развития России», в котором были определены цели, задачи и этапы трансформации российской экономики в устойчивую.

«Стратегической целью устойчивого развития России является повышение уровня и качества жизни населения на основе научно-технического прогресса, динамического развития экономики и социальной сферы при сохранении воспроизводственного потенциала природного комплекса страны как части биосферы Земли, а также технологического потенциала в интересах нынешнего и будущих поколений» [3, с. 14].

Достижение этой цели будет происходить поэтапно: в краткосрочной, в средне- и долгосрочной перспективах.

Целью краткосрочной перспективы является «преодоление длительно развивающегося социально-экономического экологического и структурного кризиса, охватившего период перехода стра-

ны к рыночной экономике и демократическому гражданскому обществу» [3, с. 14].

Цель среднесрочного этапа – «обеспечение динамичного периода социально-экономического развития страны на базе эффективного использования её экономических ресурсов (включая достижения научно-технического прогресса) и преимуществ международного разделения труда при сохранении воспроизводственного потенциала природного комплекса и установления более справедливых мирохозяйственных связей» [3, с. 15].

Её достижение предполагает решение задач в сферах: экономики, экологии, социальных отношений, федерализма и регионального развития, науки, воспитания и образования, военной безопасности и международных отношений.

В сфере экономической – развитие эффективной социально и экологически ориентированной рыночной экономики, обеспечивающей «достойный уровень жизни людей, экономию природных ресурсов, экологическую чистоту и конкурентоспособность продукции». В сфере экологической – сохранение и восстановление экосистем, стабилизация и улучшение качества окружающей среды, снижение сбросов и выбросов вредных веществ в водные объекты и атмосферу, сокращение образуемой массы отходов, особенно токсичных, организация их безопасной переработки и утилизации. В социальной сфере – ликвидация нищеты и уменьшение масштабов бедности, улучшение среды обитания человека, развитие его социальной активности, усиление социальной функции государства.

Цель третьего (долгосрочного) этапа, который продлится «несколько десятилетий XXI в.: гармонизация взаимоотношений общества и природы в глобальном масштабе и в стране за счет: развития хозяйственной деятельности в пределах воспроизводственных возможностей биосферы, переноса аспекта в системе человеческих ценностей с материально-вещественных на духовно-нравственные, осознания всеми необходимости рационального потребления» [Там же, с. 16].

Департаментом ООН по Координации государственной политики устойчивого развития была разработана система индикаторов.

В качестве индикаторов, характеризующих первое направление, предлагались следующие показатели: уровень применения ресурсоэкономных технологий, степень их природобезопасности, степень развития международного производственно-технологического сотрудничества и кооперирования.

Индикаторы второго направления отражали уровень и динамику бедности, уровень и динамику личного потребления, состояние образования и здравоохранения, экологического состояния мест проживания населения, уровень и динамику его средней продолжительности жизни.

Индикаторы третьего направления показывали уровень и динамику состояния основных компонентов внешней природной среды: земельных, водных, воздушных ресурсов, динамику степени их загрязнения, меры и результаты по преодолению негативного влияния на неё хозяйственной деятельности геоантропоного социума.

В 2015 г. Комиссия ООН по устойчивому развитию приняла уточнённую концепцию «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой определены 17 глобальных целей, достижение которых потребует решения 169 задач, а оценка полученного результата будет осуществляться по 230 индикаторам [11].

Достижение поставленных целей, по мнению Комиссии ООН, позволит: 1) ликвидировать нищету во всех её формах; 2) достичь продовольственной безопасности стран на основе устойчивого сельскохозяйственного производства; 3) осуществить переход к здоровому образу жизни населения каждой страны; 4) создать возможность получения качественного образования для всех, а для желающих – возможность обучения на протяжении всей жизни; 5) достигнуть гендерного равноправия; 6) обеспечить всё население пресноводными ресурсами, повысить уровень их рационального использования; 7) обеспечить доступ всему населению к недорогим, надёжным современным источникам энергии; 8) достичь непрерывного экономического роста, полной и эффективной занятости, получения всеми достойной работы; 9) создать устойчивую инфраструктуру, обеспечивающую возможность всеобщей индустриализации и инновационной активности; 10) сократить нера-

венство внутристранового распределения денежных доходов населения; 11) достичь открытости, безопасности и экологической устойчивости городов, населенных пунктов; 12) осуществить переход на рациональные модели потребления и производства; 13) реализовать первоочередные меры по стабилизации климата; 14) осуществить переход к рациональному использованию пресных вод и ресурсов Мирового океана; 15) восстановить деградирующие локальные экосистемы, сократить деструктивные процессы, происходящие в природной среде; 16) оказать эффективную поддержку политике построения миролюбивого и открытого общества, доступности правосудия для всех, осуществить демократизацию работы всех видов государственных учреждений (организаций); 17) добиться перехода к политике глобального партнёрства в становлении общества устойчивого развития.

Эксперты Комиссии ООН по устойчивому развитию оценивают роль каждого из них в формировании устойчивого общества – 2030. Так, наибольшее влияние оказывает гуманитарный фактор – 36,7%, минимальное – производственный – 28,8%, влияние природоресурсного фактора оценивается в 34,5%. Одновременно на каждый из этих факторов оказывают влияние два других.

Система взаимовлияния трех факторов устойчивого экономического развития представлена в табл. 1.1.

Таблица 1.1

**Матрица взаимовлияния факторов
мировой экономики устойчивого развития, %***

Факторы устойчивого развития	Структура функциональных факторов, %			Всего, %
	Гуманитарный	Производственный	Природный	
Гуманитарные	55	19,3	25,7	100
Производственные	27	47,0	26,0	100
Природный	28	20,0	52,0	100
Системный	36,7	28,8	34,5	100

* Цели устойчивого развития ООН и Россия. Расчёт по данным: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. Экологические приоритеты для России 2016. М.: АЦПРФ, 2017. С. 11.

Оценка скорости изменения степени устойчивости основных форм жизнедеятельности геоантропного социума за 2006–2016 гг. была проведена неправительственной исследовательской организацией «Фонд устойчивого общества» (Sustainable Society Foundation) (Нидерланды). Анализировались 154 национально-государственные системы по трем параметрам устойчивости экономики: человеческому потенциалу, природной среде, производственному потенциалу.

Уровень устойчивости **гуманитарного** потенциала оценивался по степени достаточности продовольствия, состояния здоровья, образования, гендерного равенства, по характеру распределения денежных доходов населения.

Уровень экологической устойчивости определялся по состоянию биоразнообразия и его динамики, состоянию возобновляемого пресноводного потенциала, состоянию природных ресурсов, масштабу энергопотребления, объемам выбросов парниковых газов, степени использования возобновляемых энергоресурсов, темпов снижения энергоемкости материальных благ.

Уровень макроэкономической устойчивости определялся по объемам применения биоорганических ресурсов в производстве сельхозпродукции, по размеру и динамике ВВП, уровню и динамике занятости, по величине и динамике государственного долга, по величине достигнутых «чистых сбережений».

Каждый параметр оценивался по десятибалльной шкале устойчивости: от теоретически возможных десяти баллов до нулевого (полного её отсутствия).

Согласно полученным этой организацией результатам наиболее высокий уровень устойчивости в 2016 г. достигнут по параметру устойчивого развития гуманитарного потенциала – 6,4 балла, по параметру экологической устойчивости – 4,8 балла, по параметру макроэкономической устойчивости – 4,6 балла. Уровень общесистемной устойчивости оценивался в 5,3 балла.

За 2006–2016 гг. степень устойчивости гуманитарной составляющей возросла на 2%, производственной – на 4%. Степень экологической устойчивости за оцениваемый период снизилась на 1%, а уровень общесистемной устойчивости возрос на 1% [18].

В 2006 г. среднегодовой уровень устойчивости гуманитарного капитала был наиболее высоким – 6,1 балла, по природоресурсному капиталу он был равен 4,9 балла, по производственному капиталу – 4,2 балла. В 2016 г. наблюдался некоторый рост с сохранением порядка 2006 г.: гуманитарный капитал – 6,4 балла, природоресурсный капитал – 4,8 балла, производственный капитал – 4,6 балла. В целом устойчивость национального капитала субъектов мировой экономики возросла на 3,9% (с 5,1 до 5,3 балла).

По отдельным странам и группам стран темп изменений показан в табл. 1.2.

Соответственно набранным баллам определялось место каждого из субъектов по уровню устойчивого развития функциональных форм капитала.

В 2006 г. Россия занимала по уровню устойчивости гуманитарного капитала 59-е место, по уровню устойчивости природоресурсного капитала – 140-е, по уровню устойчивости производственного капитала – 49-е. В 2016 г. по уровню развития гуманитарного капитала её обогнали 5 стран, а по уровню устойчивости природоресурсного потенциала – 4 страны. Но по уровню устойчивости производственного капитала она обогнала 12 стран.

Подробно динамика занимаемых мест рядом субъектов мировой экономики показана в табл. 1.3.

Существует множество конкурирующих методик расчёта уровней устойчивого развития субъектов мировой экономики, основанных на измерении как физических процессов, так и финансово-стоимостных.

Представляет интерес методика, разработанная специалистами группы Всемирного банка на основе матрицы национального счетоводства.

Сопоставляя стоимостный объем накопленных человечеством благ за 2006–2016 гг., исследователи зафиксировали их рост на 65%, таким образом, среднегодовой прирост составил 2,66%, а в расчёте на одного жителя планеты – 1,3% [24, р. 21].

За этот период доля гуманитарного капитала в общей структуре интегрального капитала субъектов мировой экономики снижалась

с 69 до 64%, доля производственного капитала возросла с 24 до 26%, а природно-ресурсного капитала – с 8 до 9% [24, р. 23].

Таблица 1.2

Изменения уровней устойчивости функциональных форм национального капитала отдельных субъектов мировой экономики

Субъект мировой экономики	2006 г.				2016 г.				Изменения за 2006–2016 гг.			
	Гуманитарные	Природные	Производственные	Общественные	Гуманитарные	Природные	Производственные	Общественные	Гуманитарные	Природные	Производственные	Общественные
США	7,4	2,3	5,1	4,9	7,5	2,6	4,0	4,7	+0,1	+0,3	–1,1	–0,7
Китай	6,0	4,3	5,1	5,1	6,4	3,8	5,5	5,2	+0,4	–0,5	+0,4	–0,3
Япония	6,4	3,1	4,4	4,6	8,5	3,6	3,7	5,2	+2,1	+0,5	–0,7	+1,9
Канада	8,2	2,3	4,9	5,3	8,3	2,4	4,2	4,9	+0,1	+0,1	–0,7	–0,5
Бразилия	7,7	4,2	4,1	5,3	6,1	5,1	3,8	5,0	–1,6	+0,9	–0,3	–1,0
Россия	6,8	2,4	4,9	4,7	6,9	2,5	5,5		+0,1	+0,1	+0,6	+0,8
Высокодоходные страны	7,8	2,8	5,4	5,3	8,0	3,4	4,9	5,0	+0,2	+0,6	–0,5	+0,3
Среднедоходные страны (верхняя граница)	6,1	4,4	4,8	5,1	6,4	4,0	5,2	5,2	+0,3	+0,4	+0,4	+1,1
Среднедоходные страны (нижняя граница)	5,6	5,9	3,3	4,9	6,1	5,4	4,2	5,2	+0,5	–0,5	+0,9	+0,9
Низкодоходные страны	4,0	7,3	2,9	4,7	4,5	7,3	3,4	5,1	+0,5	0,0	+0,5	+1,0
Средняя по странам	6,2	4,9	4,2	5,1	6,4	4,8	4,6	5,3	+0,2	–0,1	+0,4	+0,5
Max	8,9	8,0	8,1	8,3	9,0	8,1	8,4	8,5	+0,1	+0,1	+0,3	+0,5
Min	3,1	1,4	1,4	1,9	3,1	1,5	1,3	1,9	0,0	+0,1	–0,1	0,0

Расчёт по данным: Основные результаты 2016. Индекс устойчивого общества.
URL: <http://www.ssfindex.com/result/main-results-2016/>

Таблица 1.3

**Динамика занимаемых мест рядом субъектов мировой экономики
за 2006–2016 гг.**

Макросубъекты мировой экономики	2006 г.				2016 г.			
	Гуманитарные	Естественно-природные	Экономические	Сумма мест	Гуманитарные	Естественно-природные	Экономические	Сумма мест
Россия	59	140	49	248	64	144	37	245
США	44	142	39	225	47	140	87	274
Китай	86	88	40	214	85	116	41	242
Бразилия	90	64	76	230	94	73	143	310
Индия	94	52	115	261	87	72	74	233
Япония	14	117	86	217	15	120	99	234
Австралия	20	144	8	172	31	146	8	185
Канада	18	141	47	206	21	147	46	214
Норвегия	5	114	6	125	5	119	1	125

На долю России в 2014 г. приходилось 2,4% накопленного капитала, тогда как США – 28%, Китая – 13%, Японии – 6,3%, Бразилии – 3,4%, Канады – 3,1%, Австралии – 2,1%, Индии – 2,0%, Норвегии – 0,07%. Всего на долю анализируемых стран приходилось 60,4% капитала всех субъектов мировой экономики [24, р. 226–233].

Максимально высокая доля России по природному капиталу – 6,5%, минимальная – по гуманитарному – 1,8%.

Более детальный сравнительный анализ представлен в табл. 1.4.

Сравнение структур национального капитала субъектов мировой экономики со среднемировой структурой показывает их функциональную ориентированность. Так, в России на долю природо-ресурсного капитала приходится 25,4% при среднемировом показателе в 9,3%. В США доля гуманитарного капитала составляет 76,3% при среднемировом показателе в 64,4%.

Т а б л и ц а 1.4

**Доля отдельных макросубъектов мировой экономики
в функциональных формах глобального капитала, %**

Макросубъекты мировой экономики	Функциональные формы капитала		
	Гуманитарная	Производственная	Природоресурсная
Россия	1,8	2,4	6,5
США	22,2	22,7	6,6
Китай	11,7	13,0	2,2
Япония	4,6	7,5	0,7
Индия	1,8	2,1	4,7
Канада	3,5	2,8	1,8
Бразилия	3,4	2,2	6,3
Австралия	1,9	2,4	3,3
Норвегия	0,07	0,3	0,06
Все субъекты мировой экономики	100	100	100

Т а б л и ц а 1.5

**Структура национального капитала макросубъектов
мировой экономики 2016 г., %**

Макросубъекты мировой экономики	Функциональные формы капитала			
	Гуманитарная	Производственная	Природоресурсная	Весь национальный капитал
Мировая экономика	64,4	26,3	9,3	100
Россия	48,2	26,4	25,4	100
США	76,3	21,5	2,2	100
Китай	67,3	30,8	1,9	100
Япония	67,4	31,5	1,9	100
Индия	50,2	9,0	40,8	100
Бразилия	56,6	29,7	14,7	100
Канада	61,5	23,3	15,2	100
Австралия	56,1	29,7	14,2	100
Норвегия	65,4	27,2	7,4	100

В России на долю 1% с максимально высокими доходами приходится предельно высокая доля национального капитала – 74,5%, тогда как в Индии – 58,4%, в Бразилии – 47,9%, в Китае – 43,8%, в США – 42,1%.

Более подробно различия в функциональной структуре национального капитала представлены в табл. 1.5.

Таким образом, разработанная в ООН Концепция устойчивого развития мировой экономики – 2030 позволила перейти к согласованной со всеми ведущими её субъектами долгосрочной политике реализации 17 глобальных социально-экономических целей, несмотря на усиливающуюся в США тенденцию политики национально-государственного экономического эгоизма.

1.2. Социальный капитал России в системе социального капитала формирующейся мировой экономики устойчивого развития

Категория «социальный капитал» на этапе формирования мировой экономики устойчивого развития стала объектом объяснения не только социологов, психологов, но и экономистов, специализирующихся в области теоретической экономики, экономической социологии и менеджмента.

Она необходима для объяснения сложных процессов взаимодействия основного фактора – национального работника в единстве объективного и субъективного при интенсификации процесса расширенного воспроизводства жизненного потенциала национального работника с присущими ему социально-коммуникационными, этико-культурными связями, такими как взаимное доверие, взаимопонимание, взаимответственность.

Первоначально понятие «социальный капитал» использовалось социологами, социальными психологами для фиксации способности человека к объединению в различные группы на основе наличия у их участников единых интересов, единых культурных ценностей, политических представлений. Один из авторов концепции социального капитала (П. Бурдье) полагал, что социальный капитал – это потребность институционализации взаимных обязательств и притязаний по агрегации действительных и потенциальных ресурсов [23, р. 84].

По определению экспертов группы Всемирного банка, социальный капитал – это, «институты, отношения и нормы, которые обеспечивают взаимодействие между субъектами в обществе на всех его уровнях» [32, р. 226].

Социальный капитал интегрирует весь комплекс отношений, институтов и информационных процессов по расширенному воспроизводству основного актора мировой экономики – геопланетного работника через её основную организационную структуру – национально-государственные экономические системы.

Социальный капитал реализуется в двух формах: физической и информационно-духовной.

Физическая форма реализуется в двух видах: материально-вещественной и материально-невещественной. К физической форме социального капитала невещественного вида относятся трудовые производственные отношения и институты, отношения распределения благ и личного потребления, т.е. все множество отношений и институтов по удовлетворению личных потребностей национального работника.

Вторым видом физической формы социального капитала является гуманитарный. Он образует личностное пространство социального капитала, включающее все множество отношений, связей и институтов по индивидуальному воспроизводству личности геопланетного (национального) работника.

Вторая форма социального капитала – информационно-духовная. Через неё реализуются потребности: 1) в формировании основной движущей силы мировой экономики – мотивационно-энергетического ресурса геопланетного (национального) работника; 2) в целенаправленной организации системы по удовлетворению всех жизненно необходимых потребностей геоантропного социума.

Информационно-духовный капитал – глобальное субъектно-субъективное нефизическое благо – институционализирующая коммуникативно-гравитационная сила, благодаря которой обеспечивается устойчивое воспроизводство межличностных и межсубъектных отношений, достигается максимально возможный синергетический эффект совместной трудовой деятельности.

По мере роста знаний, интеллектуализации всех сфер жизнедеятельности геоантропного социума растет значение управляющей подсистемы социального капитала – его информационно-духовной формы.

Синхронное развитие всех форм социального капитала способствует социализации личности, отдельного актора, всех участников национальной кооперации труда через развитие социальной эмпатии, взаимодействие, взаимответственность и самокритичность.

Применительно к научному экономическому знанию функция социального капитала состоит в его способности быть особым производственным ресурсом, позволяющим формировать устойчивые кооперационные связи между экономически обособленными субъектами для достижения максимально возможного уровня удовлетворения их жизненно необходимых потребностей.

В информационно-духовной форме социального капитала одновременно сосуществуют и взаимодействуют две стороны: субъектно-ценностная и социально-коммуникативная.

Субъектно-ценностная сторона реализуется в системе ценностей отдельного актора, группы акторов, классов, этносов, национального работника макроэкономической системы.

Социально-коммуникативная сторона информационно-духовного капитала формирует систему этико-психологических установок личности, группы, этноса, социума национально-государственной экономики, необходимую для ориентации индивидов на совместную трудовую деятельность, осуществляемую на принципах взаимоуважения, взаимопонимания, взаимодоверия, солидарности, социальной справедливости.

Экономический эффект социального капитала состоит в абсолютном и относительном снижении транзакционных затрат на обеспечение устойчивого развития экономики, на возмещение ущерба от хищений, коррупции, выпуска некачественных товаров, на сокращение потерь от социально-экономических, социальных, межличностных внутрифирменных конфликтов.

В сфере личного потребления эффект от социального капитала состоит в росте качества жизни, интеллектуально-духовного мира

личности. Между социальной и производственной формами капитала существуют прямая и обратная связи.

Социальный капитал непосредственно влияет на величину и качество физического производственного капитала. В свою очередь, более высокий уровень развития физического производственного капитала развивает информационно-духовный.

Физическим носителем глобального социального капитала является геопланетный работник, который обеспечивает себя и объективно нетрудоспособных жизненно необходимыми благами.

Положительная динамика численности народонаселения является индикатором состояния и его трудоспособной части.

За 2005–2018 гг. среднегодовой прирост численности населения планеты не превышал 1,2%, прирост средней продолжительности жизни – 0,55% при среднегодовом темпе прироста качества гуманитарного капитала в 0,79% [10, р. 13; 8, р. 25, 29, 37].

В 2018 г. доля России в численности населения планеты снизилась до 1,93 %, к 2030 г. она снизится до 1,4%. Тенденция к снижению доли в мировом населении будет характерна для Китая (с 18,7 до 16,8%), США (с 4,3 до 4,1%). Сохранят свою долю в мировом населении Индия (17,7%), Норвегия (0,07%). Несколько увеличится доля Австралии (с 0,32 до 0,33%).

За 2005–2018 гг. средняя продолжительность жизни мужчин по планете увеличилась на 5 лет, достигнув уровня 70 лет, у женщин она возросла на 5,4 года, достигнув уровня 74,4 года.

Ниже среднемирового уровня из анализируемых стран средняя продолжительность жизни только в Индии (95,3%) и России (99,6%), у мужчин Индии она равняется 96,1%, у мужчин России – 94,7%. Соответственно у женщин Индии средняя продолжительность жизни достигает 94,5%, а у женщин России – 103,8%.

За 2005–2018 гг. средняя продолжительность жизни мужчин в Китае увеличилась на 5 лет, в Австралии – на 8 лет, в Японии – на 3,1 года, в Индии – на 7,4 года, в России – на 8,4 года, тогда как по миру в целом – на 5,1 года.

У женщин среднемировой рост составил 5,4 года, в России он был равен 5,2 года, в Индии – 7,3 года, в Китае – 4,9 года, в Кана-

де – 2,7 года, в Бразилии – 5,9 года, в США – 1 год, в Японии – 2,1 года, в Австралии – 1,8 года, в Норвегии – 2,3 года.

Наибольший межгендерный разрыв в средней продолжительности жизни достигнут в России – 10,8 года при среднемировом, равном 4,3 года. Выше среднемирового уровня межгендерный разрыв средней продолжительности жизни в Бразилии – 7,5 года, в Японии – 6 лет, в США – 5 лет.

Таким образом, из сравниваемых стран в России – самый низкий уровень демографической устойчивости.

При среднемировом медианном возрасте 29,6 года из сравниваемых национальных экономик только в Индии он меньше (26,7 года). Медианный возраст населения России – 38,7 года, тогда как в Бразилии он равен 31,3 года, в Австралии – 37,4 года, в Китае – 37,0 года, в США – 37,6 года.

Самый высокий медианный возраст в Японии – 46,3 года, Канаде – 40,5 года, Норвегии – 39,2 года.

Высокий медианный возраст можно считать потенциальным негативным фактором устойчивого развития социума.

За 2000–2015 гг. доля трудового потенциала во всем населении планеты сократилась с 61,1 до 59,2%, в том числе по странам Восточной Европы и Центральной Азии – с 70,3 до 66,4%, по экономикам с высоким уровнем дохода – с 56,6 до 56,3%.

В исследуемых национальных экономиках этот процесс характеризовался следующими величинами: в России произошло снижение с 63,8 до 61,7%, в США – с 63,7 до 58,9%, в Китае – с 73,7 до 67,3%, в Японии – с 59,6 до 57,4%, в Норвегии с 63,8 до 61,7%. Во всех макросубъектах мировой экономики доля трудового потенциала в общей численности населения увеличилась на 23,4%, в том числе в макросубъектах стран Восточной Европы и Центральной Азии – на 10,3%. Его удельный вес в мировой экономике достиг 45,9%, в том числе в экономиках стран Восточной Европы и Центральной Азии – 48,1%.

Доля реально занятых в мировой экономике равнялась относительно всего населения 40,1%, в экономиках стран Восточной Европы и Центральной Азии – 43,9%.

Динамика реальной занятости и безработицы по 9 исследуемым странам приведена в табл. 1.6.

Таблица 1.6

Динамика долей трудового потенциала 9 исследуемых национальных экономик за 2000–2016 гг., %

Субъекты мировой экономики	Трудовой потенциал, в % во всем населении			Доля в мировом трудовом потенциале 2016 г., %	Рост трудового потенциала за 2000–2016 гг., %
	Всего	В том числе			
		Работающие	Безработные		
Россия	47,9	42,4	5,5	2,2	103,2
США	50,3	49,4	4,9	4,8	110,8
Китай	58,5	54,0	4,5	29,6	109,8
Япония	57,8	49,7	3,1	2,0	100,3
Индия	38,7	35,0	3,7	15,0	126,5
Бразилия	49,7	38,0	11,7	3,0	129,6
Канада	54,8	47,8	7,0	0,6	122,8
Австралия	52,7	47,0	5,7	0,4	132,2
Норвегия	53,8	49,1	4,7	0,08	116,7
Всего 9 стран	51,5	45,8	5,7	51,7	115,4
Страны Восточной Европы и Центральной Азии	48,1	43,9	4,2	12,8	114,6
Все субъекты мировой экономики	45,9	40,7	5,2	100	123,4

Анализ социально-экономической структуры работников субъектов мировой экономики затруднён в связи с относительно ограниченной информацией по этому аспекту социально-экономических отношений.

На удовлетворение текущих личных потребностей населения в мире в 2005 г. использовалось 58% всего глобального валового продукта, в том числе в экономиках с наиболее высоким уровнем дохода – 59%, в экономиках стран Восточной Европы и Центральной Азии – 57%. В России доля фонда личного потребления равнялась 49%, в США – 67%, в Китае – 38%, в Индии – 54%, в Бразилии – 61%.

К 2016 г. доля фонда личного потребления в мире возросла на 1%. За этот период максимально высокий прирост удельного веса фонда личного потребления в валовом внутреннем продукте из исследуемых экономик был в Индии – 5%, в Канаде и России (по 4%), Бразилии (3%). На 2% увеличился его удельный вес в экономиках США и Норвегии. В Китае он увеличился только на 1%. В Австралии и Японии он остался на уровне 2005 г.

В 2005 г. среднегодовой размер среднемирового душевого личного потребления равнялся 4,2 тыс. долл./год, в странах Восточной Европы и Центральной Азии – 10,9 тыс. долл./год, в группе высокодоходных экономик – 20,0 тыс. долл./год. В 2016 г. личное среднедушевое потребление соответственно увеличилось до 6,0; 13,2; 24,3 тыс. долл.

Мировым лидером по личному потреблению были США, где один житель потреблял в год на 29,7 тыс. долл. Если в 2006 г. объем потребления личных благ в высокодоходных макросубъектах превосходил среднемировой уровень в 7,1 раза, то в 2016 г. – в 6,7 раза.

Доля США в общемировом фонде личного потребления в 2005 г. равнялась 31,9%, в 2016 г. – 29,2%. За этот же период доля России возросла с 1,4 до 1,5%.

Динамика долей ВВП, фонда личного потребления по исследуемым экономикам за 2005–2016 годы представлена в табл. 1.7.

Социально-экономическая структура субъектов мировой экономики представлена тремя взаимозависимыми группами: собственниками капитала, наёмными работниками, индивидуальными работниками и помогающими им родственниками.

В 2017 г. доля собственников капитала была: в России – 1,3% всех реально работающих, в Норвегии – 1,8%, в Японии – 2,0%, в Бразилии – 3,8%, в Канаде – 4,5%, в Австралии – 6,2%. Относительно США нет официальных статистических данных, но если ориентироваться на показатели Канады, то их доля в занятости равна 4–5% [5, с. 62–63]. Доля наемного персонала находится в пределах 93–70% для экономик транснационального капитализма. Доля индивидуальных товаропроизводителей у них колеблется от 8 до 10% [5, с. 62–63].

Таблица 1.7

**Динамика долей ВВП, фонда личного потребления и на 1 жителя
исследуемых экономик за 2005–2016 гг., %**

Макросубъекты мировой экономики	2005 г.			2016 г.		
	Доля в ВВП	Доля в фонде личного потребления	Среднедушевой доход в % к мировому	Доля в ВВП	Доля в фонде личного потребления	Среднедушевой доход в % личного потребления к среднемировому
Россия	1,6	1,4	61,9	1,7	1,5	78,0
США	27,6	31,9	707,1	24,5	29,2	674,6
Китай	4,8	3,2	16,7	14,8	9,9	137,3
Индия	1,7	1,6	9,5	3,0	3,0	16,9
Япония	10,0	9,3	476,2	6,5	6,3	469,5
Бразилия	1,9	2,0	69,0	2,4	2,6	93,2
Канада	2,5	2,3	466,7	2,0	2,0	415,3
Австралия	1,5	1,5	473,8	1,6	1,6	489,8
Норвегия	0,6	0,5	671,4	0,5	0,4	555,9
Все субъекты мировой экономики	100	100	100	100	100	100

Из исследуемых субъектов экономики максимально высокая доля индивидуальных товаропроизводителей у Бразилии (29%), Австралии (10,8%), минимальная – у Норвегии (4,8%). В России она составляет 5,2% [5, с. 62–63]. В России доходы от предпринимательской деятельности и собственности в 2000 г. равнялись 22,2% всех денежных доходов, оплата наемного труда – 62,8%. В 2017 г. эти параметры составляли соответственно 13 и 65,4% [6, с. 146]. Вместе с тем дифференциация в распределении денежных доходов между различными социальными группами возросла.

В мировой экономике 2000 г. децильный коэффициент дифференциации денежных доходов населения равнялся 13,9, коэффици-

ент Джини – 0,395, а в 2017 г. величины этих показателей были соответственно 15,3 и 0,410 [6, с. 154]. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума сократилась с 29% в 2000 г. до 13,2% в 2017 г. [Там же, с. 155].

По данным счёта образования доходов в 2011 г. оплата труда наёмных работников в национальном доходе равнялась 43,8%, а доля предпринимательского дохода – 41,7%, в 2017 г. – 47,7 и 41,5% [Там же, с. 260].

В России на 93,4% наёмных работников приходилось 47,6% национального дохода, а на 1,3% работодателей – 39,8%. При этом налоги на производство и импорт за минусом субсидий – 12,5%. В Норвегии на 93,5% наёмных работников приходилось 47,6% национального дохода, а на 1,8% работодателей – 42% дохода, налоги на производство и импорт за вычетом субсидий достигали 10,3% дохода. В США на 88,7% наёмных работников приходилось 53,2% национального дохода, а на 5% работодателей – 40,2%. Доля налогов не превышала 6,5% [5, с. 63, 90].

В России на 1% наёмных работников приходится 0,5% национального дохода, в Норвегии – 0,51%, в США – 0,6%, а на 1% работодателей в России приходится 30,6% национального дохода, в Норвегии – 23,3%, в США – 8%.

Отсутствие исследований по оптимальному соотношению доходов наёмного персонала и собственников капитала не даёт возможности оценить значения реальных показателей. Однако значительно более высокий показатель производительности труда национального работника США свидетельствует о достигнутом более эффективном распределении дохода между наёмными работниками и собственниками капиталов, что обеспечивает более высокий уровень устойчивого развития экономики.

В 2018 г. на 63,9% населения старше 18 лет приходилось менее 2% всего мирового богатства, а на 0,8% населения с собственностью более 1 млн долл. – 44,8%. Ею владели около 2 тыс. долларовых миллиардеров и 42,16 млн семей миллионеров [29, р. 20].

Наибольшее число миллионеров приходится на США – 41,1%. Второе место занимает Китай – 8,3%, на третьем месте – Япония

(6,6%), в Канаде и Австралии проживают по 3% миллионеров, в Норвегии и России – по 0,4%.

В 2015 г. в первую сотню миллиардеров планеты входили: 36 семейств США, 6 семейств России, 5 семейств Китая, по 3 семьи – из Бразилии и Индии, 2 – из Японии, одна семья – из Австралии. В первой сотне миллиардеров отсутствуют семьи Канады и Норвегии.

Увеличение разрыва доходов между различными социальными группами во всех субъектах мировой экономики является общемировой тенденцией. Сформировалась и растёт группа собственников капитала, превышающего 1 млрд долл.

Среди исследуемых макросубъектов мировой экономики максимально высокий разрыв в доходах населения сформировался в Бразилии – почти 42-кратный, в США – почти 18-кратный, в Китае – 15-кратный, в России – 14-кратный. Минимальный разрыв в распределении денежных доходов у населения Норвегии – почти 6-кратный, в Индии – 8-кратный.

Пропорции первичного распределения доходов между различными социальными группами определяют различия в уровне жизни граждан национально-государственных экономических систем (табл. 1.8).

Таблица 1.8

**Уровень дифференциации доходов в 2010–2013 гг.
в исследуемых субъектах мировой экономики**

Макросубъекты мировой экономики	Коэффициент децильной дифференциации, раз	Индекс Джини, %
Россия	14,0	41,6
США	17,8	41,1
Китай	15,0	42,2
Япония	9,2	32,1
Бразилия	41,8	52,9
Канада	9,9	33,7
Индия	8,3	35,2
Австралия	10,2	34,5
Норвегия	5,8	25,9

Эксперты ООН Программы развития с 1990 г. используют показатель «Индекс человеческого развития – HDI» для оценки уровня развития гуманитарного капитала макросубъектов мировой экономики. Он строится на основе информации о 3 процессах: средней продолжительности жизни населения, уровня образования и величины произведенного валового национального продукта на одного жителя.

За период с 1990 по 2017 г. индекс показал прирост уровня гуманитарного капитала на 21,7%, в том числе по странам Восточной Европы и Центральной Азии – на 18%, по странам развитого капитализма – 14%¹.

По индексу гуманитарного развития Россия входит в лидирующую группу стран с очень высоким уровнем развития гуманитарного капитала. В 2017 г. при среднемировом индексе развития человеческого потенциала в 0,728 её уровень оценивался в 0,816, что соответствовало 49-му месту из 189 сравниваемых государств.

По этому показателю Россия превосходила Китай (0,752 – 86-е место), Бразилию (0,759 – 79-е место), Индию (0,640 – 130-е место, но значительно уступала Норвегии (0,953 – 1-е место), Австралии (0,939 – 3-е место), Канаде (0,926 – 12-е место), США (0,924 – 13-е место).

В России за 1990–2017 гг. индекс развития человеческого капитала возрос на 11,2%, тогда как в целом по планете – на 22%, в том числе по группе стран с максимально высоким индексом – на 13,6%, по странам Восточной Европы и Центральной Азии – на 18,1%, по странам Восточной Азии и Океании – на 41,8%.

В перспективе России предстоит бороться за сохранение своего места среди первых 30 стран мира.

Федеративное политическое устройство, многосубъектность организационно-политической структуры экономики России объективно определяют существенные региональные различия в уровне развития гуманитарного капитала.

¹ Расчёт по данным: Human Development indices and indicators 2018. Geneva: UNDP, 2018. P. 29.

В 2015 г. уровень развития гуманитарного капитала Центрального федерального округа соответствовал индексу, равному 0,895, т.е. индексу таких субъектов мировой экономики, как Израиль, Франция, Республика Корея, занимавшие в мировом рейтинге 24–26-е места.

Индекс развития гуманитарного капитала Северо-Западного федерального округа, равный 0,882, соответствует уровню Чехии (28-е место в мировом рейтинге), индексы развития гуманитарного капитала Южного, Приволжского федеральных округов (0,863 и 0,861) соответствуют уровням гуманитарных капиталов Кипра и Греции (31–32-е места в мировом рейтинге). Индекс гуманитарного капитала Северо-Кавказского федерального округа (0,825) соответствует уровню развития гуманитарного капитала Хорватии (46-е место в мировом рейтинге). Индекс гуманитарного капитала Уральского федерального округа (0,900) соответствует уровню развития гуманитарного капитала Люксембурга (21-е место в мировом рейтинге). Индекс гуманитарного капитала Сибирского федерального округа (0,857) соответствует уровням гуманитарных капиталов Польши и Литвы (34–35-е места в мировом рейтинге). Индекс гуманитарного капитала Дальневосточного федерального округа (0,860) – уровню гуманитарного капитала ОАЭ (33-е место в мировом рейтинге).

В 2016 г. индекс гуманитарного капитала жителей Москвы равнялся 0,952, что соответствует уровню Норвегии, занимающей по этому показателю первое место в мире. У жителей Санкт-Петербурга индекс гуманитарного развития равнялся 0,935, что соответствует уровню Ирландии, находящейся на 5-м месте в мировом рейтинге.

Индекс развития гуманитарного потенциала Томской области, равный 0,891, соответствует уровню гуманитарного развития Испании, занимающей 26-е место в мире.

В то же время индекс гуманитарного развития жителя Крыма, Карачаево-Черкесской республики равен только 0,817, жителя Чеченской республики – 0,801, а жителя Республики Тыва – 0,786, что соответствует уровням Уругвая (55-е место), Малайзии (57-е место), Сербии (67-е место).

Сопоставление уровней развития гуманитарного капитала в аспекте достижения межгендерного равенства показывает, что наиболее успешно эта проблема решается в Норвегии, где индекс гуманитарного развития женской части норвежского социума равен 0,945 при среднемировом уровне в 0,705. Из исследуемых национальных экономик относительно уровня Норвегии в Австралии и США он равен 98%, в Канаде – 96,9%, в Японии – 94,6%, в России – 87,1%, в Бразилии – 79,9%, в Китае – 77,8%, в Индии – 60,8%.

По отношению к индексу гуманитарного развития мужской части национального социума женский индекс был равен: в Норвегии – 98,1%, в Австралии – 97,5%, в США – 99,2%, в Канаде – 90,5%, в Японии – 97,5%, в России – 101,8%, в Бразилии – 99,2%, в Китае – 95,6%, в Индии – 84,2% при среднемировом соотношении 94,9%.

Наиболее высокая средняя продолжительность жизни у японских женщин – 87 лет. Относительно неё средняя продолжительность жизни женщин Норвегии – 96,7%, в Австралии – 97,6%, в Канаде – 96,9%, в США – 93,9%, в Бразилии – 91,0%, в Китае – 89,6%, в России – 88,2%, в Индии – 80,8% при среднемировой продолжительности жизни, равной 85,4%.

Наряду с частными показателями оценки физического аспекта гуманитарного капитала, таких как здоровье, продолжительность жизни, необходима оценка его интеллектуально-духовного потенциала, являющегося регулятором всей его целенаправленной производительной деятельности.

Эксперты неправительственной организации «Фонд устойчивого общества» (SSF) – Нидерланды, созданного международной инвестиционной компанией, включают в состав «гуманитарного благополучия»: 1) достаточность питания; 2) достаточность уровня санитарно-гигиенического состояния; 3) уровень образования; 4) здоровье человека; 5) степень гендерного равенства; 6) характер распределения денежных доходов; 7) динамику численности населения; 8) эффективность государственного управления социальными процессами.

Таким образом, выйти за пределы физического аспекта гуманитарного потенциала не удалось. Их заслуга – попытка объединить эти процессы с помощью балльных оценок и сформировать интегральный показатель для характеристики величины гуманитарного капитала.

Обобщив необходимую информацию по 154 странам, они оценили уровень устойчивости гуманитарного капитала в 6,5 балла из 10 возможных [20].

Фактически оценивался не гуманитарный капитал, а достигнутый уровень жизни, уровень благосостояния населения национальной экономики.

Действительно, уровень и качество жизни населения можно считать интегральной характеристикой физической составляющей гуманитарного капитала, дополняющей «Индекс развития человеческого потенциала», предложенный ООН.

По уровню и качеству жизни лидерами в мировой экономике являются страны Северной Европы, Австралии, Канада, а аутсайдерами из исследуемых национальных экономик – Китай и Индия. За 2000–2018 гг. этот порядок не был нарушен, хотя динамика экономики была разнонаправленной, что отражено в табл. 1.9.

Таблица 1.9

Динамика занимаемых мест по уровню жизни исследуемых макросубъектов за 2000–2018 гг. среди 173 экономик мира

Макросубъекты мировой экономики	2000 г.	2018 г.
Россия	60	56
США	6	10
Китай	96	62
Япония	9	9
Индия	124	49
Бразилия	73	61
Канада	3	19
Австралия	5	4
Норвегия	1	12

Существенно повысился уровень жизни в Индии, что позволило ей опередить 75 стран, Китай обогнал 34 страны, Бразилия – 12, Россия – 4, Австралия – одну. Сохранила 9-е место Япония. Существенно стали отставать Канада (–12 мест), Норвегия (–11 мест), США (–4 места). Динамика уровня жизни свидетельствует о различных тенденциях в становлении экономики устойчивого развития.

Значительно сложнее дать качественную оценку интеллектуально-духовной стороне гуманитарного капитала, которая регулирует целенаправленную конструктивную деятельность его физических носителей.

В качестве отдельного фактора устойчивого развития при расчете интегрального показателя «Индекс процветания Института Legatum – **The Legatum Prosperity Index–LPI**» использована категория «социальный капитал», содержанием которого является оценка уровня развития гражданского общества, личные и общественные отношения, социальные нормы.

Поскольку организация не публикует методы осуществления этих расчётов, а также источники информации, то проведённые расчёты вызывают сомнение с точки зрения их возможной субъективности.

Включенные в категорию «социальный капитал» процессы характеризуют институциональные, а не субъективные интеллектуально-духовные ценности.

Отсутствие чётких критериев, по включению определенных интеллектуально-духовных ценностей и отсутствие методик по их фиксации предполагает использование более простых категорий, например категорию «счастье».

С 2012 г. реализуется исследовательский проект международной программы «Сеть решений устойчивого развития» при ООН (UN Sustainable Development Solutions Network – UNSDSN).

Наряду с использованием известных показателей, оценивающих физический аспект социального капитала, авторы проекта включают такие, как чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, уровень доверия, великодушие.

В 2019 г. было изучено 156 субъектов мировой экономики. Наиболее высокий уровень удовлетворённости своей жизнью был у жителей Финляндии – 7,8 балла. Степень удовлетворённости у жителей Норвегии равнялась 97,2% относительно жителей Финляндии, у жителей Канады она равнялась 93,7%, Австралии – 93,1%, США – 88,7%, Бразилии – 81,1%, Японии – 75,8%, России – 72,7%, Китая – 66,8%, Индии – 51,65¹.

Индекс уровня счастья населения стран мира наиболее точно характеризует степень достигнутой устойчивости субъектов мировой экономики в пространстве социальных отношений.

Что касается исследуемых национальных экономик, то с достаточной уверенностью можно утверждать, что наиболее устойчивы экономики Норвегии, Австралии, Канады, США, наименее устойчивы экономики Бразилии, России и Индии.

1.3. Физический производственный капитал России в структуре физического производственного капитала формирующейся мировой экономики устойчивого развития

Вторым фактором, влияющим на уровень и динамику устойчивости национально-государственной экономики, является производственная форма национального капитала. Его влияние на формирование динамической устойчивости системы оценивается в 29–30%.

В 2014 г. вклад физического воспроизводимого капитала в создание вещественного глобального богатства оценивался в 27%, тогда как в 1995 году он не превышал 24% [24, р. 8]. В 1995 г. национальные экономики развитого капитализма располагали 81% всего мирового производственного капитала, в 2016 г. – 72%, тогда как их доля в численности мирового населения уменьшилась на 4% (с 23 до 19%).

В 2016 г. доля России не превышала 2,4%, а на одного жителя России приходилось 48,8 тыс. долл. производственного капитала

¹ Расчёт по данным: Рейтинг стран мира по уровню счастья 2000–2019. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (дата обращения: 10.05.2019).

при среднемировом показателе в 44,8 тыс. долл. Абсолютное и относительное распределение глобального производственного капитала между исследуемыми национальными экономиками показано в табл. 1.10.

В 1995 г. на 1% населения стран развитого капитализма приходилось 3,5% глобального производственного капитала, а в 2016 г. – 3,8%.

Накопленный геопланетным работником физический производственный капитал определяет объем производимого валового геопродукта, а его ежегодное приращение – соответствующий прирост годового валового продукта, за счёт которого удовлетворяются текущие потребности социума, формируются предпосылки удовлетворения будущих. За период 2005–2016 гг. среднемировое текущее потребление снизилось на 1% (с 83 до 82%). Лидерами по текущему потреблению являются США и Канада. В 2016 г. они тратили по 89% годового национального валового продукта. Среди исследуемых стран минимальный удельный вес текущего потребления у Норвегии и России (в 2016 г. он был равен в Норвегии 75%, в России – 76%).

Таблица 1.10

Распределение глобального производственного капитала между исследуемыми национальными экономиками в 2016 г. [24, р. 226–233]

Макросубъекты мировой экономики	Доля в глобальном капитале, %	В % к одному жителю планеты
Россия	2,4	108,9
США	27,4	482,6
Китай	12,9	63,8
Япония	6,4	400,2
Индия	2,1	10,7
Бразилия	3,4	71,6
Канада	3,2	513,4
Австралия	2,2	695,1
Норвегия	0,7	230,3
Все субъекты мировой экономики	100	100

Динамика пропорций использования годового валового продукта на текущее потребление и отложенное представлена в табл. 1.11.

Таблица 1.11

**Динамика пропорций использования годового валового продукта
в сравниваемых субъектах мировой экономики за 2005–2016 гг.***

Макросубъекты мировой экономики	2005 г.			2016 г.		
	Текущее		Отложенное	Текущее		Отложенное
	Личное	Производственное		Личное	Производственное	
Россия	49	20	31	53	23	24
США	67	23	10	69	20	11
Китай	38	41	21	39	44	17
Индия	54	39	7	59	30	11
Япония	56	25	19	56	23	21
Бразилия	61	17	22	64	15	21
Канада	54	23	23	58	23	11
Австралия	58	27	15	58	26	16
Норвегия	42	23	35	46	29	25
Все субъекты мировой экономики	58	25	17	58	24	18

* World Development indicators 2018. Wash.: WBG, 2018.

В 2017 г. по величине производства валового внутреннего продукта (в ценах ППС) Россия занимала 6-е место в мире, по численности населения – 9-е, по производству валового дохода на 1 жителя – 87-е.

Россия объективно в мировой экономике специализируется на производстве сырьевых, сельскохозяйственных и промышленных товаров малой наукоёмкости.

В 2016 г. Россия была мировым лидером по производству сахарной свёклы, занимала 2-е место по добыче нефти и газа, 3-е место – по производству картофеля, 4-е – по производству электроэнергии, чугуна, зерновых и зернобобовых культур, скота и птицы (по убойному весу), 5-е – по производству стали и вывозу древесины-

ны, 6-е – по добыче угля, 7-е – по производству молока и хлопчатобумажных тканей, 12-е – по производству шерстяных тканей и обуви с верхом из кожи, 13-е – по производству бумаги и картона, 14-е – по производству легковых автомобилей, включая сборку [6, с. 658].

Сохранение существующей международной хозяйственной специализации способствует усилению зависимости российской экономики от конъюнктуры мировых товарных и финансового рынков, от состояния политических отношений с США, ЕС, Китаем, что затруднит выход России на траекторию устойчивого развития.

Существенное влияние на неустойчивый характер развития экономики России оказал политический фактор: частые войны и революции. Только в XX в. она пережила две мировые войны, длительную «холодную войну», три политические революции.

Тяжёлые условия жизни, гибель миллионов людей, уничтожение части национального богатства, разрушение гуманитарных институтов и идеологии социального согласия определили аритмичный, предельно напряжённый характер её социально-экономического развития, когда относительно короткие периоды высоких темпов прироста национального продукта сменялись периодами низких, а иногда и отрицательных темпов.

Например, за 1990–2016 гг. при среднемировом темпе прироста глобального валового продукта в 2,8% в России он был отрицательным (–0,4%). Расчёт среднегодовых темпов прироста валового национального продукта по отдельным национальным экономикам приведен в табл. 1.12.

В процессе замещения командно-административного однопартийно-государственного национального хозяйства частно-монополистическим государственным капитализмом сохранился прежний аритмичный темп прироста валового внутреннего продукта.

В первое десятилетие формирования частной формы собственности на производственные ресурсы (1991–2000 гг.) среднегодовой темп прироста был отрицательным –3,9%. В первом десятилетии XXI в. он стал положительным и превысил среднемировой – +3,8%. Однако основой такого прироста были не изменения национального физического капитала, а высокий спрос на мировом

нефтяном рынке и расширение международной торговли газом. Изменившийся спрос на эти товары во втором десятилетии XXI в. стал основным фактором снижения темпов прироста валового продукта до 1,1%, тогда как в целом по мировой экономике прирост достиг 3,6%, в том числе в США – 2,4%, в Китае – 7,4%, в Индии – 6,0%, в Бразилии – 2,6%¹. За 2015–2018 гг. он стал почти нулевым² [6, с. 259].

Таблица 1.12

Среднегодовой прирост ВВП по национально-государственным экономикам за 1990–2016 гг.*

Макросубъекты мировой экономики	По национальной экономике	Сельское хозяйство	Промышленность	Услуги
Россия	–0,4	1,7	–2,2	0,05
США	2,6	–	–	–
Китай	10,2	4,1	12,2	10,2
Япония	1,0	–0,3	0,3	1,1
Индия	6,8	3,3	6,9	9,3
Бразилия	3,0	3,4	2,2	1,3
Канада	2,5	3,1	1,5	2,1
Австралия	3,3	2,1	2,8	3,5
Норвегия	2,7	3,1	1,7	3,1
Все субъекты мировой экономики	2,8	2,5	2,9	2,8

* World Development indicators 2018. Wash.: WBG, 2018.

Среднегодовой прирост за 2019–2020 гг., вероятно, не превысит 2%, на этом же уровне будет прирост в Японии, в Канаде (при среднем мировом приросте за 2018–2020 гг. на 6,2%).

В результате к концу 2020 г. доля России в мировом валовом продукте уменьшится до 1,5% при доле в мировом населении, равной 1,9%. США сохраняют свою первую позицию с долей, равной 23,6%. Китай сократит разрыв в отставании до 5% и останется на

¹ Расчёт по данным «Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности». М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 15.

² Росстат определил темп изменений за этот период в 0,8%.

втором месте с показателем 18,7–19%, мирового ВВП. В целом 2-е десятилетие XXI в. будет характеризоваться положительным среднегодовым темпом прироста мирового ВВП на уровне 3,0%.

Более подробный анализ и оценка прироста за 1990–2020 гг. приведены в табл. 1.13.

Таблица 1.13

Сравнительный анализ среднегодовых темпов прироста валового продукта за 1990–2020 гг.*

Субъекты мировой экономики	1990–2016 гг.	1991–2000 гг.	2001–2010 гг.	2010–2020 гг. (оценка)	1990–2020 гг.
Россия	–0,4	–4,7	3,8	1,9	0,8
США	2,6	3,6	1,7	2,8	2,7
Китай	10,2	10,6	9,9	7,8	9,0
Япония	1,0	1,3	0,7	1,1	1,1
Индия	6,8	6,0	7,5	8,0	7,4
Бразилия	3,0	2,8	3,2	2,0	2,6
Канада	2,5	3,0	1,9	2,3	2,4
Австралия	3,3	3,6	3,0	2,8	3,1
Норвегия	2,7	3,9	1,5	1,7	1,7
Все субъекты мировой экономики	2,8	2,9	2,8	3,0	2,9

* Расчёт по данным: World Development indicators 2018. Wash.: WBG, 2018.

Среднегодовой темп прироста ВВП России за второе десятилетие XXI в. оказался в 2 раза ниже первого десятилетия, тогда как в целом по мировой экономике он увеличился на 7,1%, в США – на 64,7%, в Японии – на 57,1%, в Канаде – на 21,1%, в Норвегии – на 13%.

Под влиянием конъюнктуры мирового рынка в российской промышленности произошли негативные структурные изменения. За 1990–2017 гг. доля производства сырьевых товаров возросла с 11,3 до 26,4%. Соответственно доля обрабатываемой промышленности снизилась с 88,7 до 73,6%. Одновременно изменились темпы прироста валового продукта и внешнеторгового оборота. В 1996–2000 гг. среднегодовой темп прироста ВВП равнялся 1,6%, в 2016–2017 гг. – 0,7%, а среднегодовые темпы прироста внешнеторгового оборота за это время увеличились с –0,1 до 5,2% [6, с. 50].

В 2011 г. доля импорта товаров и услуг в стоимости валового продукта равнялась 19,9%, а в стоимости экспорта – 28,9%. В 2017 г. эти показатели составили соответственно 20,7 и 26,0%. Анализ динамики долей внешней торговли в структурах национальных и мировой экономик отражён в табл. 1.14.

Таблица 1.14

**Динамика долей внешней торговли в структурах национальных
и мировой экономик***

Макрорубъекты мировой экономики	Доля внешней торговли в структуре ВВП макросубъ- ектов мировой экономики, %				Доля внешней торговли макрорубъектов в миро- вом ВВП, %			
	2005 г.		2016 г.		2005 г.		2016 г.	
	Ex	Im	Ex	Im	Ex	Im	Ex	Im
Россия	35	22	26	21	1,9	1,3	1,5	1,3
США	10	16	12	15	9,5	15,8	10,2	13,2
Китай	35	28	20	17	5,8	4,8	10,2	9,0
Япония	14	13	16	15	4,8	4,6	3,6	3,5
Индия	20	23	19	21	1,2	1,4	1,95	2,2
Бразилия	15	12	12	12	1,0	0,8	0,94	1,0
Канада	37	33	31	33	3,1	2,9	2,2	2,4
Австралия	18	21	19	21	0,8	1,1	1,04	1,2
Норвегия	34	27	27	33	1,0	0,3	0,6	0,6
Все субъекты мировой экономики	29	28	29	28	100	100	100	100

* Расчёт по данным: Российский статистический ежегодник 2018. М.: Росстат, 2018. С. 270.

В 2016 г. доля России в производстве геопродукта (в ценах валютного рынка) равнялась 1,7%, а доля внешней торговли в мировой – 1,4%, в том числе по экспорту – 1,5%, по импорту – 1,3%. Соответственно доля США была 24,5; 11,6; 10,2; 13,2%; доля Китая – 14,8; 9,6; 10,2; 9%; доля Норвегии – 0,5; 0,6; 0,6; 0,6%.

Росту устойчивости национальной экономики способствует движение к равенству её долей в мировом производстве и внешней торговли.

В отраслевой структуре производства мирового валового продукта и занятости доминирует сфера услуг. За 2005–2016 гг. её доля остаётся неизменной на уровне 66% при одновременном росте в

США с 77 до 79%, в Китае – с 41 до 52%, в Индии – с 47 до 54%, в Бразилии – с 66 до 73%, в России – с 57 до 63%, в Норвегии – с 56 до 66%. Не изменилась эта доля только у Японии (69%) [34].

В 2016 г. доля отраслей материального производства в мировом валовом продукте равнялась 34%, в том числе доля промышленности – 30,6%. В экономиках стран транснационального капитализма эти показатели были на уровне 26,1 и 25%. В России доля сферы материального производства равна 37,3%, в том числе промышленности – 31,55. В Норвегии на долю материального производства приходится 35,1%, в том числе на долю промышленности – 32,4% [34].

Среднемировой уровень производительности труда геопланетного работника был равен 64,1 тыс. долл. Лидерами по уровню производительности труда национального работника были США и Норвегия, у которых производительность труда превышала среднемировой показатель в 3,3 раза, Австралии – в 2,6 раза, Японии – в 2,3 раза, Канады – в 2,2 раза, России – в 1,3 раза.

В Бразилии он был ниже среднемирового уровня на 15%, в Китае – на 25%, в Индии – на 52%¹.

В 2015–2016 гг. экономика России по уровню глобальной конкурентоспособности занимала с 4,4 балла 45-е место, а по данным 2016–2017 гг. – 43-е место (4,5 балла) [27, р. 306].

По состоянию макросреды она занимала 91-е место из 138 исследуемых национальных экономик, по состоянию институтов – 88-е, по эффективности товарного рынка – 87-е, по уровню развития финансового рынка – 108-е, по уровню активности бизнеса – 72-е, по уровню инновационности – 56-е [26, р. 306].

К основным процессам, снижающим уровень устойчивости экономики, отнесены: инфляция, уровень налоговых платежей, коррупция, доступность финансирования.

Представляет интерес сравнительный анализ динамики глобальной конкурентоспособности экономик России и Норвегии за 2011–2016 гг. (табл. 1.15).

¹ Расчёт по данным: Россия и страны мира 2018. М.: Росстат, 2018. С. 55, 79.

Таблица 1.15

Сравнительный анализ динамики факторов глобальной конкурентоспособности России и Норвегии за 2011–2016 гг., баллы*

Показатели	2011			2016		
	Норвегия, 16-е место	Россия, 66-е место	Россия, в %, Норвегия	Норвегия, 16-е место	Россия, 43-е место	Россия, в %, Норвегия
Институты	5,74	3,08	53,7	5,9	3,6	61,0
Инфраструктура	4,95	4,52	91,3	4,9	4,9	100,0
Макроэкономическая среда	6,45	5,16	80,0	6,8	4,3	63,2
Здоровье и начальное образование	6,28	5,70	90,8	6,6	5,9	89,4
Высшее образование и профессиональная подготовка	5,49	4,54	82,7	5,9	5,1	86,4
Эффективность товарного рынка	4,69	3,60	76,8	5,1	4,2	82,3
Эффективность рынка труда	4,89	4,40	90,0	5,3	4,4	83,0
Развитость финансового рынка	5,46	3,21	58,8	5,2	3,4	65,4
Технологический уровень	6,08	3,66	60,2	6,2	4,3	69,3
Размер рынка	4,30	5,73	113,2	4,4	5,9	134,0
Конкурентоспособность компаний	5,04	3,34	66,3	5,4	3,8	70,3
Инновационный потенциал	4,53	3,14	69,3	5,1	3,4	66,7
Глобальный индекс конкурентоспособности	5,18	4,21	81,3	5,4	4,5	83,3

* The Global Competitiveness Report 2011–2012. Geneva: WEF, 2011. P. 19, 21, 22; The Global Competitiveness Report 2016–2017. Geneva: WEF, 2018. P. 306, 307, 284, 285.

За 2011–2016 гг. по уровню глобальной конкурентоспособности разрыв между Россией и Норвегией сократила на 2%. По парамет-

ру «Инфраструктура» Россия достигла уровня Норвегии, однако по параметру «Макроэкономическая среда» разрыв увеличился на 16,8%, по параметру «Инновационный потенциал фирм» – на 2,6%. По параметру «Национальный рынок» разрыв сократила с 87,6 до 89,5%, т.е. на 1,9%.

Существенное отставание к 2016 г. сохранилось по таким составляющим параметра «Институты», как обеспечение права собственности – на 43,5%, независимость судебных процессов – на 48,5%, эффективность законодательства в решении спорных вопросов – на 39,3%, надежность правоохранительных органов – на 46,2%, «утечка умов» – на 40%, доступность венчурного капитала – на 39,5%, доступность новейших технологий – на 32,3%, способность компаний использовать современные технологии – на 28,3%, способность к инновациям – на 31,5%, доступность финансовых услуг – на 36,8%, надёжность банков – на 45,3%, неформальные платежи и взятки – на 43,8%, корпоративная этика – на 33,9%, профессионализм менеджеров – на 51,6%, совершенство маркетинга – на 24,5%, повышение квалификации персонала – на 31%.

Сравнительный анализ динамики параметров глобальной конкурентоспособности экономик России и Норвегии за 2011–2016 гг. показывает некоторое сокращение отставания России. Однако негативные тенденции развития экономики России в 2017–2018 гг. ведут к снижению достигнутого уровня её устойчивости.

Основным процессом, понижающим устойчивость экономики России, является продолжающаяся её мировая специализация на поставках первичных углеводородных энергоресурсов, древесины, минеральных ископаемых, товаров низкой наукоёмкости: чёрного и цветных металлов, сельскохозяйственных товаров. В российском товарном экспорте доля машин и оборудования не превышает 7%, тогда как в импорте их доля больше 50%.

Сформировался замкнутый круг создания национального наукоёмкого машиностроения: слабый национальный рынок инвестиций обусловлен малым размером национального наукоёмкого машиностроения, а его развитие – слабостью национального инвестиционного рынка. Ошибочно полагать, что средством, при по-

мощи которого можно решить эту проблему, является приоритетное иностранное инвестирование. При малых размерах и низкой международной конкурентоспособности большинства машиностроительных наукоёмких российских компаний массовый приток иностранного капитала может привести к их ликвидации, перепрофилированию либо установлению контроля над ними. В результате неизбежен процесс снижения уровня экономической устойчивости стратегической отрасли промышленности, а в условиях международных политических кризисов – массовый отток капитала.

В 1995 г. у России было ещё положительное сальдо баланса трансграничного движения капитала величиной в 0,8 млрд долл. К 2005 г. оно стало отрицательным (–12,4 млрд долл.), а в 2010 г. – –41 млрд долл. [10, р. 219, 225, 228]. Обусловлен этот процесс ростом долей иностранного капитала в стоимости уставного капитала российских фирм. Привести достаточно адекватные реальности данные сложно в связи с фактической закрытостью этой финансовой информации. За 2010–2017 гг. в экономику России было вложено 308,3 млрд. долл. иностранного капитала, а из России было вывезено 351,3 млрд долл. Таким образом, чистый отток капитала равнялся 43 млрд долл.¹

Важным фактором дестабилизации экономик России является прямая зависимость национальной денежной единицы (рубля) от долларовой выручки на международных товарных рынках и курса доллара на мировом валютном рынке, что является угрозой стабильности для всей денежно-кредитной системы и источником ценовой инфляции на внутреннем товарном рынке. Запущен процесс устойчивой девальвации рубля. За период с 1995 по 2019 г. стоимость рубля относительно доллара снизилась в 14 раз, тогда как китайская национальная валюта (юань) за 1998–2019 гг. относительно доллара повысила свою стоимость на 23,3% (с 8,3 юаня за доллар до 6,7 юаня в 2019 г.).

За 2010–2016 гг. девальвация рубля достигла 120,3%, тогда как норвежской кроны – 39%, японской иены – 23,9%, бразильского

¹ Расчёт по данным: Россия и страны мира 2018. М.: Росстат, 2018. С. 369, 371.

реала – 98,3%, канадского доллара – 29,1%, австралийского доллара – 23,8%. Стоимость юаня за этот период возросла на 1,2%¹.

Таким образом, в современной мировой экономике российская является не равным по уровню глобальной конкурентоспособности субъектом, а международным реципиентом наукоёмких промышленных и потребительских товаров, технологий и иностранных инвестиций, вкладываемых в основном в сырьевые отрасли, в пищевую промышленность, в сферы розничной торговли и финансов.

В 2017 г. объем выполненных инновационных работ, произведенных инновационных товаров и услуг в экономике России составил 7,2%. Максимально высокий объем был в сфере научных исследований и разработок – 43,1%, в обрабатывающем производстве – 8,6% [6, с. 500].

По уровню инновационной активности в 2018 г. Россия занимала 46-е место с оценкой в 37,9 балла, США были на 6-м месте с оценкой 59,8 балла, Китай – на 17-м месте с оценкой 53,1 балла. Япония занимала 13-е место (54,9 балла). Австралия находилась на 20-м месте (52,0 балла), Канада – на 18-м (53,0 балла), Индия – на 57-м (35,2 балла), Бразилия – на 64-м (33,4 балла), Норвегия – на 19-м (52,5 балла).

По этому параметру экономика России отстает от первых десяти национальных экономик почти в 2 раза (от 1,8- до 1,5-кратного). В целом при определённом локальном росте инновационного потенциала экономика России по своему характеру не является инновационной, поскольку с 1990 г. осуществлялась ошибочная стратегия её включения в мировую на основе принципа – «нефть в обмен на промышленные товары». Во имя опережающего развития сырьевых отраслей, прежде всего нефтегазовой, фактически был разорён машиностроительный комплекс, минимизировано промышленное производство потребительских товаров. Фактически был уничтожен национальный рынок товаров средней и высокой наукоёмкости, что означало исчезновение товарного спроса на них как источника формирования внутреннего предложения инве-

¹ Расчёт по данным: Россия и страны мира 2018. М.: Росстат, 2018. С. 22–24.

стиций. Начались размывание и деквалификация рабочих кадров и специалистов. Система финансирования была переориентирована на поддержку формирующегося крупного частного бизнеса нефтегазодобывающей отрасли и частного банковского сектора. Тем самым была уничтожена реальная основа глобальной конкурентоспособности. Было закрыто и объявлено банкротами до 80 тыс. предприятий. Основными экспортными товарами стали нефть и газ. В этих условиях неизбежной становится внешнеэкономическая политика «открытых дверей». Хотя по стоимости размер товарного импорта был меньше товарного экспорта, а торговый баланс имел положительное сальдо, фактически импортные товары стали доминировать в личном и производственном потреблении, заполняя соответствующие сегменты слабого национального рынка. Экономика России превратилась «в заложницу международной рыночной конъюнктуры и иностранного капитала». Спонтанные колебания мировых товарного и финансового рынков автоматически влияют на состояние российской экономики. Её развитие приобрело аритмичный характер.

В российской промышленности сформировалось 3 группы отраслей. Первая группа ориентирована на доминирование экспортных поставок нефти, газа, леса, чёрных и цветных металлов, минерального сырья. Эти предприятия в состоянии формировать основные инвестиционные ресурсы. Во вторую группу вошли предприятия, производящие наукоёмкие товары, способные конкурировать на международных рынках, включая оборонную продукцию, но не обладающие возможностью к расширенному воспроизводству за счёт собственных ресурсов. Они финансируются госбюджетом: авиаракетостроение, оборонное приборостроение. Их развитие определяется возможностями привлечения внешних инвестиций, государственных и национального частного капитала. В третью группу вошли предприятия, производящие товары личного потребления средней и малой наукоёмкости. Их товары не могут конкурировать на международных рынках, сами фирмы оснащены устаревшим оборудованием, используют устаревшую технологию. Они низкорентабельны или убыточны. Нуждаются не

только в финансовой, но и в государственно-институциональной поддержке в формах национально-экономического протекционизма, допускаемого международными торговыми документами, льготного (временного) налогообложения, различного рода субсидий, реальных проконкурентных решений.

К 2020 г. в российской сфере производства сформировалось несколько устойчивых негативных процессов:

- технологическое отставание по большинству отраслей материального производства;
- высокий уровень ресурсоёмкости материального производства;
- отсутствие национальной базы высокотехнологичного машиностроения;
- высокая степень монополизма в промышленности, торговле и финансах;
- хронический дефицит инвестиций во всех отраслях производственной сферы;
- усиление влияния иностранного капитала в финансах, промышленности и торговле;
- доминирование вывоза капитала над его ввозом;
- потери высококвалифицированных специалистов и научных работников в трансграничном миграционном движении.

Все эти процессы характеризуют экономику России не как активного, а как пассивного макросубъекта формирующейся мировой экономики устойчивого развития. На динамику уровня её устойчивости существенно влияет конъюнктура мировых рынков. Доля экономики России в производстве мирового валового продукта за 1990–2020 гг. снизилась с 3,1 до 1,5%. В долгосрочной перспективе маловероятен её среднегодовой рост в 3,7%, о котором говорят авторы «Сценарных условий долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» [7, с. 4]. В 2020 г. годовой прирост ВВП России не превысит 2%.

Производственная сфера России фрагментарна, не представляет единого национального комплекса, находится под всё более уси-

ливающимся влиянием иностранного капитала, который не заинтересован в её инновационном развитии.

Отсутствие возможности для системного инновационного развития в краткосрочной перспективе противоречит уверенности авторов долгосрочного прогнозного сценария о становлении в России «экономики знаний» уже к 2030 г. [7, с. 7].

Процесс формирования экономики устойчивого развития в России сдерживает инерция сложившейся природоресурсной международной специализации, фрагментарность сферы материального производства, отсутствие национального ядра высоконаучноёмкого машиностроения, соответствующего внутреннего национального рынка, приоритетная ориентация на иностранное инвестирование и импортные товарные поставки, приоритетная государственная поддержка крупного частного бизнеса в промышленности и финансах.

В результате в российском производстве существенно отстает развитие малого и среднего бизнеса, особенно в области высокотехнологичных товаров: нанотехнологий и электроники.

К 2030 г. в страновых экономиках – лидерах по производству высокотехнологичных товаров – прогнозируется интенсификация инновационных процессов, существенное снижение материало- и энергоёмкости производства, рост темпов производства и потребления неорганических источников энергии, активное замещение природодеструктивных промышленных технологий природобезопасными.

Растёт угроза отставания России по уровню технологического развития не только от экономик США, Канады, Западной Европы и Японии, но и от экономик Китая, Республики Корея, Австралии, Бразилии, Чехии, Польши и Чили.

Ориентирами приоритетного распределения производственных и финансовых ресурсов для субъектов управления национальной экономики и частного предпринимательства должны служить долговременные тенденции глобального научно-технологического развития: 1) переход на неорганические технологии; 2) развитие атомной электроэнергетики; 3) интенсивное развитие технологий

производства и использования материалов с необходимыми параметрами, переход на технологии 3D-печати; 4) развитие нано-оптоэлектронной информационной технологии на мощных и сверхмощных компьютерах уровня искусственного интеллекта; 5) интеграция отдельных видов технологических процессов в единую нано-, био-, инфокогнитивную систему (НБИКС).

Пока доля России в этих процессах не превышает 0,2–0,3%. Её доля на мировом рынке высокотехнологичных товаров в ближайшие 10–20 лет не превысит нескольких процентов. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 утверждён «Перечень критических технологий Российской Федерации», включающий 27 направлений: 1) военные и промышленные технологии для создания перспективных видов вооружения, военной техники; 2) силовая электротехника; 3) биокаталитические, биосинергетические и биосенсорные технологии; 4) биомедицинские и ветеринарные технологии; 5) геномные, протеомные и постгеномные технологии; 6) клеточные; 7) компьютерное моделирование наноматериалов, наноустройств, нанотехнологий; 8) нано-, био-, информационные, когнитивные технологии; 9) атомная энергетика, ядерный топливный цикл, безопасное обращение с радиоактивными отходами и отработанным ядерным топливом; 10) биоинженерия; 11) диагностика наноматериалов и наноустройств; 12) доступ к широкополосным мультимедийным услугам; 13) информационные управляющие и навигационные системы; 14) наноустройства и микросистемная техника; 15) новые и возобновляемые источники энергии, включая водородную энергетику; 16) получение и обработка конструкционных наноматериалов; 17) получение и обработка функциональных наноматериалов; 18) программное обеспечение распределённых и высокопроизводительных вычислительных систем; 19) мониторинг и прогнозирование состояния окружающей среды, предотвращение и ликвидация её загрязнения; 20) поиск, разведка и добыча полезных ископаемых; 21) предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; 22) снижение потерь от социально значимых заболеваний; 23) создание высокоскоростных транспортных средств и интел-

лектуальных систем управления новыми видами транспорта; 24) создание ракетно-космической и транспортной техники нового поколения; 25) создание электронной компонентной базы и энергоэффективных световых устройств; 26) создание энергосберегающих систем транспортировки, распределения и сбережения энергии; 27) энергоэффективное производство и преобразование энергии на органическом топливе.

Вместе с тем в Указе Президента Российской Федерации «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» № 642 от 1 декабря 2016 г. отмечается: «...слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла приводят к тому, что государственные инвестиции в человеческий капитал фактически обеспечивают рост конкурентоспособности других экономик. Вследствие невозможности удержания наиболее эффективных учёных, инженеров предпринимателей, создающих прерывные продукты, существенно сокращаются возможности в сравнении со странами, лидирующими в научно-технологической сфере. Сохраняется несогласованность приоритетов и инструментов поддержки научно-технологического развития Российской Федерации на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях, что не позволяет сформировать производственные цепочки создания добавленной стоимости высокотехнологичной продукции и услуг, обеспечить наибольший мультипликативный эффект от использования создаваемых технологий».

Системное инновационное развитие российского производства предполагает существование единого относительно автономного национального рынка производственных ресурсов, ядром которого является наукоёмкое машиностроение, основанное на доминировании национального промышленного и финансового капиталов.

Без перехода на преимущественно внутренние (национальные) источники развития вероятность достижения прогнозируемого целевого состояния экономики России – «выход на уровень экономического и социального развития, соответствующий статусу России как ведущей мировой державе XXI в., занимающей передовые

позиции в глобальной экономической конкуренции и... по уровню производительности труда» [4, с. 248, 262].

1.4. Российский природоресурсный капитал в системе природоресурсного капитала формирующейся мировой экономики устойчивого развития

Россия является одним из мировых лидеров по извлечению первичных производственных природных ресурсов, обладая 14–16% всех мировых разведённых и прогнозных запасов полезных ископаемых. Она занимает 1-е место в мире по запасам природного газа, железной руды, бокситов, никеля, по размеру земельных угодий, запасам древесины, алмазов, запасов пресной озёрной воды.

Она находится на втором месте в мире по запасам нефти и газового конденсата, калийной соли, по объёму стока речных вод, по площади биосферных заповедников.

По размеру пахотной земли, запасам меди и кобальта – 3-е место в мире, по запасам золота, свинца, вылову рыбы и рыбопродуктов – 4-е [16, с. 131].

В XXI в. для мирового производства сохраняют своё значение такие виды природных ресурсов, как пресная вода, лесной фонд, углеводороды, руды чёрных и цветных металлов, минеральные ресурсы для производства сельскохозяйственных удобрений, руды, содержащие алмазы, редкоземельные и драгоценные металлы.

Негативно влияют на степень использования природных полезных ископаемых, земельной и водной площадей суровые природно-климатические условия, низкая плотность и неравномерность пространственного размещения населения.

Из 11,5% мировой суши, которая является суверенным пространством России, размер потенциально пригодной для проживания не превышает 3,7%. По её величине Россия является 4-й, уступая Бразилии (5,1% мировой суши), Австралии (5,0%), Китаю (3,8%), превосходя Канаду (2,4%), Индию (2,1%).

Плотность проживания населения в 2018 г. равнялась 8,6 чел. на 1 км² при среднемировой плотности проживания 58,7 чел. на

1 км². В США она равняется 35,7 чел. на 1 км², в Китае – 150 чел. на 1 км², в Японии – 348,9 чел. на 1 км², в Бразилии – 25,2 чел. на 1 км², в Канаде – 4,1 чел. на 1 км², в Австралии – 3,2 чел. на 1 км², в Индии – 455,4 чел. на 1 км², в Норвегии – 14,7 чел. на 1 км² [10, р. 13, 16–18, 22, 23, 26, 31].

Основная часть населения России живёт на территории с относительно ограниченными полезными ископаемыми. Основной объем полезных ископаемых приходится на Уральский, Сибирский, Дальневосточный округа, где живёт только 26% всего населения и создаётся до 30% валового национального продукта. При этом территория этих 3 округов равняется 76,7% всей территории страны. Таким образом, на 1 км² территории создаётся валового продукта стоимостью в 12,1 млн руб., а на территории трёх восточных федеральных округов – 1,6 млн руб./км². В среднем на 1 км² территории России в 2018 г. создавался валовой продукт стоимостью в 4 млн руб. Если учитывать только территорию, потенциально пригодную для проживания, тогда на 1 км² стоимость произведённого валового продукта увеличится до 12,4 млн руб., что соответствует стоимости его производства на территории европейской части страны. Именно этот показатель следует использовать при сравнении стоимости создаваемого продукта на 1 км² территории.

Стоимостная оценка природоресурсного капитала необходима при определении величины физического национального капитала, состоящего из стоимости воспроизводимого вещественного капитала, стоимости затрат на воспроизводство человеческого капитала и стоимости невозпроизводимого природоресурсного капитала.

Проведённое специалистами Всемирного банка исследование величины и динамики национального богатства 141 национальной экономики за период 1995–2014 гг. [24] выявило, что его доля в современном мировом физическом богатстве не превышает 9% его общей стоимости, что за 20 лет к 2014 г. его доля увеличилась на 1%, а общая стоимость природного капитала возросла в 2 раза и равнялась в 2014 г. 107,4 грен. долл. [24, р. 231]. Долю России в мировом природном капитале эксперты определили в 6,2%, в том чис-

ле в природных ископаемых в 11,2%, тогда как её доля в интегральном мировом капитале существенно меньше – 2,1% [24, р. 231].

Распределение интегрального и природного капиталов в сравниваемых национальных капиталах показано в табл. 1.16.

Таблица 1.16

Удельный вес России и сравниваемых национальных экономик в мировых интегральном и природном капиталах в 2014 г. *, %

Макросубъекты мировой экономики	Доля в мировом капитале, %	В том числе	
		Природный капитал	В том числе ископаемые
Россия	2,1	6,2	11,2
США	23,3	7,0	5,6
Китай	12,8	1,9	12,6
Индия	2,0	0,6	2,9
Япония	6,3	0,4	0,1
Бразилия	3,4	7,1	3,7
Канада	3,1	1,7	2,0
Австралия	2,1	4,0	5,5
Норвегия	0,7	0,5	0,8
Все макросубъекты мировой экономики	100	100	100

* Расчёт по данным: The Changing Wealth of Nations 2018. Wash.: WBG, 2018. P. 226–233.

Доля России в мировом природном капитале в 3 раза превышает её долю в интегральном мировом капитале, а по полезным ископаемым – в 5,3 раза. Поэтому при среднемировом удельном весе природной ренты в глобальном валовом продукте в 1,9% в России эта доля равняется 11,5%, тогда как в сравниваемых страновых экономиках она в 2016 г. равнялась: в США – 0,3%, в Китае – 1,1%, в Японии – 0,0%, в Индии – 1,9%, в Бразилии – 3,1%, Канаде – 1,0%, в Австралии – 5,5%, в Норвегии – 5,8% [34]. Соответственно из сравниваемых экономик самая высокая степень ущерба природным ресурсам в России. При среднемировом уровне их истощения в 2,2% стоимости глобального продукта (без учёта ущерба от загрязнения природной среды) в России она равна 9,2%, тогда как в США – 0,9%,

в Китае – 3,8%, в Японии – 0,8%, в Индии – 4,3%, в Бразилии – 2,1%, в Канаде – 2,1%, в Австралии – 3,0%, в Норвегии – 4,5 [34].

Анализ состояния природоресурсного капитала в российской экономике показывает необходимость перехода к долгосрочной политике сбережения, постепенного сокращения объемов извлечения природных ресурсов, усиления природоохранных мер и существенного увеличения затрат пропорционально росту объемов извлекаемых природных ресурсов. Пока в России затраты на восстановление природоресурсного капитала относительно степени их истощения составляют только 8%, тогда как в Японии – 120%, в Австралии – 23,3%, в Норвегии – 20%¹.

Следует обсудить правомерность утверждения, что в современных условиях, когда в доминирующих национальных экономиках транснационального капитализма осуществляется переход к экономике знания, «природно-ресурсный потенциал является основой экономической мощи России как державы мирового класса» [21, с. 163], что доля ресурсного потенциала равна 80–85% её национального богатства [21, с. 163].

Доля отраслей добывающей промышленности в мировой экономике в первых десятилетиях остаётся стабильной на уровне 12% глобального валового продукта, а в большинстве сравниваемых национальных экономик – сокращается. За 2005–2016 гг. её увеличение на 1% произошло в Японии (до 9%), Канаде (до 1,9%), Австралии (до 17%). Без изменений эта доля осталась в Бразилии (9%). На 10% она уменьшилась в Норвегии (до 24%), на 4% – в Китае (до 11%), в Индии (до 12%), на 2% она сократилась в России (до 18%), на 1% – в США (до 8%)².

Относительно внешней природной среды добывающие отрасли промышленности выступают деструктивной силой. Поэтому при определении величины ущерба, вызванного хозяйственной деятельностью субъектов национальной экономики, в неё следует включать стоимость извлечённых объемов полезных ископаемых и

¹ Расчёт по данным: Россия и страны мира 2018. М.: Росстат, 2018. С. 295.

² Расчёт по данным: World Development indicators 2018. Wash.: WBG, 2018.

уничтоженного почвенного слоя. Постепенное сокращение объемов извлекаемых невозпроизводимых природных ресурсов и существенное сокращение извлекаемых объемов воспроизводимых природных ресурсов – необходимое условие перехода к экономике устойчивого развития.

На восстановление потреблённых и разрушенных компонентов природной среды следует направлять полученную природную ренту. Таким образом, в России на возмещение ущерба от деятельности природосырьевых предприятий необходимо вкладывать не 1–1,5% годового национального продукта, а 8–10%.

Стоимость земельных ресурсов должна формироваться пропорционально стоимости создаваемого на них валового продукта. Полученные за их извлечение налоги в значительной части должны направляться муниципальным административным структурам для финансирования работ по природовосстановлению и природосохранению.

В рейтинговых исследованиях международных организаций состояние природоресурсного потенциала России получает низкие оценки. Например, неправительственная организация The Legatum Institute (Лондон) в 2018 г. уровень устойчивости природоресурсного капитала России оценила в 60,6 балла, что соответствовало 78-му месту из 149.

За 2008–2018 гг. уровень устойчивости природоресурсного капитала в России (по данным этой организации) повысился на 9,6%, тогда как в США – на 4,3%, в Китае – на 12%, в Индии – на 7,2%, в Бразилии – на 3,9%, в Японии – на 6,9%, Канаде – на 2,8%, в Норвегии – на 3,6%. В Австралии произошло снижение уровня устойчивости природоресурсного капитала на 3,5%. В 2008 г. из сравниваемых экономик в Австралии был самый высокий балл – 76,7. У Норвегии он был на 2,1% меньше. В 2018 г. Норвегия стала лидером с показателем в 77,8 балла. Австралия отстала от Норвегии на 4,9%, Канада – на 5,9%, США – на 7,1%, Бразилия – на 10,8%, Япония на 11,2%, Россия – на 12,1%, Китай – на 31,6%, Индия – на 37%.

Уровень устойчивости природоресурсного капитала определялся по 3 параметрам: 1) давление на природу; 2) качество природной среды; 3) меры по сохранению биосферы.

По степени давления на природную среду Россия заняла 95-е место, по качеству природной среды – 66-е место, по затратам на сохранение биосферы – 98-е.

Распределение мест по уровню устойчивости природной среды между исследуемыми национальными экономиками показано в табл. 1.17.

Таблица 1.17

Распределение мест по уровню устойчивости природоресурсного капитала исследуемых макросубъектов мировой экономики в 2018 г.*, место

Макросубъекты мировой экономики	По сумме трёх компонентов	Давление на природную среду	Качество природной среды	Меры по сохранению биосферы
Россия	78	95	66	98
США	23	76	94	34
Китай	119	32	137	81
Индия	130	98	144	71
Бразилия	36	47	51	48
Япония	39	121	55	33
Канада	19	78	19	33
Австралия	17	110	6	16
Норвегия		8	4	30

* The Legatum Prosperity Index 2018. Country profiles. L.: LI, 2018. P. 10–13, 44–45, 64–64, 140–141, 160–165.

Таким образом, основной угрозой снижения уровня устойчивости природоресурсного капитала российской экономики является функционирование масштабного природоресурсоизвлекающего комплекса. Его поэтапное купирование должно стать целью долгосрочной экономической политики. На первом этапе необходимо добиться нулевого прироста извлекаемых полезных ископаемых при одновременном стимулировании перехода добывающих отраслей промышленности на ресурсоэкономные технологии, развития технологии безотходных производств, масштабного использования вторсырья и отходов производства. Процесс этот, вероятно, продлится до 2025–2030 гг.

Полученную природную ренту добывающие отрасли промышленности должны направлять на полное возмещение ущерба, вы-

званного извлечением природных ресурсов. Этот принцип следует использовать в лесной и рыбной промышленности, частично – в производстве сельскохозяйственной продукции.

До тех пор, пока основной международной специализацией России будет оставаться экспорт сырьевых ресурсов, промышленных товаров малой наукоёмкости, переход к экономике устойчивого развития будет фрагментарным, асинхронным, определяемым в основном динамикой международного товарного спроса и состоянием мирового финансового рынка.

Источники и литература

1. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого // Программа развития ООН / пер. с англ. М.: Весь мир, 2017. 284 с.
2. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420384257> (дата обращения: 19.11.2018).
3. Основные положения стратегии устойчивого развития России. Проект. М.: ГД РФ, 2002. 161 с.
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. М.: Минэкономразвития России, январь 2013. 336 с.
5. Россия и страны мира 2018. М.: Росстат, 2018. 375 с.
6. Российский статистический ежегодник 2018. М.: Росстат, 2018. 683 с.
7. Сценарные условия долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. М.: Минэкономразвития Российской Федерации, апрель 2012. 59 с.
8. Human Development Indicators and Indices: 2018. Statistical Update Team. Gen.: UNDP, 2018. 123 p.
9. Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development. N.Y.: UN, 2018. 247 p.
10. Statistical Yearbook 2018. N.Y.: UN, 2018. 493 p.
11. Transforming our World the 2030. Agenda for sustainable Development. N.Y.: UN, 2015. 60 p.
12. Акимова Т.В., Хаскин В.В. Экономика природы и человека. М.: Экономика, 2006. 334 с.
13. Акимова Т.А., Мосейкин Ю.Н. Экономика устойчивого развития: учеб. пособие. М.: Экономика, 2009. 430 с.

14. Андрианов В. Концептуальные подходы к разработке стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 года // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 5–35.
15. Артюхов В.В. Общая теория систем. Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.
16. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2004. 632 с.
17. Кузык Б.Н. Россия и мир в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 640 с.
18. Основные результаты 2016 – Индекс устойчивости общества. URL: <http://www.ssfindex.com/result/main-results-2016> (дата обращения: 22.04.2018).
19. Рейтинг стран мира по уровню счастья Организации Объединенных Наций – 2019. URL: <http://gtmarket.ruratingsworld-happiness-report/info/> (дата обращения: 10.05.2019).
20. Рейтинг стран мира по уровню устойчивости общества – 2016. URL: <http://www.ssfindex.com.Ranking-lists-2016> (дата обращения: 29.04.2019).
21. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М.: Экономика, 2002. 414 с.
22. Цели устойчивого развития ООН и Россия. Доклад о человеческом капитале Российской Федерации за 2016 год. Экологические приоритеты для России. М.: АЦПРФ, 2016. 298 с.
23. Burdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education: N.Y.: Greenwood Press, 1986.
24. The Changing Wealth of Nations 2018. Building a sustainable Future. Wash.: WBG, 2017. 255 p.
25. The Global Competitiveness Report 2011–2012. Geneva: WEF, 2011.
26. The Global Competitiveness Index 2016–2017. Rankings. Gen: WEF, 2017.
27. The Global Competitiveness Report 2016–2017. Geneva: WEF, 2018.
28. The Global Competitiveness Report 2018. Gen.: WEF, 2018. 652 p.
29. Global Wealth Report 2018. Gen.: CSB, 2018. 55 p.
30. The Legatum Prosperity Index. 12ed. Country Profiles–2018. L.: LI, 2018. 328 p.
31. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The limits to Growth. N.Y.: Universe Books, 1972. 211 p.
32. Woolcock M., Narayan D. Socialcapital: Implications for development theory // The World Bank Research Observer. 2012. Vol. 15, is. 2.
33. World Development Indicators 2017. Wash.: WBG, 2017. 120 p.
34. World Development indicators 2018. Wash.: WBY, 2018.

2. Экономика административно-экономического района как территориально-административный структурный мезосубъект устойчивого развития российской экономики¹

2.1. Социальный капитал территориально-административного структурного мезосубъекта как фактор его устойчивого развития

2.1.1. Динамика уровня жизни

«Длительное снижение доходов населения прекратилось только в 2018 г., в январе–апреле доходы населения выросли на 3% по сравнению с тем же периодом предыдущего года с учётом единовременной выплаты пенсионерам в 2017 г. Однако в 50 регионах снижение доходов продолжалось, для значительной части населения страны кризисный спад доходов ещё не закончился. Общероссийский рост достигнут, прежде всего, за счёт Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана и Тюменской области. Росту доходов населения способствовал рост реальной заработной платы в I квартале 2018 г. на 10,2% по сравнению с тем же периодом 2017 г., что связано с дополнительными выплатами бюджетникам накануне президентских выборов для выполнения майских указов, а также с индексацией пенсий в начале 2018 г. В апреле–мае–июне 2018 г. быстрый рост реальной заработной платы несколько замедлился (7%), а рост доходов населения в мае–июне прекратился» [7, с. 17].

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта 18-410-700004 р_а «Креативный средний класс как драйвер устойчивого развития региона и повышения качества жизни (на примере Томской области)», грант РФФИ 2018–2019 гг.

Следует также учитывать специфику складывающейся тенденции роста доходов населения – рост доходов населения преимущественно проявляется в высокودотационных и слаборазвитых регионах. Это обусловлено структурой занятых (значительной долей занятых в бюджетном секторе) и погрешностями в методиках (доходы в неформальном секторе определяются методом статистических дооценок).

Рост заработных плат наблюдался практически во всех отраслях за исключением государственного сектора (с 2014 г. действует мораторий на повышение), гостиничного и ресторанного бизнеса. Заработная плата в IV квартале 2017 г. составляла в реальном выражении 95,6% от средней за IV квартал 2013 г., не достигнув докризисного уровня [18, с. 22]. Следует также иметь в виду, что Росстат не учитывает оплату труда в неформальном секторе [16]. В неформальном же секторе заработные платы в последние годы стагнировали при росте занятых, только в 2017 г. началось снижение численности занятых.

В целом характерна стагнация реальных доходов, что вызвало необходимость для домохозяйств изменения модели поведения для поддержания приемлемого уровня потребления – замедление темпов наращивания сбережений в сочетании с активизацией роста кредитной задолженности перед банками. «Прирост кредитной задолженности существенно превышает прирост банковских вкладов физических лиц, растет также отношение долга к годовым денежным доходам населения (23,9% к июню 2018 г.), причем до конца текущего года оно превзойдет докризисный максимум (25% в 2014 г.)» [22, с. 4]. Более того, «...по итогам января–августа 2018 г. увеличение кредитной задолженности населения (1,7 трлн руб.) превзошло прирост задолженности корпоративных заемщиков (1,6 трлн руб.)» [27, с. 11].

Хотя, как известно, устойчивость финансового положения домашних хозяйств в долгосрочном периоде возможна лишь в условиях стабильного экономического роста.

«Средняя заработная плата работников старших возрастов значительно ниже, чем у более молодых сотрудников: в 2017 г. ра-

ботники в возрасте 55–64 лет получали на 21–27% меньше, чем работники в возрасте 30–34 лет (рис. 2.1). При этом еще в 2005 г. данный разрыв был не таким значительным – 5% для группы 55–59-летних и 11% для 60–64-летних. Такая тенденция заметно отличает ситуацию в России от развитых стран...» [17, с. 16–17]. Это, прежде всего, обусловлено тем, что такие диспропорции связаны, в первую очередь, с профессионально-отраслевой спецификой занятости молодых и пожилых возрастных групп, каждая из которых заняла особый, практически не пересекающийся ни с каким другим сегмент рынка труда.

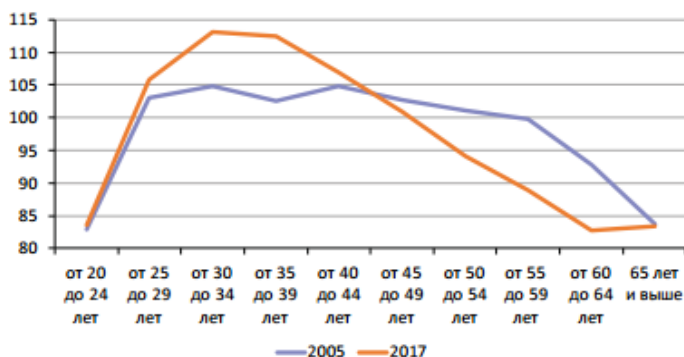

Рис. 2.1. Средняя начисленная заработная плата работников различных возрастных групп относительно средней по стране, %.

Источник: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2017/trud/wages2017.rar

По результатам проведённого ИНСАП РАНХиГС в 2017 г. исследования¹ были выделены три группы населения в России в соответствии с уровнем адаптационного потенциала: с высоким

¹ При расчёте интегрального индекса адаптационного потенциала учитывались основные ресурсы адаптации (размер текущих доходов; размер сбережений, владение недвижимостью в виде второго жилья; наличие профессионального образования; включённость в социальные связи). При расчёте интегрального показателя рисков снижения уровня жизни учитывались основные риски, связанные с а) профессиональной сферой; б) иждивенческой нагрузкой; в) вероятностью ухудшения жилищных условий; г) долговой нагрузкой.

уровнем – 20,4% населения, со средним – 40,4% и с низким – 39,2%. «Среди россиян с высоким адаптационным потенциалом наиболее высока доля людей моложе 45 лет, жителей средних и крупных городов, получивших высшее образование, имеющих работу и занимающих позиции руководителей и высококвалифицированных специалистов. По своему социально-демографическому составу и характеру занятости часть населения со средним адаптационным потенциалом близка к генеральной совокупности, т.е. такой уровень возможностей адаптации является типичным для всего общества. Среди россиян с низким адаптационным потенциалом в наибольшей степени представлены люди старших возрастов, жители сел и малых городов, без высшего образования, неработающие, а среди занятых – рабочие различного уровня квалификации, а также рядовые работники торговли и бытового обслуживания» [1, с. 22].

По результатам исследования также были выделены группы населения с низкой (26,3%), средней (48,2%) и высокой (25,5%) концентрацией основных рисков снижения уровня жизни и степени их концентрации в различных социальных средах. «В группе с высокой концентрацией основных рисков женщины встречаются чаще мужчин. Сравнительно большая часть этой группы относится к наиболее активным во всех смыслах возрастам: медианный возраст составляет 40 лет при 45 годах по массиву в целом. Здесь же сконцентрированы преимущественно городские жители, без высшего образования, без постоянной работы (в первую очередь это неработающие трудоспособного возраста) и со среднедушевыми доходами, не превышающими медианных в их типах поселений» [1, с. 23].

По результатам анализа рынка труда в Томской области была выявлена иная картина, чем полученная по результатам исследований РАНХиГС. К категории с низким адаптационным потенциалом преимущественно могут быть отнесены не только «люди старших возрастов, жители сел и малых городов, без высшего образования, неработающие», поскольку в Томской области средний возраст безработных составляет 35,2 года, более четверти из кото-

рых (26,4%) в возрасте от 25 до 29 лет и 21,7% имеют высшее образование.

Несмотря на рост среднедушевых месячных денежных доходов населения, среднего размера назначенных пенсий, прожиточного минимума¹, тем не менее доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума устойчиво растёт, постепенно приближаясь почти к 20%-й отметке (табл. 2.1). Следовательно, каждый пятый-шестой житель имеет доходы ниже прожиточного минимума. При этом на первый взгляд формируется позитивная тенденция: за анализируемый период, весь уровень поляризации (коэффициент дифференциации доходов) среди населения Томской области снизился с 13,2 до 9,7 раза. Хотя и достигнутый в 2017 г. уровень дифференциации доходов всё ещё велик. Однако если проанализировать два этих показателя вместе, то становятся более очевидными серьёзные проблемы с бедностью населения на территории Томской области.

Таблица 2.1

Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	20 429,5	21 548,7	24 845,6	24 324,6	23 543,1
Реальные располагаемые денежные доходы, в процентах к предыдущему году	105,7	98,0	103,1	91,4	92,3
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	29 813,5	32 041,6	34 041,1	36 032,4	38 388,0
Реальная начисленная заработная плата работников организаций, в процентах к предыдущему году	103,8	99,9	92,7	98,9	101,6
Средний размер назначенных пенсий	10 982	11 930	13 242	13 614	14 552
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	103,2	98,1	101,9	97,7	104,4

¹ Прожиточный минимум в Томской области за период 2013–2017 гг. вырос в 1,38 раза, достигнув в 2017 г. 10 747 руб. в месяц.

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб. в месяц	7 763	8 607	10 578	10 706	10 747
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:					
тыс. чел.	171,4	176,0	184,6	185,0	188,8
в процентах от общей численности населения	16,1	16,4	17,2	17,2	17,5
в процентах к предыдущему году	100,2	102,7	104,9	100,2	102,1
Коэффициент дифференциации доходов, в разах	13,2	12,2	11,1	10,3	9,7

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 14, 52.

Наблюдается также устойчивое сокращение доли населения с высокими доходами или с несколько отличающимися в большую сторону от средних значений (табл. 2.2). Это также позволяет оценить имеющийся потенциал среднего класса, рассматриваемый в традиционном толковании (преимущественно через доходы и потребление) как очень низкий. Соответственно применение стандартных подходов и механизмов для активизации экономического роста на территории Томской области не может обеспечить переход на качественно иную модель развития, без которой технологический прорыв на территории Томской области в обозримом будущем невозможен.

Структура конечного потребления домашних хозяйств (соотношение расходов домашних хозяйств и социальных трансфертов в натуральной форме) остаётся неизменной на протяжении всего анализируемого периода, примерно в пропорции 80:20% (табл. 2.3).

При этом нельзя не заметить (табл. 2.4) позитивные изменения в структуре денежных доходов населения: повышение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности (с 7,6% в 2013 г. до 9,0% в 2016 г.) и доходов от собственности (с 4,4 до 7,0%). Резкое падение доли доходов от предпринимательской деятельности в 2014 г. (с 12,0%) в структуре денежных доходов населения постепенно преодолевается, сменяясь, по сути дела, устойчивым не-

большим, но ростом доли данной категории доходов, хотя уровень 2014 г. так и не достигнут. Заработная плата теперь также не является единственным источником доходов, составляя менее 47%. Это можно рассматривать как результат изменения поведенческой модели населения Томской области, в том числе на рынке труда.

Таблица 2.2

**Распределение населения по величине среднедушевых доходов населения
(в процентах к итогу)**

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Все население	100	100	100	100	100
В том числе со среднедушевыми доходами в месяц, руб.:					
до 7000,0	12,9	10,1	5,9	5,4	5,3
7000,1–10000,0	13,4	12,2	9,2	9,2	9,4
10000,1–14000,0	17,1	16,8	14,8	15,1	15,7
14000,1–19000,0	16,8	17,4	17,3	17,9	18,5
19000,1–27000,0	17,1	18,4	20,4	21,0	21,4
27000,1–45000,0	15,5	17,1	21,3	21,3	20,8
45000,1–60000,0	7,2	8,0	6,2	5,8	5,3
свыше 60000,0	–	–	4,9	4,3	3,6

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 56.

Таблица 2.3

Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (в текущих ценах) на душу населения, руб.	194 077,2	200 553,1	217 126,5	224 219,7
В том числе за счёт:				
расходов домашних хозяйств	151 625,8	156 399,0	169 696,9	176 331,4
социальных трансфертов в натуральной форме	42 451,4	44 154,1	47 429,6	47 888,3

Составлено и рассчитано по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 14, 55.

Т а б л и ц а 2.4

**Структура денежных доходов и расходов населения,
в процентах к общему объёму**

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Денежные доходы – всего	100	100	100	100	
В том числе:					
доходы от предпринимательской деятельности	7,6	12,0	8,7	9,0	...
оплата труда	48,8	48,8	43,9	46,2	...
социальные выплаты	24,3	23,8	23,1	24,6	...
доходы от собственности	4,4	5,1	5,6	7,0	...
другие доходы	14,9	10,3	18,7	13,2	...
Денежные расходы и сбережения – всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
покупка товаров и услуг	65,0	64,6	60,3	64,3	67,6
обязательные платежи и разнообразные взносы	14,0	14,3	12,5	12,9	13,9
приобретение недвижимости	5,1	5,0	2,4	2,5	3,3
прирост финансовых активов	15,9	16,1	24,8	20,3	15,2

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 54.

Также всё ещё не достигнута структура расходов населения 2013 г. и прежде всего по таким группам расходов, которые характеризуют изменение поведенческой модели населения (приобретение недвижимости и прирост финансовых активов) и которые традиционно относятся к характеристикам среднего класса.

Наиболее распространёнными адаптационными стратегиями, как и на макроуровне, в Томской области за последние 2–3 года являются:

1. Стратегия привлечения внешних ресурсов (займы, кредиты и пр.) – в группах с наибольшей концентрацией рисков снижения уровня жизни.

2. Инвестиционно-сберегательная стратегия получила наибольшее распространение.

3. Стратегия повышения трудовых нагрузок за счёт сверхурочной или дополнительной работы – для специалистов высшей ква-

лификации, а также для рядовых работников торговли и бытового обслуживания.

4. Стратегия изменений в профессиональной сфере (смена работы и/или профессионального статуса – среди населения в возрасте до 40 лет).

5. Миграционная стратегия – представители наиболее квалифицированных и обеспеченных групп населения: лица с высшим образованием, высоким адаптационным потенциалом, занимающие руководящие позиции.

6. Стратегия ведения личного подсобного хозяйства – жители сельской местности и малых городов.

Анализ структуры потребительских расходов домашних хозяйств (табл. 2.5) позволяет определить перспективы роста потенциала среднего класса в Томской области, определяемого через призму традиционных подходов к оценке (преимущественный акцент на показатели материально-вещественного состояния). Судя по данным табл. 2.5, доля расходов на медицинские услуги, услуги связи практически остается на уровне 2013 г. Что касается таких групп расходов, как услуги учреждений культуры и санаторно-оздоровительные услуги, то здесь, как ни странно, разнонаправленные векторы. Рост доли услуг в системе образования несуществен. Всё это позволяет говорить о необходимости целенаправленного формирования региональной экосистемы среднего класса, который является основным субъектом перевода экономики на качественно новую модель развития.

Если более детально рассматривать структуру платных услуг населению, то, как видно из табл. 2.6, сфера услуг в Томской области достаточно развита, поскольку суммарно доля услуг, учитываемых при определении среднего класса традиционным образом¹, составляет в 2017 г. уже более 40%.

¹ Услуги телекоммуникационные, учреждений культуры, туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им, гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья, физической культуры и спорта, медицинские, системы образования.

Т а б л и ц а 2.5

Потребительские расходы домашних хозяйств (в процентах к итогу)

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Потребительские расходы – всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
расходы на покупку продуктов для домашнего питания	21,0	26,2	29,9	28,8	28,4
расходы на питание вне дома	2,3	1,6	2,0	2,0	2,5
расходы на покупку алкогольных напитков	1,3	1,8	2,1	1,6	1,4
расходы на покупку непродовольственных товаров	57,1	49,8	42,1	43,6	41,2
расходы на оплату услуг	18,3	21,5	23,9	24,0	26,5
Из них на оплату:					
жилищно-коммунальных услуг	6,0	7,0	8,3	8,4	9,0
бытовых услуг	2,5	3,3	3,2	2,8	3,1
услуг учреждений культуры	1,8	2,1	2,1	3,0	3,6
услуг в системе образования	1,0	1,2	1,6	1,4	1,3
медицинских услуг	1,5	1,6	1,1	1,2	1,4
санаторно-оздоровительных услуг	0,1	0,2	0,2	0,4	0,8
услуг пассажирского транспорта	2,0	2,6	2,7	2,5	2,5
услуг связи	2,2	2,6	2,7	2,2	2,3
прочих услуг	1,2	0,9	2,1	2,0	2,5

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 60–61.

Т а б л и ц а 2.6

Структура платных услуг населению Томской области в 2017 г.

Наименование	млн руб.	В процентах к итогу
Все оказанные услуги, в том числе:	49 425,1	100
бытовые	5 043	10,2
транспортные	4 882,1	9,9
почтовой связи и курьерские услуги	277,4	0,6
телекоммуникационные	8 596,2	17,4
жилищные	4 701,0	9,5
коммунальные	11 702,1	23,5
учреждений культуры	602,2	1,2
туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им	1 073,4	3,4
гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья	724,6	1,5

Наименование	млн руб.	В процентах к итогу
физической культуры и спорта	389,8	0,8
медицинские	4 737,6	9,6
специализированных коллективных средств размещения	343,4	0,7
из них санаторно-курортных организаций	293,0	0,6
ветеринарные	144,9	0,3
юридические	282,3	0,6
системы образования	3 757,5	7,6
социальные услуги, предоставляемые гражданам пожилого возраста и инвалидам	393,8	0,8
прочие виды	1173,6	2,4

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 166.

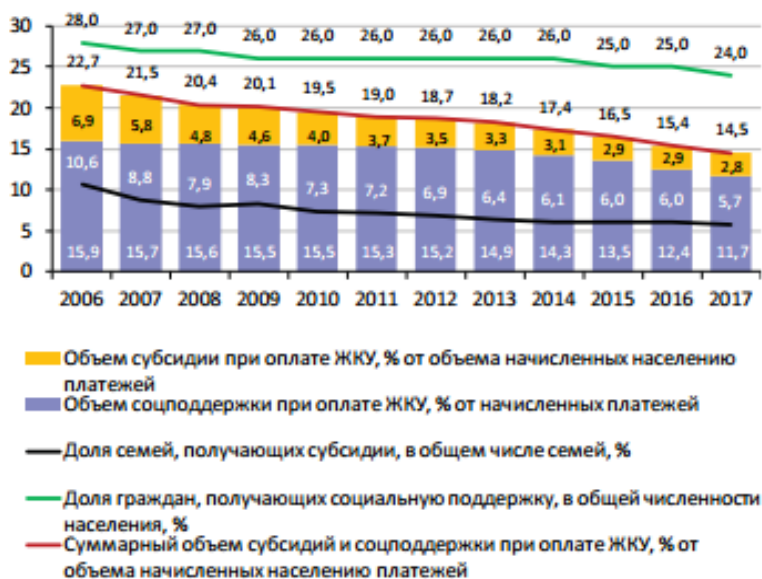

Рис. 2.2. Объем социальной поддержки и субсидий населению (% от объема начисленных населению платежей за ЖКУ) и доля бенефициаров этих мер (%).

Источник: расчёты на основе электронных сборников «Жилищные условия населения» и «Основные показатели хода реформы жилищно-коммунального хозяйства»

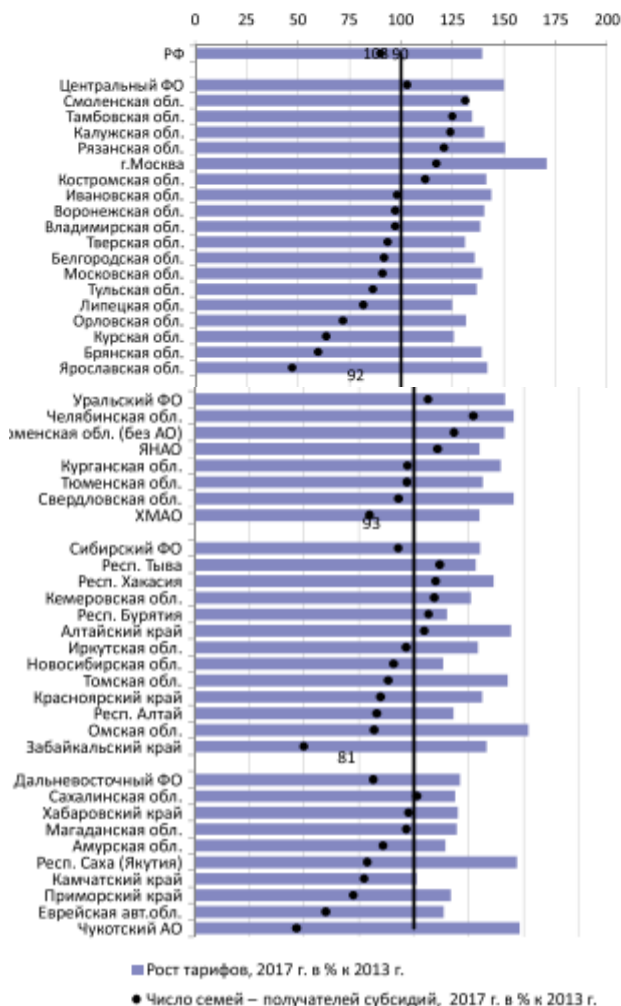

Рис. 2.3. Изменение размера тарифов на ЖКУ для населения и количества семей, получающих субсидии по регионам за 2013–2017 гг., %.

Источник: Основные показатели хода реформы жилищно-коммунального хозяйства / ЕМИСС.

URL: <http://fedstat.ru/organizations/?expandid=1292875afpsr1292875>

Сопоставление объёма начисленных платежей за жильё, коммунальные услуги и объёма субсидий и социальной поддержки (в условиях стагнации реальных доходов населения) при оплате населением ЖКХ свидетельствует о неэффективности данных программ. Жилищные субсидии и социальная поддержка за 2013–2017 гг. соответственно снизились с 3,3 до 2,8 и с 14,9 до 11,7% (рис. 2.2) [4, с. 17]. Если в 2017 г. денежные доходы населения в номинальном выражении выросли на 21% в сравнении с 2013 г. (с 25 928,2 до 31 477,4 руб. с учётом единовременной выплаты 5 тыс. руб. в январе 2017 г.)¹, то рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги в течение четырёх лет превышал вдвое рост доходов: темп роста размера социальной поддержки на одного пользователя составляет 16%, рост размера субсидии на одну семью – 33% и размер счёта за ЖКУ, приходящегося на одного человека, – 39,5%.

В 2017 г. в большинстве регионов (в том числе и в Томской области) численность получателей субсидий сократилась в сравнении с 2013 г. (рис. 2.3) [4, с. 18].

«Завершение региональных программ модернизации здравоохранения 2011–2013 гг. и последующий экономический кризис привели к резкому сокращению объёма вложений в основные фонды здравоохранения. К 2015–2016 гг. объём инвестиций в номинальном выражении стабилизировался на уровне 181,8–182,0 млрд руб. ...По данным ОЭСР, совокупный объём капиталовложений на душу населения в России (32 доллара по паритету покупательной способности) соответствует показателям таких стран, как Чили и Мексика» [24, с. 14].

В отечественной сфере здравоохранения по-прежнему основным источником инвестиций в основной капитал остаются бюджетные средства, составляющие от 70,9 до 82,9%, совокупная доля инвестиций за счёт собственных средств медицинских организаций всех форм собственности – в пределах 6,8–12%, доля инвестиций за счёт привлеченных средств – от 10,3 до 18,8%. Этим объясняется доминирование в секторе стационарной помощи государственных учреждений.

¹ Согласно данным Росстата.

Тем не менее действующая модель прямого государственного финансирования не всегда способна обеспечить достаточность, регулярность и эффективность капиталовложений. Совокупный спад капиталовложений в 2012–2016 гг. в РФ с учётом инфляции составил 56,3%.

Модель внешнего регулирования инвестиций с полным исключением ответственности медицинских организаций¹ сопровождается новыми рисками для каждой из сторон:

1) у государства риски, связанные с:

- ошибками из-за искажений при сборе и передаче информации о потребностях населения и имеющихся фондах;

- принятием неэффективных решений из-за влияния общественного мнения (стремление к созданию избыточных основных фондов как следствие положительного восприятия населением роста бюджетных расходов в сфере здравоохранения) или бюджетных ограничений (закрытие жизненно важных проектов в результате резкого сокращения бюджетных расходов и ограничений на кредитное финансирование);

2) риски снижения заинтересованности медицинских организаций:

- в оптимизации основных фондов;
- в самостоятельном привлечении инвестиций;
- в экономии выделенных средств при реализации новых инвестиционных проектов.

В зарубежной практике (Германия, Великобритания, Нидерланды, Португалия, Франция и др.) в качестве решения проблем централизованного бюджетного финансирования рассматривается смешанная модель финансирования (перераспределение ответственности за привлечение средств и реализацию инвестиционных проектов между государством, медицинскими организациями и частными инвесторами).

¹ Законодательное закрепление ограничений самостоятельных инвестиционных полномочий государственных учреждений здравоохранения и исключение компенсации инвестиционных затрат из оплаты медицинской помощи по ОМС.

Сокращение расходов на здравоохранение и увеличение расходов на социальную политику с 2017 г. также обусловлены изменением порядка отражения страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения, уплачиваемых регионами. Для обеспечения сопоставимого и релевантного анализа динамики расходов региональных бюджетов на здравоохранение и социальную политику необходим перерасчёт некоторых статей, так как с 2017 г. в бюджетный классификатор внесены изменения (страховые взносы на обязательное медицинское страхование неработающего населения из статьи «Здравоохранение» перенесены в статью «Социальная политика»).

С учётом пересчёта в целом по РФ расходы на социальную защиту населения (социальную политику) в 2017 и 2016 гг. находятся примерно на одном уровне. Это достигнуто тем, что в 2017 г. регионы вынуждены были провести «оптимизацию» социальных выплат населению, ужесточив условия предоставления социальных выплат и тем самым снизив доступность социальной защиты для разных групп нуждающегося населения, отказаться от индексации многих социальных выплат, тем самым компенсируя выпадающие страховые взносы на обязательное медицинское страхование неработающего населения. Тем не менее в 35 регионах расходы на социальную защиту населения всё-таки снизились.

Как видно из табл. 2.7, по всем основным показателям наблюдается негативная устойчивая тенденция сокращения возможностей получения населением Томской области услуг в сфере здравоохранения и санаторно-курортного лечения, отдыха, что должно вызывать особую тревогу с учётом неблагоприятной ситуации как на рынке труда, так и демографической ситуации в регионе. Хотя нельзя не отметить, что в 2017 г. ситуация несколько улучшилась в сравнении с 2016 г.

То, что доля услуг системы образования в потребительских расходах домашних хозяйств в течение 2013–2017 гг. составляет незначительную величину (порядка 1%), не случайно. При более детальном изучении состояния сферы образования Томской области значительные проблемы имеются по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования.

Т а б л и ц а 2.7

**Основные показатели здравоохранения и организации отдыха
в Томской области**

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста 2017 г. к 2012 г.
Численность врачей, чел.:							
всего, тыс.	6,6	6,5	6,6	5,8	5,9	6,0	90,9
на 10 000 чел. населения	62	61	61	53	55	56	90,3
Число больничных организаций	63	63	57	56	49	48	76,2
Мощность амбулаторно- поликлинических организаций, посещений в смену:							
всего, тыс.	28,5	28,6	26,7	25,8	26,6	26,9	94,4
на 10 000 чел. населения	268	267	249	239	247	250	93,3
Число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий	151	130	107	101	122	129	60,3
Число коек для беременных женщин и рожениц	647	659	573	551	552	542	83,8
Число фельдшерско-акушерских пунктов	247	235	239	239	239	240	97,2
Число санаторно-курортных организаций и организаций отдыха	23	21	17	15	16	21	91,3
в них коек (мест)	4 004	3 818	2 509	2 066	1 923	2 452	61,2
обслужено лиц, тыс. чел.	44,5	46,4	40,8	37,5	25,5	25,9	58,2

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 69, 71.

Так, например, охват детей дошкольным образованием составляет менее 70% (табл. 2.8), почти треть обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования учатся во вторую смену (табл. 2.9), число организаций, осуществляющих обучение по образовательным программам начального, основного и среднего образования в 2017 г., не достигает уровня 2013 г.

Таблица 2.8

Обеспеченность потребностей в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми в Томской области

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Дошкольные образовательные организации	217	209	201	206	211
Охват детей дошкольным образованием, %	64,0	64,5	66,5	67,9	...

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 64.

Таблица 2.9

Обучение по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Число организаций, осуществляющих обучение по образовательным программам начального, основного и среднего образования	337	335	330	328	320
Численность обучающихся, занимающихся:					
В первую смену:					
чел.	75 228	76 320	79 006	79 182	82 692
в процентах от общей численности обучающихся	75,2	75,0	75,2	74,2	74,0
Во вторую смену:					
чел.	24 186	25 430	26 124	27 534	29 014
в процентах от общей численности обучающихся	24,3	25,0	24,8	25,8	26,0

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 65.

Наметившаяся тенденция (табл. 2.10) сокращения выпуска бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями Томской области (прежде всего г. Томска, где они преимущественно и сосредоточены), подкрепляемая другой тенденцией молодёжной безработицы с учётом ранее полученных выводов при анализе рынка труда (каждый четвёртый среди безработного населения в возрасте от 25 до 29 лет, причём более 20% среди безработных имеют высшее образование), позволяет оценить перспек-

тивы наращивания человеческого потенциала для данной возрастной группы в Томской области как неблагоприятные. А ведь именно этой возрастной группе, вступающей в активную трудовую деятельность, и предстоит решать вопросы по технологической трансформации отечественной (региональной) экономики.

Таблица 2.10

Обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Принято студентов – всего, чел.	16 576	17 894	18 611	16 330	16 742
Выпущено бакалавров, специалистов, магистров – всего, чел.	14 648	13 685	13 852	13 697	11 432
Выпущено бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями на 10 000 занятого населения, чел.	295	278	291	281	...

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 65.

При росте числа библиотек в 2017 г. на 15% (по сравнению с 2013 г.) библиотечный фонд остался неизменным; число профессиональных театров, как и численность зрителей театров, также стабильны; при прежней общей численности музеев увеличилось число краеведческих музеев (на 3) и число посещений с 307,1 в 2013 г. до 457,6 в 2016 г. Однако в целом состояние сферы культуры в Томской области можно охарактеризовать с помощью табл. 2.11.

Таблица 2.11

Организации культурно-досугового типа

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего	323	322	309	309	276
В том числе:					
в городах и посёлках городского типа	22	22	25	25	17
в сельской местности	301	300	284	284	259

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 73.

Информация, представленная в табл. 2.11 и 2.5, наглядно демонстрирует негативную тенденцию сокращения количества организаций культурно-досугового типа при одновременном росте стоимости услуг в данной сфере. Ведь согласно информации доля услуг учреждений культуры в потребительских расходах домашних хозяйств в 2017 г. в сравнении с 2013 г. выросла в 2 раза. Это позволяет судить о формировании тенденции снижения доступности услуг данной сферы для категорий населения с низкими доходами, особенно с учётом возрастающей, как было показано ранее, существенности проблемы бедности для населения Томской области. Это также сокращает базу для формирования среднего класса в Томской области.

2.1.2. Динамика уровня оплаты труда

Позитивное влияние на состояние отечественного рынка труда могут оказать как повышение пенсионного возраста в условиях демографического «окна», так и прогнозируемый с 2028 г. рост численности населения в трудоспособном возрасте (в соответствии со средним вариантом демографического прогноза Росстата).

Десятилетний период с начала (2007 г.) активной политики стимулирования рождаемости (пронаталистская политика) достаточен для подведения определённых выводов об её эффективности и результативности. Как известно, с 1 января 2018 г. в соответствии с Федеральным законом № 432-ФЗ программа материнского капитала была продлена до 2022 г. с учётом расширенного спектра возможностей применения.

Третья волна обследования населения «Человек, семья, общество», проведённого в 2017 г. ИНСАП РАНХиГС¹, охватила 9,5 тыс. респондентов российских регионов, в рамках которого изучались ключевые вопросы мер демографической политики. Анализ полученных результатов кратко представлен в публикации авторов коллектива [19, 25].

¹ Предыдущие обследования – в 2013 и 2015 гг.

Разрешение на использование с 2018 г. средств материнского капитала на дошкольное образование с момента исполнения ребёнку двух месяцев, скорее всего, с учётом реалий является формальным¹, от которого в ближайшее время не следует ожидать существенного эффекта.

Для отечественного рынка труда 2017 г. характерны посткризисные восстановительные процессы (сокращение безработицы и рост заработных плат), активизированные, прежде всего, начавшимся с 2016 г. дефицитом трудовых ресурсов.

Несмотря на начавшееся с 2006 г. сокращение численности населения в трудоспособном возрасте², которое к 2017 г. составило 7,8%, тем не менее численность рабочей силы поддерживалась практически на одном уровне. Этому способствовали в основном два фактора – рост экономической активности и занятость на рынке труда людей, находящихся за пределами официального трудоспособного возраста.

В 2017 г. снизилась численность занятых (на 251 тыс. чел.) и численность безработных (на 277 тыс. чел.). Численность рабочей силы в 2017 г. сократилась на 0,5 млн чел. и составила 75,0 млн чел. в возрасте 15–72 лет³ (без учета проживающих в Крыму), соответственно численность занятых – 71,1 млн чел. и безработных – 3,9 млн чел. Уровень безработицы (по методологии МОТ) составил 5,2%. Необходимо отметить, что в 2017 г. сокращение численности занятых, прежде всего, наблюдалось в неформальном секто-

¹ Средства материнского капитала могут получать только организации, имеющие образовательную лицензию, процедура получения которой сложна.

² На тот период времени мужчины 16–59 лет, женщины – 16–54 года.

³ Если до 2017 г. для расчётов численности рабочей силы, занятых, безработных (по методологии МОТ) в выборку попадало население в возрасте от 15 до 72 лет, то с начала 2017 г. верхняя возрастная граница была убрана. В 2017 г. Росстат предоставлял данные и по старой, и по новой методологии, но с 2018 г. данные указываются только по новой версии. В целом включение в расчёты группы населения старшего возраста увеличивает численность рабочей силы на 150–200 тыс. чел. или на 0,2%. В 2017 г. также была проведена дооценка численности наёмных работников в неформальном секторе экономики, в результате среднесписочная численность работников увеличилась более чем на 4 млн чел.

ре, численность же занятых в формальном секторе оставалась практически неизменной.

Ситуацию на отечественном рынке труда можно охарактеризовать следующим образом: полная занятость и естественная норма безработицы. Постепенно формируется непривычная для российского бизнеса ситуация, когда для привлечения трудовых ресурсов придётся вкладывать дополнительные ресурсы и усилия.

При анализе рынка труда следует различать тенденции межстрановой¹ и внутренней трудовой миграции, особое внимание при этом обращая не только на количественные, но и на качественные характеристики, и прежде всего на образовательный, квалификационный уровень. Несмотря на то, что с 1992 по 2016 г. миграционный прирост населения российских регионов в целом (9142,5 тыс. чел.²), позволил компенсировать негативные эффекты от депопуляции в России, в последние годы постепенно формируется устойчивая тенденция снижения среди мигрантов удельного веса людей с высшим и незаконченным высшим образованием (от 13 до 17%) по сравнению с удельным весом россиян, имеющих высшее образование (28%)³.

Если же наложить на это и возрастные характеристики мигрантов, то согласно результатам имеющихся исследований молодые мигранты менее образованны, чем их соотечественники в среднем и пожилом возрасте. При кажущемся краткосрочном выигрыше для региональных экономик в виде предоставления свободных малопривлекательных ниш на рынке труда с низкими требованиями к квалификации имеется целый ряд серьёзных негативных эффектов этого и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе, связанных с проблемами последующей социализации данной категории трудовых мигрантов.

Принимаемые государством меры (в частности, преференции в области квалифицированной и высококвалифицированной трудо-

¹ В межстрановой миграции Россия – страна-реципиент.

² С учётом корректировок по результатам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

³ По данным переписи населения 2010 г., среди лиц старше 15 лет.

вой миграции) недостаточно эффективны, подтверждением этого являются следующие цифры: «за 6 лет... разрешения на работу в качестве высококвалифицированных специалистов получили лишь 151 тыс. иностранных трудовых мигрантов (в качестве просто квалифицированных больше – 411 тыс.), но в эту категорию попадали не только люди с высшим образованием» [21, с. 15]. Проблема усугубляется тем, что «образовательный потенциал трудовых мигрантов в России значительно недоиспользуется: по результатам многочисленных опросов, около трети мигрантов с высшим образованием и почти половина со средним специальным / профессиональным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих никакой квалификации» [21, с. 16].

Внутренняя мобильность населения в России, как видно по результатам имеющихся различных исследований, существенно выше того уровня, который оценивается официальной статистикой. Так, например, в столичных регионах (Москва и Санкт-Петербург) почти 1% из квалифицированных сотрудников составляют мигранты из российских регионов (за последние 5 лет).

Таким образом, для текущего состояния на рынке труда присущ минимальный начиная с 1990-х гг. уровень безработицы. Учитывая, что почти треть занятых работают на предприятиях, где основным собственником является государство, можно прогнозировать в условиях демографического «окна» усиление стремления к удержанию работников в этих организациях до достижения ими (как минимум) нового пенсионного возраста.

Формируется тенденция на постепенное улучшение состояния региональных рынков труда: сокращение доли занятых неполное рабочее время (например, в III квартале 2017 г. 2,6% по сравнению с 3,1% в конце 2016 г.) и количества регионов с повышенной неполной занятостью¹.

¹ Проблема сформировалась в течение длительного времени и характеризуется уровнем, который можно проиллюстрировать примерами в следующих субъектах: в Республике Крым (6,2%), г. Севастополе (4,8%), Ульяновской области (5%), Пермском крае, Кировской, Нижегородской и Томской областях, Санкт-Петербурге (более 4%).

Тенденция постепенного улучшения состояния рынка труда, хотя и неоднозначно, слабо проявляется в Томской области (с 2013 по 2016 г. снижается численность занятых на 7,9 тыс. чел.).

Т а б л и ц а 2.12

Рынок труда Томской области

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Численность населения (на конец года), тыс. чел.	1 070,1	1 074,5	1 076,8	1 078,9	1 078,3
Естественный прирост, убыль (–), населения, тыс. человек	2,2	2,1	2,2	1,9	0,5
Миграционный прирост, убыль (–) населения, тыс. чел., в том числе:	3,7	2,3	0,1	0,2	-1,1
межрегиональная миграция, тыс. чел.	1,3	0,5	-0,5	-0,2	-1,0
международная миграция, тыс. чел.	2,4	1,8	0,6	0,4	-0,1
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	495,7	491,6	475,2	487,8	...
Численность безработных, тыс. чел.	39,2	41,8	40,4	39,7	33,8
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения (на конец года), тыс. чел.	8,8	8,3	9,6	9,4	8,0
Отношение численности безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, к общей численности безработных, %	22,3	19,8	23,8	23,9	23,5
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	20 429,5	21 548,7	24 845,6	24 324,6	23 543,1

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 14, 35, 44.

Как и в России в целом, для Томской области присущи восстановительные процессы. Растут среднедушевые доходы населения с 20 429,5 в 2013 г. до 23 543,1 в 2017 г. (хотя в 2017 г. снижение в сравнении с 2016 г. на 3,2%) (см. табл. 2.7). Начиная с 2014 г. снижается численность безработных (на 5,4 тыс. чел. в 2017 г., не-

смотря на рост безработицы в 2014 г. на 15,7%). Как видно из табл. 2.7, численность безработных устойчиво сокращается, составив в 2017 г. 33,8 тыс. чел., из них зарегистрированных – 8,0 тыс. чел. Следует подчеркнуть, что численность зарегистрированных безработных находится в течение 2013–2017 гг. практически на одном уровне (около 8 тыс. чел., при некотором повышении в 2015 и 2016 гг.), в то время как разрыв численности безработных в целом более существен – от 33,8 до 41,8 тыс. чел. (23,7%). Кроме того, как видно из табл. 2.12, зарегистрированные безработные составляют примерно только четвертую часть безработного населения Томской области. Это ещё раз свидетельствует о недостаточной эффективности мер поддержки безработных традиционным набором средств и о необходимости разработки новых подходов, совмещая их с социальным контрактом, разработанным в Томской области и применяемым преимущественно для сельской местности. Следует подчеркнуть, что доля безработных, проживающих в сельской местности, начиная с 2015 г. устойчиво сокращается (в 2015 г. – 44,3%, в 2017 г. – 36,5%). Необходимо расширить практику социального контракта для безработных, проживающих в городской местности.

В 2017 г., по данным Томскстата, 26,4% среди безработного населения составляли люди в возрасте от 25 до 29 лет, т.е. практически каждый четвертый. Более того, средний возраст безработных в Томской области составляет примерно 35 лет (точнее – 35,2 года). Среди безработных 21,7% имеют высшее образование. 77,7% безработных имеют опыт трудовой деятельности. Всё это говорит о серьёзном резерве трудового потенциала в Томской области, который используется неэффективно, особенно в условиях неблагоприятной демографической ситуации.

Если же учитывать семейное положение, то в 2017 г. 48,1% безработных (почти каждый второй!) состоят в браке. Данная ситуация негативно отражается не только на уровне и качестве жизни семьи, но и на перспективах её сохранения.

Стабилизация естественного прироста населения с 2013 по 2015 г. (см. табл. 2.12) сменилась не просто сокращением, а насто-

ящим обвалом (до 0,5 в 2017 г.). Особенно это ощущается на фоне миграционной убыли населения, сменившей хоть и небольшой, но всё-таки прирост, имевшийся в Томской области до 2016 г. Международная миграция населения преимущественно была направлена на страны СНГ, прирост которой сократился с 2013 по 2016 г. в 5,5 раза (соответственно с 2 382 до 432 чел.). Данная устойчивая тенденция привела к тому, что в 2017 г. приток был исчерпан, миграционная убыль лишь только наполовину перекрывается естественным приростом населения.

Если на макроуровне численность рабочей силы сохранялась примерно на одном уровне, то в Томской области численность рабочей силы менялась в течение всего анализируемого пятилетнего периода (табл. 2.13) в условиях устойчивого сокращения численности населения в трудоспособном возрасте (с 649 130 тыс. чел. в 2015 г. до 633 767 тыс. чел. в 2017 г.).

Таблица 2.13

Численность рабочей силы в Томской области, тыс. чел.

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Численность рабочей силы	516,0	559,1	526,5	549,2	532,9
В том числе:					
мужчины	274,3	291,8	280,6	289,7	276,7
женщины	241,7	260,1	245,9	259,5	256,2

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 52.

Хотя структура организаций, выполнявших исследования и разработки в Томской области, не меняется на протяжении всего анализируемого периода (2013–2017 гг.), тем не менее число организаций, осуществляющих данную деятельность в предпринимательском секторе деятельности, выросло существенно (с 2013 по 2017 г. в 2 раза). Как видно из табл. 2.14, другим важным позитивным фактором для перспектив развития региональной экономики является рост персонала, занятого исследованиями и разработками. В 2017 г. в сравнении с 2013 г. численность исследователей увеличилась почти на 6%, техников – почти на 50% и вспомогательного персонала – приблизительно на 11%.

Таблица 2.14

**Численность персонала, занятого исследованиями
и разработками (на конец года, чел.)**

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Численность персонала, всего	8 684	8 914	9 448	9 922	9 301
В том числе:					
исследователи	4 384	4 323	4 617	5 071	4 641
техники	626	742	1 077	1 034	940
вспомогательный персонал	2 342	2 469	2 394	2 527	2 597
прочий персонал	1 332	1 380	1 360	1 290	1 123

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 171.

Позитивным фактором является и рост внутренних затрат на исследования и разработки в предпринимательском секторе (в 2017 г. по сравнению с 2013 г. немного более чем в 2 раза), существенно превышающий уровень внутренних затрат в государственном секторе и в секторе высшего образования (соответственно около 6 и 26%).

Эффективность исследований и разработок в Томской области можно проиллюстрировать количеством разработанных передовых технологий (табл. 2.15). Всего в 2017 г. использованы 1 603 передовые производственные технологии.

Что же касается результативности деятельности аспирантуры (защита диссертаций по результатам обучения в аспирантуре), то следует отметить следующее: в 2017 г. лишь 22% выпускников аспирантуры защищают диссертации, хотя ещё в 2013 г. данный показатель был на уровне 42%. В образовательных организациях высшего образования результативность аспирантуры в 2017 г. – не многим более 23% (в 2013 г. – 45%), хуже всего результативность аспирантуры в научно-исследовательских институтах – менее 8% в 2017 г. (в 2013 г. – 20%). Если же учитывать тренд на технологический прорыв в экономике, то проблемы в данной области ещё более серьёзные (табл. 2.16).

Таблица 2.15

Разработанные передовые производственные технологии по видам, ед.

Год	Число технологий – всего	Из них		
		новые для России	принципиально новые	с использованием запатентованных изобретений по разработке технологий
Передовые производственные технологии – всего				
2013	7	6	1	4
2014	10	9	1	4
2015	9	8	1	6
2016	14	11	3	2
2017	14	12	2	3
В том числе				
Проектирование и инжиниринг				
2013	2	2	–	1
2014	4	4	–	1
2015	4	4	–	2
2016	7	5	2	–
2017	6	5	1	1
Производство, обработка и сборка				
2013	4	4	–	3
2014	4	3	1	3
2015	4	3	1	4
2016	2	1	1	2
2017	2	1	1	2
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)				
2016	2	2	–	–
2017	2	2	–	–
Связь и управление				
2013	1	–	1	–
2014	2	2	–	–
2015	1	1	–	–
2016	3	3	–	–
2017	4	4	–	–

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 175.

Таблица 2.16

Выпуск аспирантов по отраслям наук

Наименование	Выпуск из аспирантуры		В том числе с защитой диссертации	
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Всего	496	144	131	28
В том числе по отраслям науки:				
физико-математические	81	27	29	5
химические	24	3	8	2
биологические	14	5	-	-
технические	201	64	47	9
медицинские	31	12	11	3
науки о Земле	33	9	7	2
экономические	18	8	3	1

Составлено по материалам: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 172.

Результативность докторантуры при подготовке высококвалифицированных кадров для экономики Томской области, к сожалению, можно охарактеризовать как обвал, а не как снижение. В 2017 г. из восьми докторантов защитил докторскую диссертацию лишь один, хотя ещё в 2013 г. результативность докторантуры была приблизительно на уровне 56%. Эта единственная на всю Томскую область защита касается области физико-математических наук. Учитывая, что в 2017 г. выпущено два докторанта, из которых состоялась одна защита, то формально результативность высокая – 50%, но реально это характеризует данную ситуацию как неблагоприятную; в 2016 г. в этой области наук было защищено три диссертации из десяти.

Следовательно, можно сделать вывод о достаточно серьезных проблемах в подготовке высококвалифицированных кадров в Томской области, больших неиспользуемых резервах.

Таким образом, для Томской области в рассматриваемом периоде характерны как позитивные изменения (рост инновационной активности, сокращение безработицы, рост денежных доходов), так и сохраняющиеся негативные изменения (сокращение числен-

ности населения в трудоспособном возрасте, падение естественно-го прироста населения, миграционная убыль населения, структура безработных, неэффективное использование трудового потенциала и др.).

2.2. Физический производственный капитал как фактор устойчивого развития экономики территориально-административного структурного мезосубъекта

Значительное превышение в 2000–2008 гг. темпов роста реально располагаемых доходов (в среднем 10,8% в год) в сравнении со средними темпами роста промышленного производства (5,7%) свидетельствует о нарушении пропорций в экономике, её неустойчивости, проявляющейся в быстром росте цен, в росте импорта, «перегреве экономики».

Для второго десятилетия 2000-х гг. характерно падение объёмов промышленного производства, вызванного влиянием таких факторов, как сокращение инвестиционной активности, усиление нестабильной конъюнктуры мировых цен на традиционный российский экспорт, снижение доступности ресурсов на мировых финансовых рынках для российских предприятий, девальвация рубля, снижение конкуренции с импортными товарами на внутреннем рынке из-за их удорожания и введения санкций и контрсанкций.

Отражением влияния данных факторов на отечественную экономику является индекс¹ предпринимательской уверенности организаций обрабатывающих производств (рис. 2.4).

В период нулевых годов в российской экономике сформировалась достаточно распространённая в мировой практике модель экономического роста, основанная на расширении внутреннего

¹ Индекс предпринимательской уверенности – качественный показатель, позволяющий по ответам руководителей о прогнозе выпуска продукции, остатках и спросе на нее охарактеризовать экономическую деятельность организаций (без малых предприятий) и дать упреждающую информацию об изменениях экономических переменных. URL: www.gks.ru/metpred-uver.htm

спроса. Эффективность данной модели определяется структурой покрытия прироста спроса, а результатами её могут быть как финансовая нестабильность, так и обеспечение устойчивости к внешним шокам (условие – рост доли внутреннего производства товаров и услуг, покрывающей прирост внутреннего спроса; увеличение физических объемов производства при росте номинального спроса).

Рис. 2.4. Динамика индекса предпринимательской уверенности
Источник: http://www.gks.ru/free_doc/2018/b18_01/obr-uv.htm

«Межстрановые сопоставления показывают, что производители товаров и услуг в США и Китае примерно одинаково реагируют на расширение номинального внутреннего спроса – 38 и 35% прироста спроса соответственно удовлетворяется за счёт увеличения объёмов производства» [5, с. 60]. В России же расширение номинального внутреннего спроса только на 20% обеспечивается ростом физических объемов производства товаров и услуг, «на 55% покрывается ростом внутренних цен, на 25% импортом. В таких условиях попытка снизить инфляцию может быть успешной лишь за счёт снижения роста внутреннего спроса и в конечном счете – за счёт замедления роста экономики в целом» [Там же, с. 61].

Таблица 2.17

Сценарии макроэкономической динамики на 2018–2020 гг.

Сценарий	Показатель	Год		
		2018	2019	2020
Базовый	Темп роста ВВП	2,1	2,2	2,3
	Численность рабочей силы, млн чел.	75,9	75,6	75,3
	Уровень безработицы, %	5,0	4,9	4,7
	Индекс потребительских цен на конец года	104,0	104,0	104,0
	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций, руб./месяц	421 522,0	44 783,0	47 279,0
	Индекс физического объема основных фондов	102,4	102,7	103,0
	Цены на нефть Urals (мировые), долл./барр.	43,8	41,6	42,4
Целевой	Темп роста ВВП	2,2	2,6	3,1
	Численность рабочей силы, млн чел.	75,9	75,7	75,5
	Уровень безработицы, %	5,0	4,8	4,5
	Индекс потребительских цен, на конец года	104,0	104,0	104,0
	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций, руб./месяц	42 534,0	44 876,0	47 596,0
	Индекс физического объема основных фондов*	102,5	102,9	103,4
	Цены на нефть Urals (мировые), долл./барр.	43,8	41,6	42,4
Консервативный	Темп роста ВВП	0,8	0,9	1,5
	Численность рабочей силы, млн чел.	75,9	75,6	75,3
	Уровень безработицы, %	5,2	5,2	5,1
	Индекс потребительских цен, на конец года	104,3	104,0	104,0
	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций, руб./месяц	42 223,0	44 029,0	46 185,0
	Индекс физического объема основных фондов	102,0	102,0	101,9
	Цены на нефть Urals (мировые), долл./барр.	36,8	35,0	35,0

Источник: Каукин А., Павлов П. ВВП России в 2017 году: в ожидании нового цикла роста // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 5 (66). С. 7.

«За первое десятилетие 2000-х гг. из 100 руб. прироста внутреннего спроса 53–57 руб. покрывались повышением цен на товары и услуги и 22–25 руб. – импортом. Лишь 1 из 5 руб. прироста внутреннего спроса покрывался увеличением выпуска российских предприятий [5, с. 59].

Если в 2017 г. темпы роста ВВП России – 1,55% (по оценке Росстата), то к 2020 г. темпы роста отечественной экономики должны превысить среднемировой уровень¹. Сценарный прогноз Министерства экономического развития России (основные параметры трёх сценариев на период 2018–2020 гг. представлены в табл. 2.17) предполагает выход на темпы роста 1,5–3,1% к 2020 г.², в то время как по прогнозу МВФ темпы роста российской экономики в 2018 и в 2019 гг. составят соответственно 1,7 и 1,5%³. Поскольку в экономике России сохраняются тенденции к замедлению структурных темпов роста ВВП из-за сокращения численности экономически активного населения и уровня совокупной факторной производительности, то для превышения среднемировых темпов роста необходимы структурные реформы для усиления вклада структурной компоненты в экономический рост.

Продолжается тенденция поляризации динамики долга: регионы с меньшей долговой нагрузкой его сокращают, а с максимальной – наращивают. Совокупный бюджетный дефицит удаётся держать на минимальном уровне только искусственным ограничением расходов благодаря таким инструментам, как индивидуальные соглашения по предоставлению выравнивающих дотаций и реструктуризация государственного долга по бюджетным кредитам. Тем не менее уровень долга существен. Так, например, долг Томской области к концу 2018 г. достиг почти 70%-ной отметки. По уровню долговой нагрузки⁴ (итоги 2017 г.) Томская область среди других субъектов РФ занимала 33-е место с уровнем долговой нагрузки 60,03%.

«Возобновление с 2017 г. роста срочных депозитов российских корпораций в банковском секторе свидетельствует об отсутствии достаточного числа привлекательных инвестиционных проектов» [27, с. 10]. Наблюдаемая стагнация текущих счетов корпоративных

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/54667>

² <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/2017271001>

³ <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/01/11/world-economic-outlook-update-january-2018>

⁴ Рассчитывается по отношению государственного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета (% на 01.01.2018).

клиентов в первой половине 2018 г. позволяет оценивать динамику экономики в целом как неустойчивую.

Затяжная стагнация и девальвация рубля привели к снижению спроса в отечественной промышленности, достигнув уровня многолетнего минимума в начале III квартала 2018 г. Более того, прогнозы спроса показывают дальнейшее снижение продаж, которые с апреля 2018 г. находятся на уровне худших значений с середины 2016 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что в России результатом модели экономического роста, основанной на расширении внутреннего спроса, является финансовая нестабильность, сопровождаемая внешними шоками, увеличением импорта, инфляции.

Для обеспечения роста ВВП приблизительно на 30% к 2024 г. по отношению к 2016 г. (или на 50% в номинальных величинах) в соответствии с Указом Президента № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» необходим ежегодный рост производительности труда на предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5%. Предполагается увеличение доли инвестиций до 25–27% ВВП (в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 1 марта 2018 г.)¹.

Г. Идрисов и П. Павлов смоделировали структуру российской экономики для достижения целевого роста ВВП с учётом обозначенных приоритетов и в рамках заданных ограничений (сокращение на 1% численности занятых, постепенное увеличение доли инвестиций в ВВП до 25% при росте производительности экономики приблизительно на 20%) (табл. 2.18) [8, с. 19].

Всё это предопределяет актуальность исследования реализации мер по расширению внутреннего спроса на мезоуровне отечественной экономики (на примере Томской области), а также оценки результатов социально-экономического развития по основным направлениям.

¹ Послание Президента Федеральному собранию / Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

Таблица 2.18
Модельный вариант распределения трудовых инвестиционных ресурсов между отраслями российской экономики на период до 2024 г. для достижения целевых темпов роста

Отрасли экономики	Прирост занятости, тыс. чел.	Прирост ВДС (+ЧНП) в 2016–2024 гг., %	Прирост ОФ в 2016–2024 гг., %	Прирост производимки (СФП) за 2016–2024 гг., %	Производительность экономики/отраслей (%), %	Производительность труда, годовой темп роста, %	Инвестиции в ценах 2016 г., млрд руб.	ВДС в 2024 г. в ценах 2016 г., млрд руб.	Прирост доли отрас-ли в структуре ВВП в 2016–2024 гг., п.п.
Сельское хозяй-ство и рыболовство	–385,9	8,5	8,5	11,4	1,4	1,9	3 099,1	4 431,6	–0,7
Добывающая про-мышленность	–135,2	25,0	21,3	28,7	3,2	4,4	16 701,6	10 139,0	–0,3
Обрабатывающая промышленность									
Производство пищевых продук-тов, включая напитки, и табака	138,8	56,9	64,2	28,7	3,2	4,9	3 013,0	3 162,5	0,5
Текстильное и швей-ное производство	61,9	78,0	100,9	35,9	3,9	6,3	208,7	300,9	0,1
Производство кожи, изделий из кожи и производ-ство обуви	–4,7	12,0	20,5	11,4	1,4	2,3	12,6	42,4	0,0
Обработка древе-сины и производ-ство изделий из дерева	–38,0	8,5	8,5	11,4	1,4	1,9	219,4	282,2	0,0
Целлюлозно-бумажное произ-водство	–28,5	8,5	8,5	11,4	1,4	1,9	340,4	502,9	–0,1

Отрасли экономики	Прирост занятости, тыс. чел.	Прирост ВДС (+ЧНП) в 2016– 2024 гг., %	Прирост ОФ в 2016– 2024 гг., %	Прирост производи- тельности эконо- мики/отраслей эконо- мики (СФП) за 2016– 2024 гг., %	Производительность экономики/отраслей (СФП), годовой темп роста, %	Производительность труда, годовой темп роста, %	Инвестиции в ценах 2016 г., млрд руб.	ВДС в 2024 г. в це- нах 2016 г., млрд руб.	Прирост доли отрас- ли в структуре ВВП в 2016–2024 гг., п.п.
Производство кокса, нефтепродуктов	58,2	107,9	80,1	35,9	3,9	4,8	5 570,6	4 614,4	1,6
Химическое про- изводство	35,7	40,2	46,3	20,7	2,4	3,7	1 956,1	1 236,5	0,1
Производство рези- новых и пластмассо- вых изделий	17,9	40,2	46,3	20,7	2,4	3,7	453,3	374,6	0,0
Производство прочих металличе- ских минераль- ных продуктов	–42,7	8,5	8,5	11,4	1,4	1,9	714,8	565,7	–0,1
Металлургическое производство и производство гото- вых металлических изделий	172,9	125,4	131,7	58,9	6,0	8,8	7 006,1	4 590,6	1,8
Производство машин и оборудо- вания	–264,4	25,3	31,4	42,3	4,5	6,8	602,2	924,4	0,0
Производство электрооборудова- ния, электронного	132,2	125,4	131,7	58,9	6,0	8,8	1 657,3	1 611,9	0,6

Отрасли экономики	Прирост занятости, тыс. чел.	Прирост ВДС (+ЧНП) в 2016– 2024 гг., %	Прирост ОФ в 2016– 2024 гг., %	Прирост производи- тельности эконо- мики/отраслей эконо- мики (СФП) за 2016– 2024 гг., %	Производительность экономики/отраслей (СФП), % годового темп роста,	Производительность труда, годовой темп роста, %	Инвестиции в ценах 2016 г., млрд руб.	ВДС в 2024 г. в це- нах 2016 г., млрд руб.	Прирост доли отрас- ли в структуре ВВП в 2016–2024 гг., п.п.
и оптического оборудования									
Производство транспортных средств и оборудо- вания	131,4	86,6	94,9	42,3	4,5	6,7	3 223,0	1 557,3	0,4
Прочие производства	15,7	23,5	32,1	11,4	1,4	2,3	85,9	816,2	0,0
Услуги									
Электроэнергия, газ и вода	–140,3	8,5	8,5	11,4	1,4	1,9	6 386,8	2 913,8	–0,5
Торговля	–1 722,0	20,8	37,3	20,7	2,4	4,1	3 701,2	16 628,9	–1,0
Транспорт и связь	313,3	40,2	46,3	20,7	2,4	3,7	40 428,0	9 456,0	0,7
Строительство	450,4	61,5	80,9	28,7	3,2	5,2	3 993,4	8 583,6	1,6
Услуги в госсекторе	251,6	13,4	16,0	7,2	0,9	1,4	11 518,7	14 203,8	–1,7
Услуги прочие	242,5	13,4	16,0	7,2	0,9	1,4	33 877,9	23 933,9	–2,9
Итого	–739,2	28,7	31,0	20,0	2,1	3,3	144 770,2	110 873,2	

Таблица 2.19

**Продолжительность этапов развития обрабатывающих производств
и среднегодовой прирост их выпуска, %**

Отрасль	Этап активного роста		Этап турбулентности		Этап ухудшения условий для роста	
Обрабатывающие производства	2006—2007	9,4	2008—2012	1,4	2013—2016	-0,7
<i>Производства потребительского спроса</i>						
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	2006—2007	7,3	2008—2013	2,3	2014—2016	2,3
Текстильное и швейное производство	2006—2007	11,8	2007—2013	-1,3	2014—2016	-3,2
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	2006—2007	22,0	2007—2012	3,8	2013—2016	-3,6
Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	2006—2007	7,5	2008—2012	-0,4	2013—2016	-2,6
Прочие производства	2006—2007	7,2	2008—2012	0,9	2013—2016	-3,6
<i>Машиностроение</i>						
Производство машин и оборудования	2006—2007	19,0	2008—2012	-2,7	2013—2016	-4,8
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	2006—2007	12,9	2008—2012	-2,2	2013—2016	-2,6
Производство транспортных средств и оборудования	2006—2007	6,2	2008—2014	3,3	2015—2016	-5,8
<i>Сырьевые производства</i>						
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2006—2007	5,7	2008—2013	0,0	2014—2016	-2,0
Производство кокса, нефтепродуктов	2006—2008	4,1	2009—2014	3,4	2015—2016	-1,1
Химическое производство	2006—2007	5,6	2008—2014	2,6	2015—2016	5,8
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2006—2008	23,1	2009—2014	7,6	2015—2016	0,7
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	2006—2007	11,2	2008—2014	-1,8	2015—2016	-7,2
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	2006—2007	7,1	2008—2014	0,5	2015—2016	-4,4

Источник: Березинская О., Ведев А. О возможности эффективной политики стимулирования спроса на этапе ухудшения условий для роста российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 3.

В рамках данного исследования предпринимается попытка анализа возможности переноса макротенденции стимулирования внутреннего спроса на мезоуровень с учётом выделенных О. Березинской и А. Ведевым «трёх этапов развития»¹: предкризисного ак-

¹ Под этапом активного роста понимается период развития конкретного обрабатывающего производства, начавшийся в 2006 г. и характеризующийся высокими

тивного роста; турбулентности, обусловленной мировым кризисом; ухудшения условий для роста российской промышленности» (табл. 2.19) [3, с. 1, 3].

Учитывая необходимость перехода от сырьевой модели экономического роста на модель экономического роста, основным драйвером которой является человеческий потенциал, основное внимание уделим обрабатывающим производствам, отраслям «новой экономики».

Более подробно на примере Томской области рассмотрим, как макротенденции развития отечественной обрабатывающей промышленности¹ проявляются на мезоуровне. Хотя по результатам оценки инвестиционной привлекательности 2017 г. Томская область входит в категорию «средняя инвестиционная привлекательность» – первый уровень, который подтверждён и в 2018 г., тем не менее, её рейтинг понижен в сравнении с 2016 г. до уровня IC₄.

Производство товаров потребительского спроса

В развитии пищевой промышленности наблюдается достаточно частая смена моделей экономического роста:

1) 2006–2007 гг. – модель экономического роста, основанная на опережающем повышении цен производителей при незначительном увеличении выпуска;

2) 2008–2012 гг. – модель экономического роста, ориентированная на увеличение объёмов выпуска;

3) 2013–2016 гг. – модель экономического роста, связанная с повышением отпускных цен (за счёт усиления спроса под влияни-

темпами роста выпуска. Этап турбулентности – период развития конкретного обрабатывающего производства, следующий за периодом активного роста и включающий предкризисное ухудшение динамики выпуска, прохождение острой фазы кризиса, коррекционный рост, поиск нового тренда роста. Этап ухудшения внутренних и внешних условий для роста – период развития, характеризующийся значимым изменением производственной динамики конкретного обрабатывающего производства и/или спроса на его продукцию [3, с. 2].

¹ С начала 2017 г. Росстат перешёл на новый классификатор видов экономической деятельности – ОКВЭД2 при публикации индексов промышленного производства.

ем курсовых и контрсанкционных факторов) без роста объёмов производства.

Рост цен на импортные продукты питания, контрсанкции, ограничение импорта из Украины – всё это способствовало росту отечественного производства пищевых продуктов и табака, наложившись на наметившуюся с 2008 г. тенденцию снижения темпов роста (табл. 2.18). С 2008 по 2016 г. развитие пищевой промышленности характеризуется, с одной стороны, стабилизацией на уровне 2,3% в год, а с другой стороны, ростом цен производителей – до 11,4% в год.

Если для пищевой промышленности присущи постепенное замедление и стабилизация темпов роста в сравнении с 2006 г., то для текстильного и швейного производства, как видно из табл. 2.19, характерно резкое падение с 12%-ного темпа роста (в условиях сдерживаемого импортом продукции несущественного роста цен производителей) до отрицательных показателей на уровне более 3%. Это свидетельствует о достаточно серьёзных проблемах в отрасли (повышение требовательности со стороны потребителей к качеству, недостаточный уровень конкурентоспособности отечественной продукции, рост цен и объёмов импорта и др.). В результате в данной отрасли наблюдается переход на модель экономического роста, ориентированную на опережающее повышение цен производителей в масштабах, сопоставимых с ростом цен на импортную продукцию, при незначительном увеличении выпуска.

В производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви также наблюдается достаточно частая смена моделей экономического роста:

1) 2006–2007 гг. – модель экономического роста, ориентированная на агрессивную ценовую политику (12%-ный темп рост цен производителей в год при сокращении выпуска продукции на 3,6%);

2) 2008–2012 гг. – модель экономического роста, направленная на увеличение объёмов выпуска в бюджетной нише отечественного рынка с использованием более качественного сырья и материалов;

3) 2013–2016 гг. – модель экономического роста, ориентированная на агрессивную ценовую политику при сокращении выпуска продукции.

Падение спроса на кожгалантерею и обувь преимущественно коснулось импортной, а не отечественной продукции (спрос на продукцию номинально рос на 7,9% в год, а на импортную обувь – на 3,3% в год).

В Томской области производство пищевых продуктов занимает лидирующую позицию в структуре обрабатывающей промышленности. Так, например, в 2017 г. производство пищевых продуктов составило 16,4% от объёма обрабатывающего производства, или 24 650,0 млн руб., даже опережая производство химических веществ; химических продуктов – 16% и производство электрического оборудования – 14,2%. По сравнению с данными видами экономической деятельности доля таких видов, как обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки; производство кокса и нефтепродуктов; производство компьютеров, электронных и оптических изделий, существенно ниже. Так, доля производства кокса и нефтепродуктов в объёме обрабатывающего производства Томской области в 2017 г. составляет 7,5%; доля обработки древесины и производства изделий из дерева и пробки – 6,5%; доля производства компьютеров, электронных и оптических изделий – 5,5%.

Однако следует отметить, что данная на первый взгляд «приятная глазу картинка» с производством пищевых продуктов складывается на фоне низкого уровня использования среднегодовой производственной мощности (табл. 2.20) за исключением производства молока и кисломолочных продуктов, а также мяса крупного рогатого скота, свинины, баранины и прочих животных.

Для пищевой промышленности Томской области присуще постепенное замедление темпов роста (табл. 2.21).

Всё это позволяет говорить, во-первых, о наличии достаточно серьёзных проблем в данной отрасли и, во-вторых, о переходе данной отрасли на модель экономического роста, преимущественно ориентированную на опережающее повышение цен производителей при незначительном увеличении (табл. 2.22) объёмов произ-

водства (за исключением существенного роста мяса) в условиях недостаточного использования имеющихся резервов для развития.

Т а б л и ц а 2.20

Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции, %

Наименование	2017 г.
Производство пищевых продуктов, включая напитки:	
мясо крупного рогатого скота, свинина, баранина, козлятина, конина, мясо прочих животных ... парные, остывшие или охлаждённые	95,5
изделия колбасные, включая изделия колбасные для детского питания	87,4
молоко, кроме сырого	100,0
продукты кисломолочные (кроме творога и продуктов из творога)	100,0
изделия хлебобулочные недлительного хранения	55,9
изделия макаронные, кускус и аналогичные мучные изделия	84,1
кондитерские изделия	61,3
комбикорма	69,9

Источник: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 114.

Т а б л и ц а 2.21

Индексы производства по видам экономической деятельности, % к предыдущему году

Наименование	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Обрабатывающие производства	107,3	102,9	101,8
Из них:			
производство пищевых продуктов	115,0	98,1	98,4
производство напитков	111,0	96,9	96,5

Источник: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 113.

Т а б л и ц а 2.22

Производство пищевых продуктов, тыс. т

Наименование	2016 г.	2017 г.	Темп роста
Мясо крупного рогатого скота, свинина, баранина, козлятина, конина и мясо прочих животных ... парные, остывшие или охлаждённые	19,5	28,7	147,2
Свинина парная, остывшая охлаждённая, в том числе для детского питания	18,9	28,1	148,7

Наименование	2016 г.	2017 г.	Темп роста
Изделия колбасные, включая изделия колбасные для детского питания	15,6	14,7	94,2
Рыба переработанная и консервированная, ракообразные и моллюски	3,1	3,2	103,2
Молоко жидкое обработанное, включая молоко для детского питания	38,4	40,3	104,9
Масло сливочное	0,5	0,5	100,0
Сметана	4,5	5,2	115,5
Мука из зерновых культур, овощных и других растительных культур, смеси из них	100,8	95,8	95,0
Корма готовые для сельскохозяйственных животных (кроме муки и гранул из люцерны)	246,0	281,0	114,2
Изделия хлебобулочные недлительного хранения	22,2	22,5	101,4

Источник: Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 115.

Таким образом, можно сделать вывод, что модель развития производства пищевой промышленности Томской области согласуется со сложившейся макротенденцией экономического роста данной отрасли в российской экономике.

Машиностроение. Для разных этапов развития в машиностроении характерны следующие модели экономического роста:

1) 2006–2007 гг. – модель экономического роста, ориентированная на значительное увеличение цен и объёмов производства машин, оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования в условиях более быстрого роста практически не дорожавших поставок импортного оборудования;

2) 2008–2012 гг. – модель экономического роста, направленная на повышение цен, согласующаяся с динамикой цен импорта, в условиях падения выпуска конкурентоспособного отечественного оборудования¹;

¹ Спрос на транспортные средства и оборудование отечественного производства и на этапе турбулентности, и на этапе ухудшения в номинальном выражении рос быстрее, чем на машины и оборудование, электрооборудование, электронное и оптическое оборудование. В производстве транспортных средств и оборудовании замедление

3) 2013–2016 гг. – модель экономического роста, сдерживающая рост цен для сохранения объёма производства и потребителей в условиях падения инвестиционного спроса на продукцию машиностроения, а также существенного роста цен на импорт¹.

В 2013–2017 гг. в результате роста валютного курса более чем в два раза повысились цены на импортные машины и оборудование, в то время как рост цен производителей машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования составил в среднем лишь 6–8% в год. Это сопровождалось сокращением физических объемов импорта и объемов отечественного производства (до 2,6–4,8% в год).

Аналогичная тенденция проявляется и в сфере машиностроения Томской области. В 2017 г. доля машиностроения в целом составляет 21,8%, или 32 806,1 млн руб.; так, например, на производство компьютеров, электронных и оптических изделий приходится 5,5%, на производство электрического оборудования – 14,2%, на производство машин и оборудования – 2,1%.

Если в целом по обрабатывающим производствам Томской области наблюдается незначительное снижение ежегодных индексов производства, то в машиностроении резкое падение характерно для производства компьютеров, электронных и оптических изделий (со 113,5% в 2015 г. до 63,4% в 2016 г.) и для производства машин и оборудования (со 165,3% в 2015 г. до 106,3% в 2016 г.). Падение производства машин и оборудования продолжилось и в 2017 г., составив 104,6% по отношению к 2016 г. Наблюдаемый в 2016 г. рост производства электрического оборудования также сменился падением (91,9% в сравнении с 2016 г.). Исключение составляет производство компьютеров, электронных и оптических изделий, где в 2017 г. наблюдается рост (119,0% в сравнении с 2016 г.).

роста издержек и повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции способствовали росту объёмов производства и стабилизации отпускных цен.

¹ Для производства транспортных средств и оборудования характерны значительный рост цен производителей (на уровне 11%) и сокращение выпуска продукции, превышающее двукратное значение по сравнению с другими отраслями машиностроения (около 6% в год).

«Сырьевые производства» обрабатывающей промышленности. Начиная с 2013 г. «сырьевые производства» обрабатывающей промышленности функционировали в условиях падения как среднегодовых темпов прироста экспорта, так и объёмов строительства.

Для *обработки древесины и производства изделий из дерева* с 2006 по 2012 г. была характерна модель экономического роста, преимущественно ориентированная на растущий спрос внутреннего рынка в условиях роста объёмов производства и отпускных цен, превышающих уровни соответствующих экспортных показателей. С 2013 г. стала реализовываться модель экономического роста, преимущественно ориентированная на экспорт в условиях роста стоимостных показателей из-за ослабления рубля и незначительной динамики отпускных цен, сокращения поставок продукции на внутренний рынок.

Для Томской области характерна несколько иная тенденция: вплоть до 2016 г. рост (если индекс производства по отношению к предыдущему году в 2016 г. составил 81,1%, то в 2016 г. – уже 113,8%), несколько замедлившийся в 2017 г. (109,7%). Также в отличие от обозначенной макротенденции в Томской области модель экономического роста, преимущественно ориентированная на экспорт в условиях роста стоимостных показателей из-за ослабления рубля и незначительной динамики отпускных цен, сокращения поставок продукции на внутренний рынок, стала проявляться не с 2013 г., а с 2016 г. (в страны СНГ в 2016 г. – 41,4 млн долл., в 2017 г. – 75,7 млн долл.). При этом объёмы экспорта древесины и целлюлозно-бумажных изделий в страны дальнего зарубежья, сократившиеся после 2014 г. (в 2015 г. – 34,3 млн долл., в 2016 г. – 32,9 млн долл.), в 2017 г. выросли до 39,8 млн долл.

Тем не менее для экономики Томской области нельзя не отметить серьёзные проблемы в обработке древесины и производстве изделий из дерева, связанные прежде всего с использованием производственной мощности в среднем лишь на уровне 50%. Так, например, в 2017 г. уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску пиломатериалов, продольно распиленных или расколотых, разделённых на слои или

лучёных, толщиной более 6 мм; деревянных железнодорожных или трамвайных шпал, непропитанных, составляет лишь 56,9%; а по выпуску древесноволокнистых или других одревесневших материалов – ещё меньше – 49,3%.

В целом для *продукции химического производства* характерно существенное улучшение динамики спроса, которое тем не менее неоднозначно.

Для продукции, предназначенной для внутреннего рынка:

1) 2006–2007 гг. – модель экономического роста, ориентированная на максимизацию рентабельности на внутреннем рынке в условиях снижения темпа роста (по сравнению с экспортом) поставок на внутренний рынок в сочетании с опережающим повышением отпускных цен;

2) 2008–2012 гг. – модель экономического роста, ориентированная на внутренний рынок в условиях повышения темпа роста поставок на внутренний рынок в сочетании с повышением отпускных цен (по сравнению с экспортом);

3) 2013–2016 гг. – модель максимизации рентабельности на внутреннем рынке в условиях снижения темпа роста (по сравнению с экспортом) поставок на внутренний рынок в сочетании с опережающим повышением отпускных цен. Следует иметь в виду, что именно на внутреннем рынке наблюдался основной рост цен производителей.

Для периода 2013–2016 гг. характерно восстановление темпов роста экспорта при несущественном росте средних рублевых цен экспорта (примерно на 4,5% в год).

В развитии химического производства Томской области не проявляются обозначенные макротенденции: рост производства химических веществ и химических продуктов стабилен (индекс производства в отношении к предыдущему году в 2015 г. – 104,%, в 2017 г. – 103,9%); поставки на экспорт не растут, а сокращаются, например, продукция химической промышленности, каучук в 2013 г. – 250,7 млн долл., в 2014 г. – 65,6 млн долл., в 2017 г. – 10,2 млн долл. Тенденция сокращения объёмов экспорта продукции химической промышленности проявляется как в страны дальнего зарубежья (в 2013 г. – 218,1 млн долл., в 2014 г. – 14,1 млн долл., в

2015 г. – 55,1 млн долл., в 2017 г. – 4,2 млн долл.), так и в страны СНГ (в 2013 г. – 32,6 млн долл., в 2014 г. – 51,5 млн долл., в 2015 г. – 21,1 млн долл., в 2017 г. – 6,0 млн долл.). Если в 2013 г. поставки химической продукции (каучука) из Томской области в страны дальнего зарубежья превышали поставки в страны СНГ примерно в 6,7 раза, то в 2017 г. они практически сравнялись (соответственно 4,2 и 6,0 млн долл.).

Если для производства *резиновых и пластмассовых изделий* с 2006 по 2012 г. была характерна модель экономического роста, ориентированная на расширение объёмов продукции при несущественном повышении цен производителей, то в течение 2013–2016 гг. наблюдается переход на модель экономического роста, ориентированную на максимизацию рентабельности на внутреннем рынке в условиях значительного роста цен производителей (порядка 2,5 раза). Следует подчеркнуть, что при повышении спроса на продукцию данной отрасли её развитие осуществлялось не за счёт увеличения физического объёма продукции. Улучшение финансовых характеристик было обусловлено прежде всего ростом цен.

Отмеченная макротенденция проявляется в Томской области с некоторыми коррективами. Резкое падение производства резиновых и пластмассовых изделий в 2016 г. (индекс в отношении к предыдущему году в 2015 г. – 128,5%, в 2016 г. – 77,5%) сменилось ростом до 100,5% в 2017 г.

Производство прочих неметаллических минеральных продуктов. Ошибочный прогноз спроса на стройматериалы, составленный на основе прежних темпов роста строительной отрасли (18% в год), ориентированный на необходимость снижения импортозависимости, привёл к неоправданно значительным объёмам инвестиций в основной капитал (за 2007–2008 гг. в 3,5 раза больше, чем в 2006 г.) с целью расширения и модернизации производственных мощностей отрасли. Однако вместо ожидаемого роста спроса на продукцию отрасль столкнулась с низким спросом и очень нестабильной динамикой в сфере строительства. Всё это отразилось на смене моделей экономического роста:

1) 2006–2007 гг. – модель экономического роста, ориентированная на максимизацию прибыли в условиях роста цен производителей;

2) 2008–2012 гг. – модель экономического роста, направленная на сдерживание роста цен для минимизации падения выпуска в условиях слабой и нестабильной динамики строительства;

3) 2013–2016 гг. – модель экономического роста, направленная на сдерживание роста цен для минимизации падения выпуска в условиях слабой и нестабильной динамики строительства¹.

Для Томской области производство прочих неметаллических минеральных продуктов также характерна модель экономического роста, направленная на сдерживание роста цен для минимизации падения выпуска в условиях слабой и нестабильной динамики строительства. Это позволило стабилизировать ситуацию в данном виде экономической деятельности. Если индекс производства в отношении к предыдущему году в 2015 г. составлял 92,1%, то в 2017 г. – 93,3%, за исключением падения в 2016 г. (индекс производства в отношении к предыдущему году составил 65,1%).

Однако если рассмотреть производство по отдельным видам продукции, то можно отметить и некоторые неоднозначные аспекты. Так, например, в 2017 г. в сравнении с 2016 г. произошло сокращение производства товарного бетона почти в 2 раза (точнее, в 1,91 раза); плит, панелей и настилов перекрытий и покрытий железобетонных – в 1,63 раза; при более скромном росте производства кирпича, блоков керамических для пола, плитки керамической несущей – в 1,32 раза; конструкций и деталей специального назначения сборных железобетонных – в 1,1 раза. Недостаточный внутренний спрос на производство прочих неметаллических минераль-

¹ В производстве кокса и нефтепродуктов в течение 2006–2012 гг. применялась модель, преимущественно ориентированная на экспорт и максимизацию прибыли в условиях опережающего роста поставок и экспортных цен. В течение 2013–2016 гг. произошёл переход на модель экономического роста, предусматривающую активный рост цен на нефтепродукты, предназначенные на внутренний рынок, для смягчения неблагоприятной динамики мировых цен и объема экспорта.

ных продуктов отражается на недостаточном использовании среднегодовой производственной мощности организаций по производству прочих неметаллических минеральных продуктов – на уровне 83,5% в 2017 г.

Для *продукции металлургического производства и производства готовых металлических изделий* характерно следующее:

1) 2006–2007 гг. – модель экономического роста, ориентированная на максимизацию рентабельности на внутреннем рынке в условиях сокращения поставок при опережающем росте отпускных цен на продукцию;

2) 2008–2012 гг. – модель экономического роста, направленная на увеличение объёмов производства для внутреннего рынка в условиях мягкой ценовой политики производителей (темпы роста отпускных цен значительно ниже по сравнению с 2006–2007 гг. и ниже темпа роста средних цен на экспортную продукцию), сокращения экспорта и снижения мировых цен на металлы;

3) 2013–2016 гг. – модель экономического роста, ориентированная на максимизацию рентабельности на внутреннем рынке в условиях сокращения поставок на внутренний рынок при опережающем росте отпускных цен на продукцию. Экспорт рос, темпы роста цен на экспорт в рублёвом эквиваленте были сопоставимы с периодом 2006–2007 гг.

Отрасль воспользовалась увеличением спроса на внутреннем рынке не для наращивания предложения, а для значительного роста цен производителей, как это имело место в производстве резиновых и пластмассовых изделий.

Аналогичная тенденция характерна и для Томской области. Если индекс производства в отношении к предыдущему году в 2015 г. составил 100,0%, то в 2017 г. – уже 90,0%.

Таким образом, для Томской области в рассматриваемом периоде характерны как позитивные изменения (рост инновационной активности, сокращение безработицы, рост денежных доходов), так и усиливающиеся негативные изменения (сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, падение естественного прироста населения, миграционная убыль населения, структура

безработных, неэффективное использование трудового потенциала и др.). Наметившаяся тенденция сокращения выпуска бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями Томской области, подкрепляемая тенденцией молодежной безработицы, позволяет оценить перспективы наращивания человеческого потенциала для данной возрастной группы в Томской области как неблагоприятные. Перспективы роста потенциала среднего класса в Томской области, определяемого через призму традиционных подходов к его оценке (преимущественный акцент на показатели материально-вещественного состояния), также не очень благоприятные.

При этом нельзя не заметить позитивные изменения. В частности, повышение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности и доходов от собственности в структуре денежных доходов населения.

Тем не менее переход от сырьевой модели экономического роста к модели экономического роста, основным драйвером которой является человеческий потенциал, сопровождается целым рядом серьезных проблем, преодоление которых необходимо для обеспечения устойчивого развития Томской области.

Источники и литература

1. Аврамова Е., Логинов Д. Адаптационные стратегии населения в 2017 году // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 4 (65). Март. С. 22–24. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_4-65_March.pdf
2. Березинская О., Ведев А. Зависимость российской экономики от импорта // Экономическое развитие России. 2017. № 4. С. 19–25.
3. Березинская О., Ведев А. О возможности эффективной политики стимулирования спроса на этапе ухудшения условий для роста российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 1–12.
4. Бурдяк А. Оплата жилищно-коммунальных услуг в 2014, 2017 годах: тарифы выше, социальной поддержки меньше // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. № 9 (70). Май. С. 15–19.
5. Ведев А., Косарев А. Некоторые количественные оценки воздействия институциональных ограничений на экономический рост в России // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 50–65.

6. Домашние хозяйства Томской области (2012–2016): статистический сборник. Томск, 2017. С. 25.
7. Зубаревич Н. Регионы России в январе–мае 2018 года: без устойчивого роста // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. № 14 (75). Июль. С. 16–18.
8. Идрисов Г., Павлов П. Параметры модели экономического роста на период до 2024 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 16 (77). Сентябрь. С. 17–20.
9. Итоги V ежегодного рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России.
10. Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств за 2016 год. Ч. 1: Состав домохозяйств, доходы, расходы и потребление продуктов питания: статистический бюллетень. Томск, 2017. С. 50.
11. Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств за 2016 год. Ч. 2: Соцподдержка, обучение, жилищные условия, наличие предметов длительного пользования: статистический бюллетень. Томск, 2017. С. 28.
12. Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств за 2017 год. Ч. 1: Состав домохозяйств, доходы, расходы и потребление продуктов питания: статистический бюллетень. Томск, 2018. С. 50.
13. Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств за 2017 год. Ч. 2: Соцподдержка, обучение, жилищные условия, наличие предметов длительного пользования: статистический бюллетень. Томск, 2018. С. 28.
14. Итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств за первый квартал 2018 года: статистический бюллетень. Томск, 2018. С. 32.
15. Каукин А., Павлов П. ВВП России в 2017 году: в ожидании нового цикла роста // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 5(66). Март. С. 6–9. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_5-66_March.pdf
16. Ляшок В. Заработная плата: отраслевые различия // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 21(59). С. 22–26.
17. Ляшок В. Занятость населения старшего возраста: возможности роста // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. № 17 (78). Октябрь. С. 15–17.
18. Ляшок В. Рынок труда в 2017 году: дефицит рабочей силы // Мониторинг экономической ситуации в России тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 5(66). Март. С. 21–23. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_5-66_March.pdf

19. Малева Т., Макаренцева А., Третьякова Е. Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. 2017. Т. 12, № 6. С. 124–147.
20. Мау В. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 году // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 5–29.
21. Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь в приобретении // Мониторинг экономической ситуации в России тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 1 (62). Январь.
22. Основные тенденции и выводы // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 13 (74). Июль. С. 3–5.
23. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России по итогам 2018 года. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/IPR-6-06112018.pdf
24. Сисигина Н. Развитие инфраструктуры здравоохранения: вызовы для России // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 7 (68). Апрель. С. 14–18. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_7-68_April.pdf
25. Третьякова Е., Хасанова Р. Меры демографической политики: их эффективность и предпочтения граждан // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 6 (67). Март. С. 17–20. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_6-67_March.pdf
26. Томская область в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Томкстат. Томск, 2018. 240 с.
27. Хромов М. Вклады физических лиц: слабая динамика // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 17 (78). Октябрь. С. 9–11.

3. Экономика муниципального образования как территориально-административный структурный мини-субъект устойчивого развития российской экономики

3.1. Особенности экономики муниципального образования как структурного мини-субъекта устойчивого развития российской экономики

Особым объектом региональной экономики, требующим специфического теоретико-методологического подхода, являются монопрофильные муниципальные образования.

В соответствии с исследованиями, проведёнными «Экспертным институтом» в рамках проекта «Монопрофильные города и градообразующие предприятия», к монопрофильным поселениям было отнесено 467 городов и 332 посёлка городского типа, в которых проживало 24,5 млн чел. [44]. В настоящее время утвержден Перечень монопрофильных муниципальных образований, согласно которому в Российской Федерации насчитывается 342 монопрофильных муниципальных образования. Из 319 моногородов принято считать 100 с наиболее сложной социально-экономической ситуацией в 30 регионах РФ. 10% населения страны проживает во всех моногородах России.

Проблема монопрофильных территорий касается каждого федерального округа и практически 70% субъектов России. Поэтому в настоящее время изучение данного вопроса является актуальным и требует постоянного контроля над ситуацией и выработки направлений их дальнейшего развития.

Множественность и в большинстве случаев упрощённость подходов к определению содержания понятия «монопрофильное муниципальное образование» не даёт в полной мере проанализировать целостность этого явления. Необходимо отметить, что чаще

всего используется такой термин, как «моногород». Согласно Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в Российской Федерации выделяют пять видов муниципального образования: городское поселение, сельское поселение, муниципальный район, городской округ, внутригородская территория города федерального значения. При этом любой из этих видов муниципального образования может относиться по критериям к монопрофильному. Таким образом, монопрофильной территорией может быть признан как город (поселок городского типа), являющийся муниципальным образованием, так и населённый пункт, такого статуса не имеющий и входящий в границы другого муниципального образования. Поэтому, с нашей точки зрения, правильно использовать такое общее понятие, как монопрофильное муниципальное образование.

Данное мнение согласуется и с позицией экспертов Московского общественного научного фонда, которые считают, что формулировка «моногород» неудачна, так как не раскрывает его содержание. Монопрофильность выражается как в чрезвычайно низком уровне диверсификации отраслевой структуры, так и в ограниченности числа предприятий, обеспечивающих функционирование конкретного населённого пункта.

В.К. Заусаевым выделены три формы монопрофильности:

1. «Монофункциональный» город, содержащий ограниченное число предприятий, образующих тот критический размер деятельности, который обеспечивает его существование и развитие. Использование этого термина подчеркивает, что монопрофильность может возникать и при наличии нескольких предприятий, которые формально относятся к разным отраслям, но взаимосвязаны единой производственной цепочкой или обслуживают один и тот же рынок.

2. «Моноотраслевой» город, где существуют несколько предприятий ведущей, градообразующей отрасли.

3. «Моноцентрический» город, который представлен единственным предприятием [18].

В большинстве определений главной отличительной особенностью монопрофильного муниципального образования является

наличие и зависимость от градообразующего предприятия. Так, эксперты Союза инвесторов рассматривают монопрофильное муниципальное образование как поселение (город, поселок), где существует настолько тесная связь между функционированием крупного (градообразующего) предприятия и экономико-социальными аспектами жизни самого поселения, что рыночные перспективы предприятия существенно влияют на судьбу этого поселения как такового. Данную точку зрения разделяют и эксперты Аналитического агентства RWAY. По их мнению, монопрофильные города – это города, в которых градообразующее предприятие определяет практически все экономические и, что особенно важно, социальные процессы, происходящие в городе.

Наиболее ярко зависимость монопрофильного муниципального образования от градообразующего предприятия охарактеризовал Е.Г. Анимица, отождествив его с городом-заводом. По его мнению, «моногород характеризуется простой планировочной структурой, наличием одной промышленной зоны, а его центр нередко “привязан” к проходной завода. Моногород и внешне, и по существу выглядит “приложенным” к промышленному предприятию» [32].

По мнению Г.Ю. Кузнецовой, монопрофильность определяется как доминирование какой-либо отрасли промышленности в специализации экономической базы города. Понятие монопрофильности, как правило, применяется к городам и посёлкам городского типа, в которых 1–2 крупных градообразующих предприятия относятся к одной отрасли промышленности, с этими же предприятиями связаны основная занятость и доходы местных бюджетов. Однако такое определение может быть применено не ко всем монопрофильным муниципальным образованиям, так как на практике специализация территории может быть связана как с производственной, так и с непроизводственной сферой, например наукограды.

Важную отличительную особенность монопрофильных муниципальных образований, по нашему мнению, выделил руководитель исследования «Монопрофильные города и градообразующие предприятия», выполненного научно-просветительским фондом «Экспертный институт», А. Николаев. «Моногород» рассматрива-

ется как поселение, организации или жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключаящие возможность устойчивого развития этого населённого пункта [44].

Такой же точки зрения придерживается и В.Я. Любовный, который рассматривает монопрофильные города и посёлки России как наиболее уязвимую категорию населённых мест, систематически находящуюся в зоне риска в силу односторонне развитой и преимущественно отсталой экономической базы. По его мнению, такие города и посёлки обладают слабой устойчивостью в обычных условиях и первыми теряют «равновесие» при наступлении кризисной ситуации в социально-экономическом развитии страны [35].

Монопрофильное муниципальное образование как особый тип городского поселения характеризует М.М. Муртазин. Он утверждает, что следует исследовать категорию «монопрофильное муниципальное образование» в компаративном (сравнительно-правовом) измерении и определять его как относительно обособленную общность компактно проживающих людей, являющуюся частью макросистемы, представляющую собой особый тип организации гражданского общества, который характеризуется системным единством города и градообразующих предприятий, а также характерным развитием экономики, связанным с выполнением определённой общественно значимой функции в макросистеме. По его утверждению, под «моногородом следует подразумевать особую ответственность государственной и муниципальной власти за градообразующее предприятие и социально-экономическое положение граждан» [46].

Л.В. Кашкина рассматривает монопрофильный город как социальную лабораторию, где происходят неоднозначные процессы, а социальные изменения, происходящие в современных российских монопрофильных городах, являются следствием политических и экономических изменений государства [28].

Также и Е.Г. Анимца определяет «моногород как моноцентричное поселение по отношению к преобладающей сфере занятости, сфере деятельности трудоспособного населения, рынкам сбы-

та готовой продукции и объёму налогов и сборов, поступающих в местный бюджет, т.е. как особый тип организации взаимосвязи производства и жизнеобеспечения населения поселений» [32].

Большинство авторов рассматривают монопрофильность как крайне негативный фактор существования города (зависимость от финансово-экономического состояния и развития одного или нескольких градообразующих предприятий, а также от конъюнктуры отрасли).

Ряд авторов рассматривают монопрофильную территорию как положительное явление. Так, например, И.Ю. Загоруйко определяет монопрофильное муниципальное образование как уникальный тип городского поселения, в экономике которого преобладает промышленный сектор, позволяющий городу приобрести и удерживать конкурентные преимущества за счёт развития промышленных предприятий и формирования эффективной функциональной структуры города [16].

Отличительной чертой монопрофильных муниципальных образований, по мнению М.В. Алтуховой, является зависимость от конкурентоспособности одного или нескольких градообразующих предприятий, отсутствие финансовых и других ресурсов для решения социально-экономических проблем в критической ситуации [3].

Е.Д. Еремина даёт широкое понятие монопрофильного города, а именно: это территория, центрированная по отношению к единственному (иногда – нескольким взаимозависимым) субъекту (субъектам) преимущественно для городской экономики вида деятельности – градообразующему предприятию (предприятиям), характеризующаяся острой зависимостью жизнедеятельности населения и выполнения органами местного самоуправления возложенных на них государственных полномочий, а также своего перспективного экономического развития от функционирования градообразующего предприятия (предприятий), реструктуризация и модернизация которого (которых), в свою очередь, невозможна без вмешательства органов государственной власти и без выделения значительных денежных средств из консолидированного бюджета Российской Федерации [20]. Однако, исходя из такого определения, к мо-

нопрофильным муниципальным образованиям можно отнести лишь их часть, так как большинство градообразующих предприятий собственными силами преодолевают последствия кризиса, а в остальной её части значительной реструктуризации не требуется.

Г.М. Лаппо выделяет такое понятие, как однофункциональный (узкоспециализированный) город – город, который существует на основе какой-либо одной функции. Специализацию города (как и района) он определяет с помощью расчета индекса специализации по формуле

$$S_i = (N_i - N_j) / N_j,$$

где S_i – индекс специализации города i по отрасли N ; N_i – доля отрасли N в суммарной занятости города i ; N_j – доля отрасли N в суммарной занятости по стране.

По мнению учёного, общим принципом должна стать желательность развития узкоспециализированных центров по пути многопрофильности. Приобретение дополнительной «специализации» делает более устойчивым положение города в условиях меняющейся экономической конъюнктуры. Потенциал города используется лучше. В большинстве случаев даже возникает необходимость смены функции, их перепрофилизации. Это относится к тем, которые возникли на разработках месторождений полезных ископаемых [34, с. 451].

А. Нецадин и Н. Горин также считают основной особенностью монопрофильного города определённую специализацию и идентифицируют его как город, в основании которого существует одно предприятие (отрасль), один «вид деятельности» [48].

По мнению А.С. Новоселова, монопрофильные муниципальные образования возникают для выполнения строго ограниченного набора внешних функций. Их экономико-географическое положение, природно-климатические условия, в которых они расположены, как правило, крайне неблагоприятны для реализации иных функций, кроме тех, ради которых они создавались. При невозможности выполнения этих функций (например, исчерпание месторождений) или низкой эффективности их реализации большин-

ство из таких городов обречены на «умирание», поскольку внешние «вливания» для искусственного поддержания существования будут многократно превышать затраты на переселение населения в районы с более благоприятными природно-климатическими и экономическими условиями. Поэтому важнейшим методологическим принципом для определения жизнеспособности монопрофильного муниципального образования является принцип экономической эффективности [70]. Однако мы не согласимся с данным утверждением, так как важна не только экономическая составляющая, а эффективность комплексного развития монопрофильного муниципального образования.

Специфика монопрофильных муниципальных образований отражена также в исследовании И.Д. Тургель, которая идентифицирует феномен «городской монофункциональности» [73] с существованием жёсткой зависимости возможностей, темпов и направлений развития всех элементов городской системы от финансово-экономического состояния, стратегии управления и фазы жизненного цикла ограниченного числа градообразующих предприятий, реализующих ведущую внешнюю функцию города. При этом моноцентризм в формировании структуры экономики города, по её мнению, выражается в следующих формах:

- ограниченное число внешних городских функций (как правило, одна или же несколько функций взаимодополняют и поддерживают основную);
- низкий уровень диверсификации структуры городской экономики;
- низкий уровень диверсификации структуры занятости;
- внешние функции города реализует ограниченное число предприятий.

Ю.А. Алушкин выделяет следующие основные характеристики социально-экономического развития монопрофильного города [4]:

- инерционность развития, что подтверждается длительным сохранением первоначальной хозяйственной специализации;
- концентрация монопрофильных городов в рамках ограниченных территорий;

– несоответствие вклада монопрофильных муниципальных образований потребностям экономического развития региона и уровня жизни;

– деятельность градообразующих предприятий как ведущий результирующий фактор функционирования монопрофильного города;

– неоднозначность взаимосвязи между финансово-экономическим положением города и градообразующего предприятия;

– ограниченность возможностей для расширения доходной базы местных бюджетов.

Обобщая существующее множество определений категорий, касающихся монопрофильных муниципальных образований, можно выделить следующие черты (табл. 3.1):

1. Зависимость поселения от градообразующего предприятия.
2. Способность к устойчивому развитию и противостоянию внешним рискам.
3. Территория как особый тип городского поселения.
4. Сочетание особенностей зависимости от градообразующего предприятия и недостатка финансовых средств.
5. Особенность специализации города.

Необходимо отметить, что при исследовании монопрофильного муниципального образования необходимо использовать корпоративный принцип, который входит в состав интегрированного подхода, ориентированного на человека. С позиций системного и процессного подходов, муниципальное образование представляет собой систему, состоящую из природной составляющей, отдельных предприятий, населения, деятельность которых рассматривается как отдельный процесс. Основным отличием при использовании интегрированного подхода, включающего в себя данные подходы, является рассмотрение муниципального образования, населения и градообразующего предприятия как единой квазикорпорации, квазигосударства и социума. Это позволяет анализировать условия и проблемы устойчивого развития монопрофильного муниципального образования.

Т а б л и ц а 3.1

**Сравнительный анализ существующих определений понятия
«монопрофильное муниципальное образование»
с учетом концептуальных подходов**

Определение	Автор	Выделяемые в определении признаки
Концептуальный подход «Монопрофильное муниципальное образование – квазикорпорация (техническая подсистема, акцент на человека как работника)»		
Монопрофильность означает, что основная часть трудоспособного населения города работает на одном предприятии или в одной отрасли, что приводит к возникновению социальной напряженности в условиях постоянного спада объемов производства. Монопрофильные города наиболее уязвимы в своём социально-экономическом развитии, особенно в условиях современной нестабильной макроэкономической ситуации [24]	Ильченко А.Н., Абрамова Е.А.	Способность к устойчивому развитию и противостоянию внешним рискам
Монопрофильный город – населённый пункт (город или поселок городского типа), экономическую базу которого составляет одно или несколько предприятий, работающих на один узкий сегмент рынка [50]	Пасынков А.Ф.	Зависимость от градообразующего предприятия
«Моногород – уникальный тип городского поселения, в экономике которого преобладает промышленный сектор, позволяющий городу приобрести и удерживать конкурентные преимущества за счёт развития промышленных предприятий и формирования эффективной функциональной структуры города»	Загоруйко И.Ю.	Особый тип поселения
Монопрофильный город – город, в основании которого существует одно предприятие (отрасль), один «вид деятельности»	Нешадин А., Горин Н.	Зависимость от градообразующего предприятия и его отраслевой специфики
Однофункциональный город – город, который существует на основе какой-либо одной функции	Лаппо Г.М.	Особенность специализации

Определение	Автор	Выделяемые в определении признаки
Моногород (монопрофильное поселение) – поселение (город или поселок), в котором жизнь и благополучие людей находятся в тесной зависимости от деятельности одного предприятия либо группы предприятий, связанных единой производственной цепочкой или обслуживающих один и тот же рынок, и на которых занято более четверти экономически активного населения	Союз российских городов	Зависимость от градообразующего предприятия
Город-завод – город выглядит «приложенным» к промышленному предприятию»	Анимица Е.Г.	Зависимость от градообразующего предприятия
Монопрофильность применяется к городам и посёлкам городского типа, в которых 1–2 крупных градообразующих предприятия относятся к одной отрасли промышленности, с этими же предприятиями связаны основная занятость и доходы местных бюджетов	Кузнецова Г.Ю.	Зависимость от градообразующего предприятия
Концептуальный подход «Монопрофильное муниципальное образование – квазигосударство (институциональная подсистема, акцент на человека как социализированную индивидуальность)»		
Монопрофильный город (монопосёлок городского типа) – территория, центрированная по отношению к единственному (иногда – нескольким взаимозависимым) субъекту (субъектам) преимущественно для городской экономики вида деятельности – градообразующему предприятию (предприятиям), характеризующаяся острой зависимостью жизнедеятельности населения и выполнения органами местного самоуправления возложенных на них государственных полномочий, а также своего перспективного экономического развития от функционирования градообразующего предприятия (предприятий), реструктуризация и модернизация которого (которых), в свою очередь, невозможна без вмешательства органов государственной власти и без выделения	Еремина Е.Д.	Недостаток финансовых ресурсов

Определение	Автор	Выделяемые в определении признаки
значительных денежных средств из консолидированного бюджета Российской Федерации		
Моногород – поселение, организации или жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населённого пункта	Николаев А.	Способность к устойчивому развитию
Концептуальный подход «Монопрофильное муниципальное образование – социум (социальная подсистема, акцент на человека как потребителя)»		
Моногород – относительно обособленная общность компактно проживающих людей, являющаяся частью макросистемы, представляющая собой особый тип организации гражданского общества, который характеризуется системным единством города и градообразующих предприятий, а также характерным развитием экономики, связанным с выполнением определённой общественно значимой функции в макросистеме	Муртазин М.М.	Особый тип поселения
Моногород – моноцентричное поселение по отношению к преобладающей сфере занятости, сфере деятельности трудоспособного населения, рынкам сбыта готовой продукции и объёму налогов и сборов, поступающих в местный бюджет, т.е. как особый тип организации взаимосвязи производства и жизнеобеспечения населения поселений	Анимица Е.Г.	Особый тип поселения
Монопрофильный город как основной компонент социологического исследования можно рассматривать в виде своеобразной социальной лаборатории, где происходят разнообразные и неоднозначные процессы. Монопрофильный город может стать инструментом для контроля наблюдений над социальными условиями и их отношением к социальному поведению	Кашкина Л.В.	Особый тип поселения

Определение	Автор	Выделяемые в определении признаки
Моногород – город, в котором градообразующее предприятие определяет практически все экономические и, что особенно важно, социальные процессы, происходящие в городе	Эксперты Аналитического агентства RWAY	Зависимость от градообразующего предприятия
Смешанный подход		
Моногород (монопрофильное поселение) – поселение (город, посёлок), где существует настолько тесная связь между функционированием крупного (градообразующего) предприятия и экономико-социальными аспектами жизни самого поселения, что рыночные перспективы предприятия существенно влияют на судьбу этого поселения как такового	Эксперты Союза инвесторов	Зависимость от градообразующего предприятия
Моногород – город, отличительной чертой которого является зависимость от конкурентоспособности одного или нескольких градообразующих предприятий, отсутствие финансовых и других ресурсов для решения социально-экономических проблем в критической ситуации	Алтухова М.В.	Недостаток финансовых ресурсов
Монопрофильные города и посёлки – наиболее уязвимая категория населённых мест, систематически находящаяся в зоне риска в силу односторонне развитой и преимущественно отсталой экономической базы	Любовный В.Я.	Способность к устойчивому развитию

Источник: Авторская разработка.

Несмотря на то, что в настоящее время существует множество определений категории «монопрофильное муниципальное образование», отражающих различные его черты и концептуальные подходы, тем не менее в них отсутствует комплексность подходов, необходимая для реализации принципов устойчивого развития. Это, в свою очередь, не позволяет в полной мере исследовать устойчивое развитие территории. В связи с этим мы предлагаем использовать применительно к монопрофильной территории интегрированный подход, ориентированный на человека, который поз-

воляет рассматривать монопрофильное муниципальное образование как социально ориентированную квазикорпорацию.

Необходимо отметить, что изначально относительно к монопрофильным территориям применялся подход «монопрофильное муниципальное образование – воспроизводственная система». Соответственно первостепенным являлся воспроизводственный подход. В настоящее время доминируют корпоративный и социальный подходы. Данная тенденция представлена на рис. 3.1.

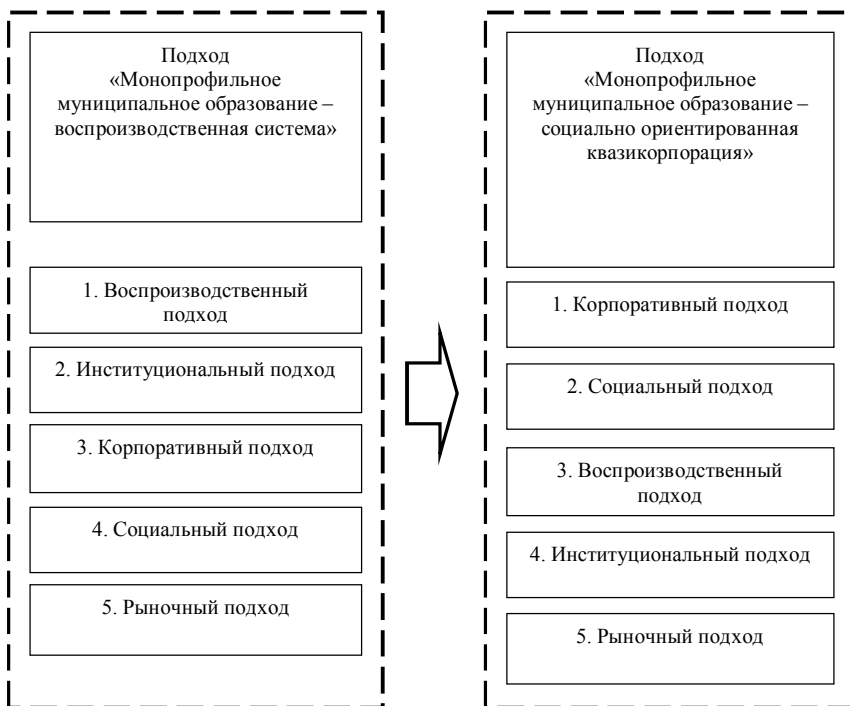

Рис. 3.1. Эволюция подхода «Монопрофильное муниципальное образование – социально ориентированная квазикорпорация»

Монопрофильность муниципального образования не только определяет направления экономического развития города, но и изменяет структуру всех подсистем, формируя целостный социум,

со специфическим типом организации, связанной с реализацией определённой общественно значимой функции.

В развитом состоянии монопрофильное муниципальное образование представляет собой сложную динамическую систему-социум, где экономико-технологические, экологические и социокультурные отношения образуют относительно самостоятельный механизм воспроизводства необходимых ресурсов, в том числе рабочей силы, общественных благ (социальной инфраструктуры) и духовной составляющей, основанный на корпоративном и рыночном принципах, образуя целостную институциональную систему.

Состав градообразующей сферы города во многом предопределяет образ города, профессиональную и квалификационную структуру трудоспособного населения. В градообразующей сфере население получает работу, формируется налоговая база города, население может получать отдельные коммунальные (тепло, вода) и социальные (здравоохранение, культура и др.) услуги. Градообразующие предприятия нуждаются в различных ресурсах из внешней среды. Однако встречное предложение товаров и услуг во внешнюю среду, за которые можно приобрести ресурсы для всех сфер города, обеспечивает в основном градообразующая сфера. Отсюда следует, что экономическое положение градообразующих предприятий оказывает решающее влияние на все стороны жизни города.

Между градообразующей и градообслуживающей сферами существуют системообразующие связи. Они обусловлены тем, что размеры и состав муниципального хозяйства определяются в основном численностью населения, темпами его роста, размерами территории, сферой его влияния на прилегающие к городу территории и другими факторами, которые, в свою очередь, зависят от размеров и состава градообразующей базы, темпов её роста и направлений развития.

Важно отметить, что структурные диспропорции в капитальных вложениях остро проявляются на территориях монопрофильных муниципальных образований, затрудняя решение вопросов обеспечения их устойчивого развития, устойчивой безопасности и поиска баланса между экономическим ростом и качеством жизни населения [35, 65].

Эксперты ТАСИС выделяют следующие проблемы устойчивого развития монопрофильных территорий:

- миграция (утечка «мозгов») специалистов и перспективной молодежи;
- высокий уровень безработицы;
- слабое развитие инфраструктуры;
- низкий уровень образования населения, слабая профессиональная подготовка в местных образовательных учреждениях;
- отсутствие традиций мелкого предпринимательства и ведения собственного хозяйства [39].

Как показывает обобщённый опыт разных стран, проблемы монопрофильного муниципального образования можно разделить на несколько ключевых групп:

1. Связанные с физическим и психологическим здоровьем жителей монопрофильного муниципального образования: проблемы со здоровьем работников градообразующих предприятий, усиленные неблагоприятной экологической ситуацией, высокий уровень алкоголизма и наркомании и др.

2. Социально-экологические проблемы: высокий уровень безработицы, особенно среди молодёжи; негативный прогноз на будущее; неготовность основной массы местного населения сделать выбор в пользу переезда, переобучения или смены профессии; чрезмерная экологическая нагрузка на территории, где расположены градообразующие предприятия.

3. Экономические проблемы: слабо развитая инфраструктура; низкая предпринимательская активность местного населения; ограниченная функциональная направленность местных производств; медленное формирование экономических и институциональных условий для инновационного развития; устаревшие технологии, износ основных фондов градообразующих предприятий.

4. Неэффективность муниципального управления в виде зависимости органов местного самоуправления от градообразующего предприятия.

Причины сохранения и воспроизводства проблем монопрофильного муниципального образования, по мнению Е.Г. Анимиды

и Н.В. Новиковой [5], вытекают из их специфики, отсутствия гибкости и адаптивности сложившейся модели монопрофильного муниципального образования:

1. Высокая степень зависимости социально-экономического развития города от политики собственника градообразующего предприятия. На монопрофильных территориях наиболее остро проявилась зависимость доходной части бюджетов, а значит, и экономики города в целом, от объёмов и темпов реализации продукции градообразующих предприятий. Градообразующие предприятия оказались менее устойчивы в экономическом отношении по сравнению с компаниями в городах с полифункциональной экономикой, которая более адаптивна, она формирует более благоприятные условия для бизнеса, что снижает риск зависимости города от результатов деятельности одного градообразующего предприятия.

2. Относительно однородный профессиональный состав населения. В условиях территориальной изолированности и отраслевой специализации градообразующее предприятие формирует замкнутую структуру рынка труда с ограниченными стимулами к развитию трудового потенциала [18].

3. Низкая социальная мобильность жителей.

В совокупности данные проблемы порождают значительную угрозу безопасности монопрофильного муниципального образования. При этом наиболее болезненные для общества экономические и социальные проблемы складываются в сфере занятости населения:

- усиление структурных и региональных диспропорций;
- регрессивные изменения в качестве трудового потенциала и мотивации к труду;
- низкий уровень доходов и безработица;
- рост неформальной занятости.

Все эти процессы оказывают разрушительное воздействие на социально-экономическое развитие самого монопрофильного муниципального образования, регионов и страны в целом.

С другой стороны, несмотря на проблемы в монопрофильных муниципальных образованиях, необходимо обратить внимание на то, что в монопрофильных муниципальных образованиях сосредото-

точен огромный потенциал развития в виде концентрации человеческого капитала с высоким уровнем профессионального, творческого и образовательного потенциала, транспортно-коммуникационной инфраструктуры, сосредоточения подготовленных трудовых ресурсов и развитых рынков рабочей силы. Кроме того, монопрофильные муниципальные образования представляют собой системообразующие единицы для формирования и функционирования региональных экономических систем с концентрацией экономического, финансового и интеллектуального потенциала страны.

Также необходимо отметить, что монопрофильные муниципальные образования являются частью мезо- и макроуровня и соответственно, отражают тенденции развития регионов, в которых они расположены, а также общероссийские тенденции и проблемы.

В целом, исходя из анализа категории «монопрофильное муниципальное образование», можно выделить следующие специфические его признаки:

- зависимость отдельных сфер, местного бюджета, а также социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования в целом от деятельности градообразующего предприятия (группы градообразующих предприятий);
- низкий уровень диверсификации структуры экономики и структуры занятости населения;
- модифицированная структура системообразующих связей между градообразующей и градообслуживающей сферами, их взаимовлияние;
- инерционность социально-экономического развития;
- низкая предпринимательская активность населения;
- замкнутая структура рынка труда с ограниченными стимулами к развитию трудового потенциала;
- высокий уровень риска обострения социально-экономических проблем, возникновения социальной напряженности;
- устойчивость и безопасность развития монопрофильного муниципального образования в целом постоянно находятся в повышенной зоне риска;

– концентрация экономического, финансового и человеческого потенциала.

Несмотря на выявленные особенности, присущие всем монопрофильным территориям, их состав очень неоднороден. В настоящее время существуют различные типологии монопрофильных муниципальных образований. И.Д. Тургель и Л.И. Крючина предлагают расширенную классификацию монопрофильных муниципальных образований:

1. С генетической позиции:

– возникшие на первой, второй и третьей волнах развития городской сети монофункциональные исторические города, выросшие из заводских посёлков и фабричных сёл и сохранившиеся до настоящего времени;

– молодые монопрофильные города, возникшие на четвёртой и пятой волнах, не имеющие исторических предшественников, с крупными предприятиями обрабатывающей промышленности или же с предприятиями, осваивающими ресурсы недр, наукограды, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО);

– монопрофильные города, имеющие исторические корни, но сменившие за время существования сферу своей специализации;

– города, ставшие монопрофильными в процессе развития, например, в связи с отмиранием более не востребованных внеэкономических функций (оборонных, административных).

2. С точки зрения видов реализуемых функций:

– монопрофильные муниципальные образования, выполняющие функции экономического характера. Причём среди функций экономического характера наиболее распространены функции промышленные. В России наиболее активно шло формирование монопрофильных муниципальных образований в таких отраслях промышленности, как лёгкая промышленность, чёрная, цветная металлургия, машиностроение, угле-, нефте- и газодобыча, лесная и пищевая промышленность;

– монопрофильные муниципальные образования, выполняющие функции внеэкономического характера, среди которых специфическими именно для России на ранней стадии развития монопро-

фильных муниципальных образований были функция территориального освоения пространства и военно-политическая, на современном этапе яркими российскими представителями монопрофильных муниципальных образований являются ЗАТО, наукограды, городские поселения, возникшие вокруг пенитенциарных учреждений.

3. С точки зрения степени диверсификации функций:

- монопрофильные города, где единственная функция реализуется ограниченным числом (одним, двумя) градообразующих предприятий, выпускающих недиверсифицированную продукцию, значительная часть которой поступает не на конечное потребление, а на последующую переработку;

- монопрофильные города, где единственная функция реализуется ограниченным числом (одним, двумя) градообразующих предприятий, выпускающих диверсифицированную продукцию;

- монопрофильные города, где единственная функция реализуется несколькими технологически взаимосвязанными между собой предприятиями;

- монопрофильные города, где вокруг функции-доминанты формируется сочетание ориентированных на неё отраслей и видов деятельности, т.е. происходит формирование специализированного комплекса;

- города с достаточно диверсифицированной структурой экономики, являющиеся центрами территориально-отраслевых систем поселений;

- города с формально диверсифицированной экономикой, потерявшие монопрофильность из-за сужения экономической базы, например в связи с ликвидацией основного градообразующего предприятия.

4. С точки зрения пространственного уровня реализации ведущих градообразующих функций города, реализующие свои специализированные функции:

- на локальном уровне близлежащих поселений;

- на региональном уровне;

- на межрегиональном уровне, уровне крупных макрорегионов;

- на общенациональном уровне;
- на международном уровне [74].

Существует также классификация монопрофильных муниципальных образований Института региональной политики (ИРП). Эксперты ИРП рассматривают монопрофильные города и районы как города и районы, имеющие одно направление специализации и как следствие одно или несколько градообразующих предприятий в данной сфере. В соответствии с этим они выделяют несколько типов монопрофильных муниципальных образований по структурным особенностям [43]:

- монопрофильные города-спутники крупных городов;
- монопрофильные города с несколькими градообразующими предприятиями;
- монопрофильные города с одним градообразующим предприятием.

А. Нецадин и Н. Горин подразделяют монопрофильные муниципальные образования на четыре кластера, исходя из преобладающей их отрасли:

1) небольшие города с полусельским типом застройки, что связано со спецификой доминирующих отраслей: лесной и деревообрабатывающей. Их будущее связано с благополучием отрасли и региона, а основной ресурс развития – уровень маркетинга и менеджмента;

2) города, имеющие доминирующую отрасль – пищевую промышленность. Основные проблемы данных монопрофильных муниципальных образований – состояние региона и избыточность гуманитарной инфраструктуры;

3) крупные, типично городские поселения, чьё благополучие определяется близостью мегаполисов. Доминирующая отрасль – машиностроение;

4) в данных монопрофильных муниципальных образованиях социообразующие предприятия наиболее трудно вживаются в рыночные условия. Доминирующий тип застройки является смешанным (легкая и пищевая промышленность) [48].

Однако данная классификация является неполной, так как не учтены, например, добывающие отрасли и наукоёмкие производства.

Данную типологию (по характеру экономической базы) можно расширить и классифицировать монопрофильные муниципальные образования, специализирующиеся на лёгкой, угледобывающей, лесоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной, химической промышленности, машиностроении, чёрной и цветной металлургии, промышленности строительных материалов, нефтегазодобыче и пищевой промышленности, а также выделить особую категорию непромышленных монопрофильных муниципальных образований, которую составляют города-наукограды, ЗАТО, транспортные узлы и курорты.

С точки зрения их финансового состояния послекризисных явлений в экономике монопрофильные муниципальные образования подразделяются на четыре группы:

1. Кризис существенно затронул, но положение стабильное.
2. Временные трудности, связанные с кризисом.
3. На градообразующем предприятии низкая производительность труда, и собственник предприятия не может найти выход из сложившейся ситуации.
4. Модернизацией производства проблема не решается, следует принимать решение совместно с собственником предприятия: или перепрофилировать предприятие, или переселять людей в другие города (как в случаях с угольными шахтами) [10].

Представляет интерес классификация монопрофильных территорий по социально-экономической ситуации, предложенная специалистами НМЦ «Города России» Института макроэкономических исследований при Минэкономразвития РФ, где используются следующие критериальные подходы к оценке критического уровня занятости [45]:

- уровень официально зарегистрированной безработицы более 7%;
- уровень официально зарегистрированной безработицы от 5 до 7% и (одновременно) уровень скрытой безработицы (неполной занятости) более 20%;
- уровень скрытой безработицы (неполной занятости) более 50%.

Согласно данным критериям и отраслевой принадлежности выделяются различные типы монопрофильных муниципальных образований с критическим уровнем занятости (табл. 3.2).

Т а б л и ц а 3.2

**Типы монопрофильных муниципальных образований
с критическим уровнем занятости**

Тип монопрофильной территории	Причина проблемы в сфере занятости
Поселения, связанные с природно-ресурсным потенциалом страны	Исчерпание добываемых ресурсных запасов. Нерентабельность дальнейшей эксплуатации месторождений. Неконкурентоспособность или невостребованность продукции на внутреннем и внешнем рынках
Поселения, связанные с обслуживанием различных видов транспорта	Падение объёма перевозок, погрузочно-разгрузочных и других работ
Поселения на основе учреждений уголовно-исполнительной системы	Необходимость обеспечения занятости не только постоянного населения, но и граждан, отбывающих наказание
Поселения на основе наукоёмких предприятий и организаций	Сокращение государственных заказов и объёмов финансирования научной деятельности
Поселения с узкоспециализированными предприятиями обрабатывающей промышленности	Общэкономический кризис в стране. Несовершенство государственной налоговой системы. Разрыв ранее действующих экономических связей. Отсталость применяемых технологий. Изношенность основных фондов. Неконкурентоспособность или невостребованность продукции. Отсутствие квалифицированного управления
Поселения с объектами военно-промышленного комплекса	Сокращение государственных заказов на оборонную продукцию. Неопределённость перспектив развития основного производства. Ограниченность свободы действий руководителей предприятий ВПК

Источник: Монопрофильные города: проблемы развития и занятости / Институт макроэкономических исследований при Минэкономразвития РФ, 2000.

Таким образом, в настоящее время существует множество классификаций монопрофильных территорий, отражающих различные важные аспекты их развития: причины возникновения, реализуемые функции, преобладающую отрасль, финансовое состояние послекризисных явлений в экономике, проблемы в сфере занятости. Данные классификации позволяют определить более точно

тип монопрофильных территорий, а также спектр присущих им проблем и соответственно помогают в принятии верных управленческих решений для устойчивого развития.

При анализе монопрофильного муниципального образования необходимо, в первую очередь, составить его «портрет» (табл. 3.3).

Т а б л и ц а 3.3

«Портрет» монопрофильного муниципального образования

Параметр	Виды
1. Характер градообразующей отрасли	– Производственная – непроизводственная
2. Экономическая база	– Угледобывающая – нефтегазодобыча – чёрная и цветная металлургия – химическая промышленность – машиностроение – промышленность строительных материалов – пищевая промышленность – лесоперерабатывающая и целлюлозно-бумажная – наука – транспорт
3. Структурные особенности	– С одним градообразующим предприятием – с несколькими градообразующими предприятиями
4. Масштабы деятельности градообразующего предприятия	– Локальный рынок – региональный рынок – общенациональный рынок – международный рынок
5. Включённость в перечень приоритетных монопрофильных муниципальных образований Правительства РФ	– Включен – не включен

Устойчивое развитие монопрофильных городов требует такой конфигурации взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений¹, при которой достигается и поддерживается баланс, позволяющий эффективно использовать трудовые ресурсы.

¹ Социально-трудовые отношения в монопрофильном муниципальном образовании – это взаимозависимость и взаимодействие субъектов этих отношений в процессе труда, нацеленные на регулирование качества трудовой жизни [2, с. 555–556].

Субъекты социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании: наёмные работники, градообразующее предприятие, другие работодатели и предприниматели, государственная власть и местное самоуправление.

Объектом социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании являются различные аспекты трудовой жизни человека, градообразующего предприятия и других организаций монопрофильного муниципального образования.

Производственный процесс градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования необходимо рассматривать через призму граней человека (человек-работник, человек-потребитель, человек – социализированная индивидуальность) и социально-трудовых отношений. Данный подход согласуется с позицией С.А. Иванова и А.Н. Леонтьевой о недопустимости «одномерного» подхода к человеку (только как работнику). Они отмечают, что методологический подход к человеческому капиталу в Методических рекомендациях по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных муниципальных образований, отождествлённый только с трудовым потенциалом, не позволяет в полной мере решить назревшие проблемы монопрофильных муниципальных образований и выйти на устойчивое развитие [22].

Все элементы социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования можно объединить в следующие группы, исходя из его подсистем (с учётом акцентирования внимания на трудовые и социально-трудовые отношения) (табл. 3.4):

- институциональная подсистема: условия и мероприятия органов власти для развития социального партнёрства и повышения социальной ответственности градообразующего предприятия;
- техническая подсистема: социально-трудовые отношения, связанные с организацией, эффективностью и безопасностью труда;
- социальная подсистема: социально-трудовые отношения занятости, социально-трудовые отношения, возникающие в связи с вознаграждением за труд.

Т а б л и ц а 3.4

**Специфика подсистем монопрофильного муниципального образования
через призму социально-трудовых отношений**

Подсистема	Особенности социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании
Социальная	1) Низкий уровень диверсификации на рынке труда (так как значительная доля населения монопрофильного муниципального образования занята на градообразующем предприятии); 2) градообразующее предприятие оказывает существенное влияние на цену рабочей силы на рынке труда монопрофильного муниципального образования; 3) зависимость инфраструктуры монопрофильного муниципального образования (объекты коммунальной, энергетической, социальной сферы) от градообразующего предприятия; 4) ограниченная трудовая мобильность населения; 5) замкнутая структура рынка труда с ограниченными стимулами к развитию трудового потенциала; 6) низкая предпринимательская активность населения (невысокий уровень развития малого и среднего бизнеса)
Техническая	1) Зависимость здоровья большей части населения монопрофильного муниципального образования от условий безопасности и охраны труда на градообразующем предприятии; 2) градообразующее предприятие определяет уровень квалификации значительной части населения; 3) зависимость монопрофильного муниципального образования от градообразующего предприятия в части экологической нагрузки; 4) влияние инвестиционной политики градообразующего предприятия на уровень модернизации производственной базы в монопрофильном муниципальном образовании
Институциональная	1) Социальная ответственность градообразующего предприятия является неотъемлемым элементом эффективного рынка труда монопрофильного муниципального образования; 2) неразвитость социального партнёрства, так как отсутствуют объединения работодателей; 3) зависимость доходной части бюджета монопрофильного муниципального образования от эффективной деятельности и управления на градообразующем предприятии

Источник: Авторская разработка.

Основываясь на модели рынка труда Ч. Лидбитера [36, с. 47–48], можно сегментировать рынок труда монопрофильного муниципального образования следующим образом:

- «ядро», т.е. занятость на градообразующем предприятии, которая является стабильной, в режиме полного рабочего времени при благоприятных рыночных условиях;

- «периферия» – занятость на других предприятиях монопрофильного муниципального образования, малый бизнес. В данном сегменте чаще всего наблюдается занятость по контрактам, временные и сезонные работники, неполное рабочее время, надомные работники;

- безработные.

От уровня диверсификации экономики зависит соотношение «ядра» и «периферии» на рынке труда монопрофильного муниципального образования. Чем больше доля «ядра», тем менее диверсифицирована экономика монопрофильного муниципального образования (рис. 3.2).

Социально-трудовые отношения монопрофильного муниципального образования нельзя рассматривать в отрыве от трудовых отношений на градообразующем предприятии [56–59]. Развитие малого и среднего бизнеса рассматривается в качестве универсальной меры преобразования экономики и социальной сферы монопрофильных муниципальных образований, позволяющей обеспечить экономический рост, повысить конкурентоспособность муниципалитета, создать новые рабочие места [38, с. 31–52]. Однако роль малого бизнеса и самозанятости населения в устойчивом развитии монопрофильных муниципальных образований в целом незначительна, что отражается на уровне диверсифицированности их экономики. В зависимости от уровня и перспектив диверсификации экономики сфера трудовых отношений градообразующего предприятия может быть отождествлена со сферой социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании в целом или «приблизена» к ней.

Анализируя рынок труда монопрофильного муниципального образования, можно сделать вывод о том, что он близок к моноп-

монии (ситуация, когда существует только один покупатель данного вида труда, один работодатель) в отличие от конкурентного рынка труда.

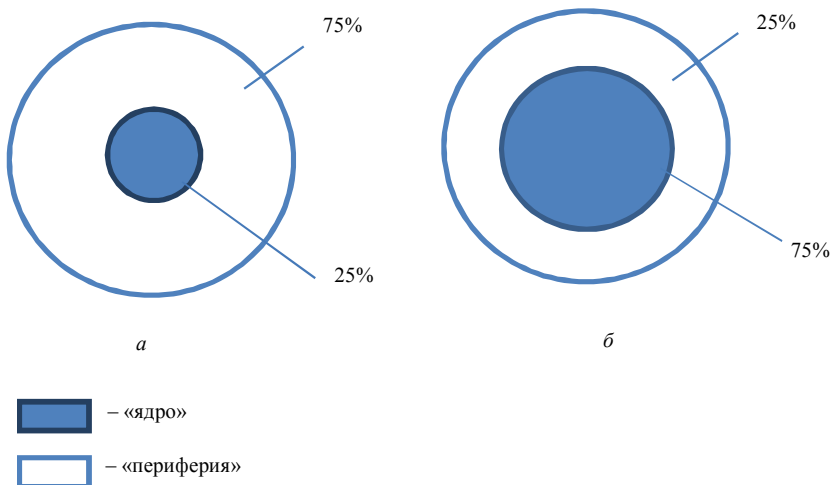

Рис. 3.2. Соотношение «ядра» и «периферии» на рынке труда монопрофильного муниципального образования: а – наиболее диверсифицированная экономика; б – недиверсифицированная экономика

Основными признаками, позволяющими говорить о монополии в сфере социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования, являются:

- на рынке труда монопрофильного муниципального образования взаимодействуют, с одной стороны, значительное количество квалифицированных рабочих, а с другой – либо одна крупная фирма-монополист, либо несколько фирм, объединённых в одну группу и выступающих как единый наниматель труда (т.е. градообразующее предприятие или группа взаимосвязанных градообразующих предприятий);
- градообразующее предприятие (или группа градообразующих предприятий) нанимает основную часть из суммарного количества специалистов определённой профессии;

– вид труда в градообразующей отрасли не имеет высокой мобильности (например, из-за социальных условий, географической разобщённости, необходимости приобретения новой специальности и т.п.);

– градообразующее предприятие само устанавливает уровень заработной платы, а рабочие либо вынуждены соглашаться, либо искать другую работу.

Градообразующее предприятие создаёт внутренний рынок труда, который негибко реагирует на изменения, происходящие на внешнем рынке труда. Также одним из самых важных показателей в социально-трудовой сфере монопрофильных муниципальных образований является уровень безработицы. Повышенный уровень безработицы в период экономического кризиса обусловлен в монопрофильных муниципальных образованиях узкой сферой приложения труда, зависимостью рынка труда от ситуации на градообразующем предприятии. При сокращении производства градообразующего предприятия вся инфраструктура монопрофильного муниципального образования (предприятия коммунальной сферы, электроэнергетики, социальной сферы) также сокращает свою деятельность и количество рабочих мест.

На уровень безработицы в монопрофильных муниципальных образованиях оказывают влияние следующие факторы:

– экономические (вид отрасли, уровень и динамика ее развития, состояние рынка, степень конкуренции, наличие и потенциальная сила конкурентов, уровень рентабельности выпускаемой продукции, состояние основных производственных фондов предприятия и др.);

– демографические (динамика численности трудоспособного населения, половозрастная структура населения, степень постарения местного населения);

– географические (близость или удаленность от основных рынков сбыта продукции, агломерационный эффект);

– внешние (конъюнктура спроса и предложения на мировых рынках ресурсов, цикличность развития экономики) [23].

Влияние финансово-экономического состояния градообразующего предприятия на локальный (местный) рынок труда монопрофильного муниципального образования показано на рис. 3.3.

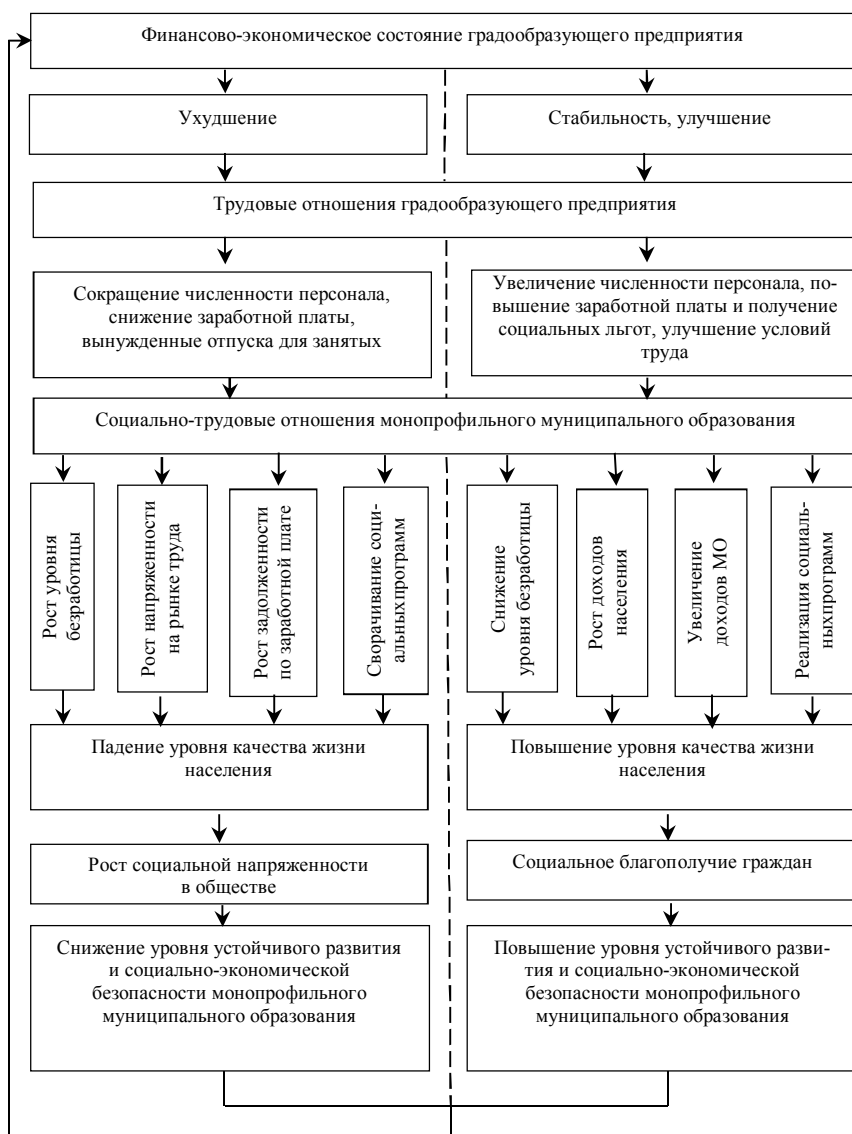

Рис. 3.3. Влияние градообразующего предприятия на рынок труда монопрофильного муниципального образования. *Источник:* Авторская разработка

Исходя из проведённого анализа особенностей монопрофильного муниципального образования, можно сделать вывод о том, что ему свойственны признаки как присущие полифункциональному муниципальному образованию, так и отличные от него, особенно в социально-трудовой сфере (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Сравнительная характеристика полифункционального
и монопрофильного муниципального образования**

Характеристика	Полифункциональное муниципальное образование	Монопрофильное муниципальное образование
Общие признаки		
1. Наличие определенной территории	+	+
2. Административно-территориальная единица: городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения	+	+
3. Собственная компетенция по решению вопросов местного значения	+	+
4. Наличие собственных органов власти – органов местного самоуправления	+	+
5. Муниципальное управление: объект – вопросы местного значения, субъект – население	+	+
6. Муниципальное образование как социо-эколого-экономическая система	+	+
Специфические признаки		
1. Степень диверсификации экономической базы	Диверсифицированная	Монопрофильная
2. Системное единство муниципального образования и градообразующего предприятия	–	+
3. Необходимость разработки специальных программ развития	–	+

Характеристика	Полифункциональное муниципальное образование	Монопрофильное муниципальное образование
4. Узкий сегмент отраслевого рынка	–	+
5. Степень зависимости от внешней среды	Относительно независимые или зависящие, требующие незначительных поступлений для формирования потенциала	Жёстко зависимая, требующая постоянных значительных поступлений из внешней среды
6. Наличие градообразующего предприятия и неразрывной связи муниципального образования с ним:	–	+
6.1. Доля градообразующего предприятия в общем объёме промышленного производства муниципального образования	–	> 50 %
6.2. Доля экономически активного населения, занятого на градообразующем предприятии	–	> 25 %
6.3. Прямая зависимость местного бюджета от градообразующего предприятия (более 20 % от всех налоговых поступлений)	–	+
6.4. Значительная доля объектов социальной инфраструктуры города на балансе градообразующего предприятия (обслуживающего более 30% населения)	–	+
7. Моноцентризм в формировании структуры экономики города (узкое количество внешних городских функций; внешние функции города реализует ограниченное число предприятий)	–	+
8. Уровень диверсификации структуры занятости (уровень однородности профессиональной структуры населения)	Средний, высокий	Низкий
9. Трудовая мобильность населения	Средняя, высокая	Крайне низкая

Характеристика	Полифункциональное муниципальное образование	Монопрофильное муниципальное образование
10. Успешность функционирования градообразующего предприятия определяет качество жизни населения	–	+
11. Рынок труда	Склонность к конкурентному типу	Склонность к монополистическому типу
12. Уровень безработицы	Средний, ниже среднего	Повышенный
13. Причинно-следственная связь между трудовыми и социально-трудовыми отношениями	Однозначна	Неоднозначна
14. Предпринимательская активность населения, самозанятость	Средняя, выше среднего	Низкая
15. Реагирование предприятий на изменение спроса и предложения на рынке труда в целом	Адаптивность, хорошее реагирование на изменения, происходящие на внешнем рынке труда	Создание градообразующим предприятием внутреннего рынка труда, не реагирующим или почти не реагирующим на изменения, происходящие на внешнем рынке труда
16. Уровень развития социальной ответственности и социального партнёрства	Развитое социальное партнёрство (присутствуют объединения работодателей)	Неразвитость социального партнёрства, влияние степени развития социальной ответственности градообразующего предприятия на уровень жизни населения

Источник: Авторская разработка.

Таким образом, монопрофильная территория является особым видом муниципального образования, имеющего как общие признаки, присущие всем полифункциональным муниципальным образованиям, так и специфические признаки, определяющие её своеобразие.

Исходя из проведённого анализа специфических особенностей монопрофильного муниципального образования и интегрированного (граневого) подхода, ориентированного на человека, применимого к монопрофильной территории, можно сформулировать

следующее определение монопрофильного муниципального образования:

Монопрофильное муниципальное образование – это особый тип муниципального образования, являющийся сложной автономной антропоцентричной системой, представляющей собой социально ориентированную квазикорпорацию, устойчивое развитие которой находится в повышенной зоне риска при наступлении кризисных явлений из-за значительного влияния технической подсистемы (градообразующего предприятия) на социальную и институциональную подсистемы.

Подход к исследованию монопрофильного муниципального образования эволюционировал от «одномерного» (монопрофильное муниципальное образование как воспроизводственная система) до полифункционального, «многомерного» (монопрофильное муниципальное образование как социально ориентированная квазикорпорация), так как наряду с чертами однонаправленности экономической базы и зависимости от градообразующей сферы всего социально-экономического развития монопрофильное муниципальное образование в то же время является сложной и многоуровневой системой, в которой сосредоточен человеческий капитал и социально-экономический потенциал регионов и страны в целом.

Устойчивое социально-экономическое развитие всего монопрофильного муниципального образования находится в большой зависимости от устойчивости и безопасности социально-трудовых и трудовых отношений. Поэтому грань «человек-работник» (техническая подсистема) оказывает большое влияние на другие подсистемы.

В связи с этим необходим расширенный анализ условий устойчивости и безопасности социально-трудовых и трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании; индикаторов, позволяющих оценить уровень их устойчивого развития, а также инструментов обеспечения устойчивого развития социально-трудовых отношений на долгосрочную перспективу и анализ возможных результатов их применения.

3.2. Условия устойчивого развития структурного мини-субъекта российской экономики

Несмотря на выявленную специфику монопрофильного муниципального образования, его нельзя рассматривать просто как сферу обслуживания производственного предприятия. Жизнедеятельность города всегда полифункциональна независимо от того, возник он на базе одного предприятия или многих.

При рассмотрении монопрофильного муниципального образования как социально ориентированной квазикорпорации особое значение следует уделять не просто вопросу функционирования социально-трудовых отношений, а исследованию взаимовлияния процессов развития социально-трудовой сферы монопрофильных территорий и обеспечения безопасности и устойчивости их функционирования.

Под устойчивостью социально-экономической системы, прежде всего монопрофильного муниципального образования, можно понимать способность системы стабильно функционировать и развиваться в долгосрочной перспективе в условиях быстро меняющейся во внутренней и внешней среды.

Разнообразные подходы к пониманию устойчивого развития можно сгруппировать следующим образом:

1. Модели экологически безопасного развития (с ярко выраженной экологической направленностью), согласно которым человеческое сообщество в своих поисках экономического развития должно согласовываться с реалиями ограниченности ресурсов и несущей ёмкости экосистем, а также принимать в расчёт нужды будущих поколений. Представлено преимущественно исследованиями экологов (С.Н. Бобылев, А.Д. Арманд, Т.И. Костина, Ю.К. Ефремов, Т.С. Хачатуров, В.И. Данилов-Данильян, В.С. Степин, Д.Л. Янг и др.) с акцентом на ресурсные ограничения, обусловленные не только ограниченностью минерального сырья, но и взаимовлиянием антропосистемы и биосферы. «Устойчивое развитие – это такое развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной ёмкости биосфе-

ры¹, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека»².

2. Модели, включающие кроме экологического аспекта также социально-экономические аспекты (во взаимосвязи социальной направленности и комплексности развития территории). Согласно этим моделям «устойчивое развитие» – это:

- развитие общества, которое позволяет удовлетворять потребности нынешних поколений, не нанося при этом ущерба возможностям, оставляемым в наследство будущим поколениям для удовлетворения их собственных потребностей (в формулировке ООН);

- управление совокупным капиталом общества в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей (в формулировке Всемирного банка);

- модель поступательного развития общества, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений людей (по Гру Харлем Брунтланд);

- гармоничное развитие производства, социальной сферы, населения и окружающей природной среды (Указ Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г.);

- диалектическое единство двух понятий: с одной стороны, должна обеспечиваться устойчивость среды обитания в условиях техногенных воздействий, с другой – устойчивость экономики как объекта управления в процессе производственной деятельности людей [71].

3. Модели, подразумевающие под устойчивым развитием постоянные темпы экономического роста.

¹ Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие: учеб. пособие. М.:6 Традиция, 2000. С. 164.

² Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Исходные положения устойчивого развития // Устойчивое развитие: информ. сб. / ВИНТИ. 1999. № 4. С. 3–5; Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998; Приоритеты национальной экономической политики России / Центр экологической политики России. М., 1999; Шмидхейни С.Ф. Финансирование перемен. Финансовое сообщество, экoeffективность и устойчивое развитие. М., 1998; Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по региональной экологической политике. М., 2007. 60 с.

На основе представленного краткого экскурса можно заключить, что изучение устойчивого развития охватывает широкий спектр проблем – экономических, социальных, экологических – с постепенным смещением акцентов на экономическую и социальную составляющие устойчивого развития территории (это особенно очевидно проявилось в условиях системного кризиса).

Многообразие подходов к определению устойчивого развития не позволяет охватить основные проблемы и особенности монопрофильных муниципальных образований. Существующие модели устойчивого развития необходимо соотнести с концептуальными подходами к определению категории «монопрофильное муниципальное образование». Именно объединение рассмотренных моделей позволит точнее определить сущность устойчивого развития монопрофильного муниципального образования как социально ориентированной квазикорпорации, в основу которой заложено сохранение потенциала человека.

Можно выделить следующие принципы устойчивого развития монопрофильных территорий [71]:

- существование долгосрочного равновесия между обществом (человеком), природой и производством, причём приоритет отдаётся человеку;
- социальная направленность целей экономического развития;
- рост или сохранение уровня реального потребления при безусловном росте качества жизни (чистой среды обитания, доступности и качества образования, медицинского обслуживания и т.д.);
- сохранение природной среды в рамках нормативных показателей и стандартов;
- снижение социальной напряжённости;
- предвидение возникновения и своевременная нейтрализация угроз национальной, в том числе экономической безопасности.

Для реализации устойчивого развития монопрофильных муниципальных образований необходимы следующие условия:

1. Осознание наличия угроз устойчивому развитию, представление о целях и признаках устойчивого развития.

2. Разработка основ анализа устойчивого развития, создание методологии и моделей устойчивого развития территорий.

3. Разработка программ устойчивого развития социально-трудовых отношений территорий и механизмов их реализации.

Большинство моделей устойчивого развития изучают поведение простых систем (систем с периодическим поведением). В реальных же условиях социально-экономическим системам, в том числе и монопрофильным муниципальным образованиям, внутренне присущи неопределённость, нелинейность развития, неустойчивость, неравновесность различных процессов и соотношений, поэтому она не может быть понята в рамках классической парадигмы. С этой точки зрения теория катастроф представляет интерес для изучения проблемы устойчивости экономических систем.

Теория катастроф активно использует понятие «устойчивость» и противопоставляет его понятию «изменчивость» (табл. 3.6).

Т а б л и ц а 3.6

Влияние устойчивости и адаптации на развитие системы

Устойчивость	Изменчивость (адаптация)
1) Устойчивость, доведённая до своего предела, прекращает любое развитие;	1) Чрезмерная адаптация опасна для совершенствования вида;
2) может вступать в противоречие с принципом изменчивости;	2) неспособность к адаптации опасна для вида;
3) чрезмерно стабильные формы – это тупиковые формы, эволюция которых прекращается;	3) чрезмерная изменчивость, восприимчивость системы к новой информации грозит развалом системы
4) устойчивость, отрицающая изменения, исключает развитие	

В теории катастроф под устойчивостью понимается сохранение равновесия, целостности, системности социально-экономического организма в процессе развития.

На основе проведённого анализа различных подходов к понятиям «изменчивость», «устойчивость» можно предложить определения понятий применительно к монопрофильным муниципальным образованиям и градообразующему предприятию.

Устойчивость градообразующего предприятия – сохранение градообразующего предприятия как системы в процессе его функционирования.

Устойчивое развитие градообразующего предприятия – функционирование градообразующего предприятия, обеспечивающее возможность его качественного изменения в заданном направлении при сохранении его как системы в обозримом периоде времени (в течение длительного времени).

Устойчивое экономическое развитие градообразующего предприятия – функционирование системы, воспроизводственный процесс которой обеспечивает её динамическое развитие в заданном направлении за обозримый период времени.

Устойчивое развитие монопрофильного муниципального образования – развитие человеческого потенциала и повышение уровня жизни населения за счёт эффективной реализации всех граней человека как многогранного существа.

Под опасностью мы будем понимать определённую степень вероятности нежелательных изменений состояния монопрофильного муниципального образования / градообразующего предприятия, которые могут привести к утрате им устойчивого развития.

Влияние основных факторов экономического роста на эффективность монопрофильной муниципальной экономики, а следовательно, и на её устойчивое развитие, схематично представлено на рис. 3.4.

Воспроизводство рассматривается как результат применения основных факторов, эффективность которых, в свою очередь, определяется:

- запасом знаний (научных, технических), позволяющих разрабатывать и применять более совершенные технологии;
- профессиональной подготовкой рабочей силы, готовностью населения к переобучению;
- эффективной деятельностью градообразующего предприятия;
- эффективностью муниципальной экономики, в том числе отдельных хозяйствующих субъектов;
- инвестициями (внутренними и внешними);
- внутренней гармоничностью развития элементов муниципальной экономики.

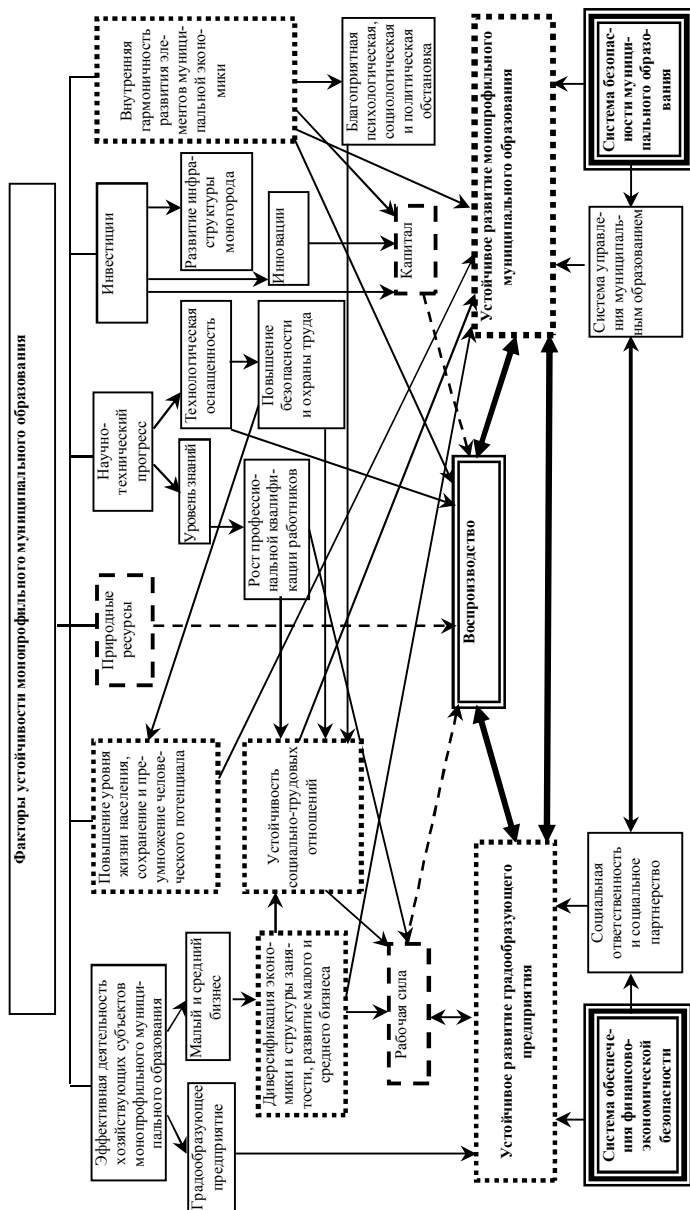

Рис. 3.4. Взаимосвязь факторов экономического роста и устойчивого развития монопрофильного муниципального образования

Учёт этих основных факторов позволяет осуществлять следующие меры для устойчивого развития монопрофильного муниципального образования:

- перепрофилирование или расширение деятельности градообразующих предприятий с целью повышения занятости населения, привлечения дополнительных финансовых ресурсов, расширения рынков труда и сбыта;

- повышение качества проводимой инвестиционной политики, институциональное и информационное обеспечение потенциальных инвесторов, создание городских инвестиционных центров, обеспечивающих взаимодействие с потенциальными и реальными инвесторами;

- модернизация, реконструкция и техническое перевооружение существующих производств градообразующих предприятий, направленных на выпуск конкурентоспособной продукции и товаров с высокой добавленной стоимостью;

- формирование научно-производственных парков, инновационных центров, бизнес-инкубаторов, обеспечивающих активизацию инновационной деятельности;

- поиск дополнительных экономических специализаций, диверсификация городской экономики посредством развития малого и среднего бизнеса в таких сферах, как мелкотоварное производство по индивидуальным заказам, малоэтажное строительство и производство строительных материалов, сфера обслуживания, информационно-коммуникативные технологии, жилищно-коммунальное хозяйство;

- развитие социальной и инженерной инфраструктуры монопрофильного муниципального образования, предусматривающее расширение банковского сектора и транспортной системы, создание новых электроэнергетических сетей и социально-бытовых комплексов;

- повышение уровня социального партнерства и социальной ответственности градообразующего предприятия;

- повышение качества и доступности социальных услуг, направленных на сохранение и развитие человеческого капитала в монопрофильных муниципальных образованиях.

Стремление к инновациям является определяющим для обеспечения современного экономического роста, однако для этого должны быть созданы необходимые социальные и правовые условия, а также учтена сложившаяся политическая ситуация в стране и за её пределами.

Для обеспечения ожидаемого экономического роста требуются также:

- 1) определённый психологический климат в обществе (коллективе, стране);
- 2) правовая поддержка позитивных изменений;
- 3) благоприятная экономическая среда;
- 4) проявление со стороны населения стремления к переменам, т.е. наличие определённой динамической части населения, склонной к переменам, и согласие с этими изменениями остальной части населения;
- 5) наличие достаточно большого количества людей, имеющих склонность к предпринимательству;
- 6) наличие или отсутствие сформировавшегося слоя предпринимателей (как необходимое условие для инновационной деятельности).

Важно также, чтобы и всё население понимало и принимало эти перемены, будучи сознательно готово на изменение своего положения, поэтому согласие населения на перемены можно рассматривать как своеобразную цену экономического роста.

Однако перспектива перемен усиливает неопределённость для значительной части населения, подвергающейся риску не по собственной воле. В связи с этим системы социальной защиты и своевременная переквалификация позволят смягчить психологическое сопротивление переменам в экономике.

Кроме того, не только население, но и сами градообразующие предприятия и другие хозяйствующие субъекты должны быть готовы к переменам, к конкуренции, вынуждающей их своевременно адаптироваться к изменяющимся условиям.

Принципиально важным является признание приоритетности социальной составляющей над устойчивым экономическим ро-

стом, хотя именно устойчивый рост служит базой для повышения уровня и качества жизни населения. Сфера социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании оказывает значительное влияние на такие важнейшие факторы устойчивого развития, как благоприятная психологическая и социальная обстановка, а также внутренняя гармоничность развития элементов муниципальной экономики.

Для анализа уровня устойчивости монопрофильного муниципального образования важно оценивать результаты взаимовлияния монопрофильного города и градообразующего предприятия по следующим направлениям:

1) воздействие среды монопрофильного муниципального образования на градообразующее предприятие, на формирование его социальной ответственности;

2) влияние градообразующего предприятия на социально-экономическое состояние монопрофильного муниципального образования, в первую очередь на социально-трудовую сферу, а также организацию социального партнерства.

Среда монопрофильного муниципального образования во многом определяет издержки градообразующего предприятия в сфере производства, транспортировки и т.д. Издержки производства зависят от состояния сырьевой базы, структуры инвестиций, состава и качества трудовых ресурсов территории. От этого зависят условия и возможности, которые смогут обеспечить инвесторам органы местного самоуправления. Так, например, в Кемеровской области такие факторы, как значительная доля производства угля и металла для рынков России и стран СНГ, имеющие стабильный характер, и в течение длительного времени будут влиять на сохранение конкурентных позиций монопрофильных муниципальных образований области именно в этой отрасли.

Также важной характеристикой городской среды монопрофильного муниципального образования являются социальные факторы (создание благоприятных условий проживания для населения), так как они в значительной степени определяют сохранение и привлечение трудовых ресурсов на территорию монопрофильно-

го муниципального образования (стоимость приобретения жилья, соотношение уровня доходов и стоимости проживания, возможность получения образования, услуг здравоохранения, экологическая обстановка).

Наиболее существенным является создание условий и мер органами местного самоуправления для развития социально ориентированного поведения градообразующего предприятия, на основе которых, в свою очередь, определяется уровень развития социального партнёрства. Для формирования системы социальной ответственности в сфере социально-трудовых отношений и активизации её субъектов необходимо реализовывать ряд инструментов в механизмах политики занятости и регулирования рынка труда, политики в сфере производительности труда, структурной политики и политики в сфере образования [62, 63, 83].

Для обеспечения устойчивого развития монопрофильного муниципального образования существенным является рассмотрение основных факторов, «точек соприкосновения» взаимовлияния градообразующего предприятия и монопрофильного муниципального образования. Это позволяет выявить основные проблемы монопрофильного муниципального образования, «точки роста», определяющие устойчивое развитие, а также разработать эффективные инструменты управления устойчивым развитием монопрофильного муниципального образования.

Важной «точкой соприкосновения» градообразующего предприятия и монопрофильного муниципального образования являются социально-трудовые отношения. Рынок труда монопрофильной территории является монополистическим и высоколокализованным, поэтому в монопрофильных городах устойчивость социально-трудовых отношений в целом во многом определяется устойчивостью трудовых отношений в рамках градообразующего предприятия.

Вопросы устойчивости внутреннего рынка труда градообразующего предприятия в условиях монополии исследовали Е.Г. Калабина и С.В. Орехова [26]. Они выявили основные институты внутрифирменного рынка труда градообразующего предприятия:

1. Институт издержек на труд:

а) институт развития: обучение, оценка и аттестация, управление карьерой;

б) институт компенсации развития: оплата труда, стимулирование и мотивация, социальные отношения.

2. Институт занятости:

а) институт мобильности развития: привлечение рабочей силы, отбор и найм, адаптация, ротация, высвобождение;

б) институт использования рабочего времени: формирование рабочих процессов.

Таким образом, внутрифирменный рынок труда представляет собой систему институтов, обладающих определенным уровнем устойчивости и формирующихся под воздействием рыночных механизмов регулирования спроса и предложения на рабочую силу и нерыночных механизмов действия административных правил и процедур.

В качестве факторов, влияющих на устойчивость институтов внутрифирменного рынка труда градообразующего предприятия, нами были выбраны такие, как тип монополии рынка труда, тип градообразующего предприятия, характеристики товарного рынка функционирования предприятия (табл. 3.7).

Степень устойчивости институтов определяет выбор инструментов управления внутренним рынком труда градообразующего предприятия.

По нашему мнению, монополия на локальном рынке труда монопрофильного муниципального образования, которая обусловлена преобладанием градообразующего предприятия, низкой мобильностью рабочей силы, нерыночными механизмами формирования ставок заработной платы, оказывает негативное влияние на социально-трудовые отношения монопрофильного муниципального образования в целом, и при наступлении кризисных явлений устойчивость трудовых отношений в рамках градообразующего предприятия будет находиться в зоне риска, что может привести к потере устойчивого развития всего монопрофильного муниципального образования. В связи с этим нельзя говорить о том, что устойчивость внутреннего рынка труда градообразующего предприятия зависит только от типа монопо-

нии рынка труда, типа градообразующего предприятия, характеристики товарного рынка функционирования предприятия. Важнейшими факторами также являются конкурентоспособность предприятия, эффективность менеджмента, рыночная обстановка и т.д.

Т а б л и ц а 3.7

Классификация факторов состояния монополистического рынка труда

Классификационный признак	Виды монополистических рынков
1. По степени территориальной мобильности персонала	Рынки, территориально удаленные от других локальных рынков. Рынки, территориально близкие к другим локальным рынкам
2. По степени профессиональной мобильности персонала	Рынки с низкой профессиональной мобильностью. Рынки с высокой профессиональной мобильностью
3. По количеству продавцов рабочей силы	Двусторонняя монополия (продавец-монополист). Классическая монополия (совершенная конкуренция со стороны продавца)
4. В зависимости от структуры рынка благ	Монополия на монополистическом рынке благ. Монополия на конкурентном рынке благ
5. В зависимости от степени дискриминации на рынке труда	Дискриминирующая монополия (совершенная дискриминация). Монополия, склонная к дискриминации. Недискриминирующая монополия
6. В зависимости от типа градообразующего предприятия	Монополистические рынки с градообразующими предприятиями, входящими в интеграционные объединения. Монополистические рынки с самостоятельными градообразующими предприятиями

Источник: Калабина Е.Г., Орехова С.В. Влияние локального рынка труда на устойчивость институтов внутрифирменного рынка труда (на примере предприятий Свердловской области // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 1–2. С. 102–114.

Для уменьшения отрицательного воздействия монополистического рынка труда необходим переход к эффективному социальному партнёрству, которое является обязательным элементом устойчивого развития сферы социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования.

Одной из проблем монопрофильных муниципальных образований, которая влияет на их социально-экономическое развитие, является отсутствие налаженной системы широкого социального партнёрства, эффективных внутренних и внешних социальных инвестиций. Причём данная проблема является общероссийской.

В системе социально-трудовых отношений важна корпоративная социальная ответственность градообразующего предприятия. Социальная ответственность градообразующего предприятия является одним из определяющих факторов устойчивости и стабильности социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании.

Социальная ответственность градообразующего предприятия в монопрофильном муниципальном образовании представляет собой механизм, способ регулирования социально-трудовых отношений, условие сохранения социально-политической стабильности общества, основанной на согласии, сбалансированности интересов основных агентов общественного производства [69].

В России подходы к определению корпоративной социальной ответственности имеют определённую специфику. Социальная ответственность бизнеса трактуется по-разному:

1. В узком смысле корпоративная социальная ответственность включает обязанности предприятия эффективно осуществлять функции по созданию добавленной стоимости, в полном объёме выполнять социозэколого-экономические обязательства, установленные законами, этическими нормами и правилами, принятыми в обществе. С этих позиций социальная ответственность выступает как метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов, содержащий механизм достижения социальной стабильности общества.

2. В широком смысле корпоративная социальная ответственность представляет собой добровольный вклад бизнеса в развитие общества (в социальную, экономическую и экологическую сферы), зачастую не связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определённого законодательного минимума и принятых в обществе этических норм [29]. Согласно

с данным мнением также Н.А. Кричевский и С.Ф. Гончаров, которые определяют корпоративную социальную ответственность как систему добровольных взаимоотношений между работником, работодателем и обществом, направленную на совершенствование социально-трудовых отношений, поддержание социальной стабильности в трудовом коллективе и окружающем сообществе, развитие социальной и природоохранной деятельности на национальном и международном уровнях [33].

По нашему мнению, исходя из специфики монопрофильных муниципальных образований, социальная ответственность градообразующего предприятия должна рассматриваться именно в широком смысле. Ряд авторов утверждают, что даже необходимо создание механизма обязательного страхования гражданской ответственности владельцев градообразующих предприятий, позволяющего формировать фонды денежных средств в объёме, достаточном для компенсации основной части расходов по перепрофилированию населенного пункта и / или отселению населения в случае возникновения длительной кризисной ситуации [42].

Г.А. Щадилов выделяет несколько уровней социальной ответственности [82]:

1) нулевой уровень – закрытость бизнеса сочетается с долгами по оплате труда и по платежам в бюджет и отсутствием социальной ответственности перед работниками, а также отсутствием доверия со стороны стейкхолдеров;

2) низкий уровень – приемлемый уровень оплаты и условий труда, а также доверие со стороны работников и потребителей;

3) средний уровень – наличие социальной отчётности сочетается с реализацией программ как внутри предприятия, так и за его пределами, в том числе в сфере экологии, а также доверием со стороны местной власти и населения;

4) высший уровень – использование предприятиями стандартов социальной ответственности, нацеленное на долгосрочную социальную ответственность.

Поэтому важно, чтобы такое взаимодействие градообразующего предприятия и монопрофильного муниципального образования

в рамках социального партнёрства было направлено на достижение высшего уровня социальной ответственности.

Участниками социального партнёрства на муниципальном уровне являются три стороны:

- органы местного самоуправления;
- работодатели (представители работодателей);
- работники (представители работников).

При этом монопрофильное муниципальное образование в процессе социального партнёрства имеет множество функций (рис. 3.5), которые также подтверждают интегрированный подход к муниципальному образованию.

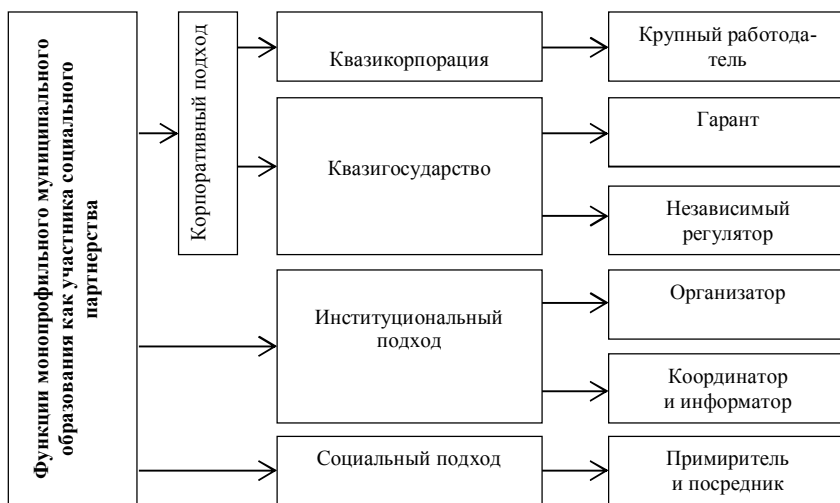

Рис. 3.5. Функции монопрофильного муниципального образования как участника социального партнерства в сочетании с интегрированным подходом к муниципальному образованию

Как квазикорпорация муниципальное образование в процессе социального партнерства выступает крупным работодателем, что предполагает социально ответственную политику в области трудовых отношений.

Муниципальное образование также выступает в качестве гаранта важнейших гражданских прав, которые необходимы для эффективного функционирования системы социального партнёрства, а также независимого регулятора системы социально-трудовых отношений. В этом случае муниципальное образование выступает в качестве квазигосударства.

Муниципальное образование, с точки зрения институционального подхода, является в системе социального партнёрства организатором, координатором и информатором.

Нередко, особенно в условиях монопрофильной структуры экономики, возникают социально-трудовые конфликты. В этом случае муниципальное образование осуществляет их разрешение и выступает в качестве примирителя и посредника между работниками и работодателем.

Таким образом, с одной стороны, муниципальное образование оказывает большое влияние на сферу социального партнёрства и призвано создавать условия для цивилизованной системы его функционирования. С другой стороны, градообразующее предприятие в монопрофильном муниципальном образовании формирует основные условия, которые рассматриваются в рамках социального партнёрства (оплата труда, условия и безопасность труда и т.д.).

Формирование территориального (муниципального) уровня социального партнёрства, в том числе и становление его институтов в муниципальных образованиях, представляется весьма перспективным, так как уровень муниципалитета – это тот уровень, который ближе всего сопряжён с уровнем отдельного предприятия, особенно в условиях монопрофильности.

При этом именно на муниципальном уровне легче совместить интересы развития предприятий с интересами социального развития территории. Более того, экономические проблемы градообразующих предприятий – это во многом социальные проблемы населения территории.

Программа по организации социального партнёрства способствует развитию социальной ответственности бизнеса, а также получению монопрофильным муниципальным образованием, насе-

лением и градообразующим предприятием множества эффектов (табл. 3.8). Особенно важно, что развитие социальной ответственности градообразующего предприятия влияет на признание работниками собственной полезности и причастности к производственному процессу. Труд начинает рассматриваться человеком как средство по удовлетворению не только и не столько материальных, сколько социальных, статусных и духовных потребностей.

Однако в целом сфера регулирования социально-трудовых отношений на муниципальном уровне остаётся достаточно узкой, прежде всего в рамках процесса формирования институтов партнёрства (объединений профсоюзов и работодателей) на территориальном уровне. Более остро на территориальном уровне стоит проблема формирования институтов со стороны работодателей. По оценкам экспертов, только малая часть из созданных объединений активно действуют и принимают участие в выработке социально-экономической стратегии муниципального образования [51]. Важным направлением также остается деятельность и координация действий профсоюзов.

Таблица 3.8

Эффекты от социального партнёрства

Эффекты организации социального партнёрства		
Местные органы власти монопрофильного муниципального образования	Градообразующее предприятие	Население
1) Увеличение бюджета монопрофильного муниципального образования за счёт налогов и спонсорства градообразующего предприятия; 2) увеличение числа рабочих мест; 3) снижение социальной напряженности	1) Возможность получения льготного финансирования; 2) повышение репутации за счёт социальной ответственности; 3) обеспечение условий воспроизводства квалифицированной рабочей силы в монопрофильном муниципальном образовании; 4) благоприятные условия для ведения бизнеса	1) Получение социальных льгот (улучшение качества жизни населения); 2) реализация концепции «человек как многогранное существо»; 3) наполнение рынка услугами и товарами местных производителей

Источник: Колесников А.И., Антонов Г.Д., Иванова О.П. Развитие моногородов и социальная ответственность предприятия. М.: Наука, 2007. 240 с.

Необходимо также отметить, что для устойчивости системы трудовых отношений важно, чтобы человек на работе себя реализовывал не только как работник, но и как потребитель и социализированная индивидуальность. Этот принцип согласуется с элементами устойчивого развития сферы социально-трудовых отношений, которые содержатся в Концепции достойного труда, разработанной Международной организацией труда [80]. Реализация её положений позволяет обеспечивать широкий круг потребностей работника и его семьи с позиций интегрированного подхода и высокого качества трудовой жизни:

- процесс труда должен проходить в безопасной и здоровой производственной среде (человек-работник);
- условия труда должны быть совместимы с благосостоянием и человеческим достоинством трудящихся (человек-потребитель);
- созданные органами власти и градообразующим предприятием условия в социально-трудовой сфере должны открывать человеку реальные возможности для саморазвития личности и служения обществу (человек – социализированная индивидуальность).

Таким образом, для обеспечения устойчивости трудовых отношений необходима реализация концепции «достойный труд», которая согласуется с моделью многогранности человека, и охватывает безопасность и гигиену труда, гарантии дохода и доступность социальных услуг, надлежащие доходы в старости и в случае болезни, а также право организовываться и защищать свои права.

Важнейшей методологической задачей выступает определение факторов, обеспечивающих движение системы социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования на пути устойчивого развития, а также обоснование критериев и системы показателей, которые позволяют оценить степень ее устойчивости.

Исходя из проведенного анализа, сравним устойчивость полифункционального и монопрофильного муниципального образования (табл. 3.9).

Т а б л и ц а 3.9

**Устойчивость полифункционального
и монопрофильного муниципального образования**

Признак устойчивости развития	Полифункциональное муниципальное образование	Монопрофильное муниципальное образование
1. Риск утраты устойчивости при наступлении кризисных явлений	Умеренный и низкий риск	Повышенный риск
2. Количество хозяйствующих субъектов	Экономическая устойчивость муниципального образования зависит от деятельности множества предприятий, функционирующих в различных отраслях	Устойчивая деятельность одного или нескольких градообразующих предприятий, принадлежащих к определённой отрасли, как ведущий результирующий фактор устойчивого функционирования монопрофильного города
3. Состояние социальной сферы	Умеренные риски ухудшения социальной обстановки	Повышенные риски ухудшения социальной обстановки и высокого уровня безработицы при дестабилизации деятельности градообразующего предприятия
4. Источники доходов	Существует возможность расширения доходной базы местного бюджета	Возможности расширения доходной базы местного бюджета ограничены
5. Социально-трудовые отношения	Устойчивость социально-трудовых отношений муниципального образования определяется устойчивостью трудовых отношений на множестве предприятий	Устойчивость социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования во многом определяется устойчивостью трудовых отношений на градообразующем предприятии
6. Механизм формирования заработной платы	Рыночные механизмы формирования заработной платы на предприятиях, как следствие, их гибкость и адаптивность	Нерыночные механизмы формирования заработной платы на градообразующем предприятии, как следствие, повышенная угроза потери устойчивости

Источник: Авторская разработка.

Неотъемлемым элементом и основой для устойчивого развития является безопасность. Это согласуется с мнением А.Д. Урсула и

А.Л. Романовича, которые определяют устойчивое развитие не только как системное единство экономических, социальных и экологических видов и аспектов деятельности, но и как имманентную взаимосвязь развития и безопасности, т.е. обеспечение безопасности через развитие и развитие через обеспечение безопасности [75].

По нашему мнению, переход к устойчивому развитию предполагает обеспечение безопасности во всех сферах. Устойчивое развитие невозможно без обеспечения безопасности. При этом необходимо, чтобы обеспечивалась безопасность на долгосрочную перспективу, ведь в этом заключена главная идея устойчивого развития.

Категория «экономическая безопасность», по мнению Е.А. Олейникова, может быть рассмотрена с различных сторон:

- 1) как состояние – это наличие таких экономических, производственных и технологических возможностей, которые позволяют экономике страны осуществлять устойчивое функционирование;
- 2) как процесс – это создание и упрочение условий, обеспечивающих устойчивое функционирование национальной экономики в будущем;
- 3) как система, имеющая определенную структуру, предполагает выделение основных факторов, влияющих на экономическую безопасность нации [85].

Чаще всего экономическую безопасность экономисты изучают преимущественно на макро- или мезоуровне, т.е. национальную или региональную безопасность. Это обусловлено тем, что безопасность изначально выступала как социально-политическое явление и охватывала такие сферы, как оборона, общественная жизнь, международная жизнь, экология, экономика, информация и т.д. В то же время важно уделять внимание безопасности муниципального образования, так как национальная и региональная безопасность зависит от устойчивости и безопасности муниципального уровня (рис. 3.6).

В разных странах существует множество подходов к толкованию самого понятия «безопасность».

В большинстве определений «безопасность» характеризуется через статичность, в то время как экономическая система является сложной, вероятностной, динамичной системой. Поэтому требуется динамический подход к проблеме экономической безопасности.

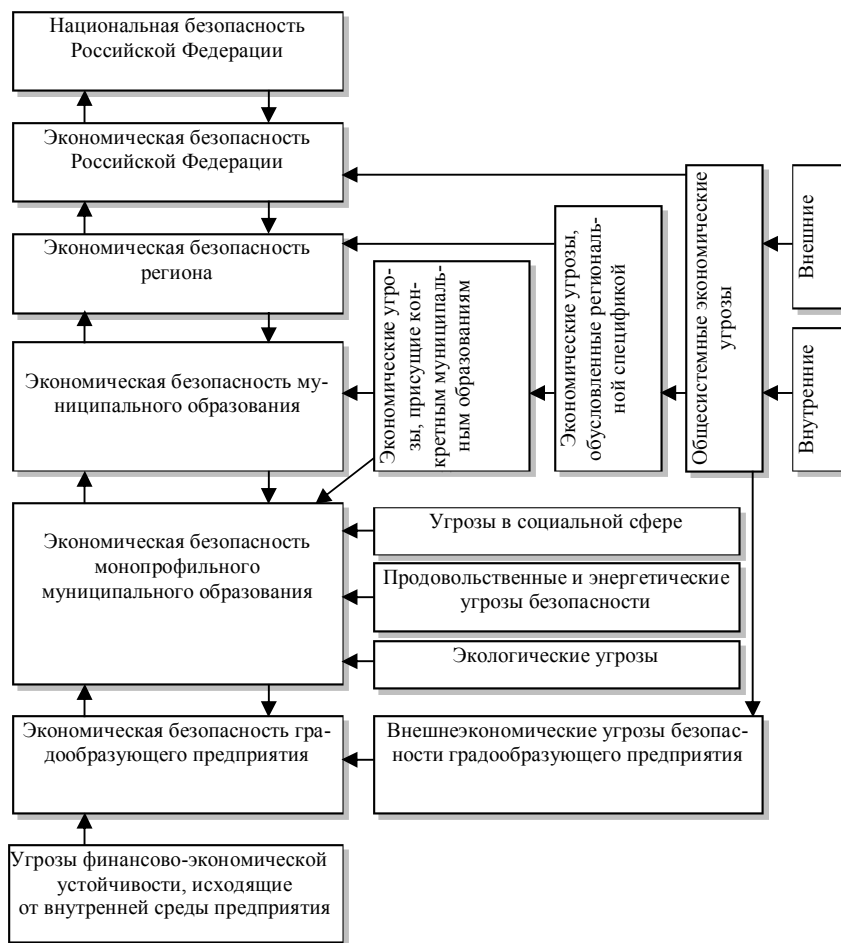

Рис. 3.6. Система взаимосвязей уровней и угроз экономической безопасности между территориями различного уровня.

Источник: Система муниципального управления: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Зотова. СПб.: Лидер, 2005. 493 с.

Таким образом, экономическую безопасность можно определить как сохранение самостоятельного эволюционного движения экономической системы в условиях неопределённости, ограниченности ресурсов и конкуренции.

Безопасность монопрофильной территории, в том числе и её сферы социально-трудовых отношений, определяется уровнем согласования интересов различных заинтересованных сторон (рис. 3.7), от взаимовыгодного сотрудничества которых соответственно зависит развитие всего монопрофильного муниципального образования. Принципы безопасности диктуют необходимость сбалансированности всего многообразия интересов и отношений. При этом трудовые отношения в монопрофильном муниципальном образовании должны стать основой данной балансировки.

Рис. 3.7. Потребности заинтересованных сторон социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования.

Источник: Авторская разработка

Взаимная зависимость наёмных работников и градообразующего предприятия, являющихся системообразующими элементами рынка труда монопрофильного муниципального образования, усугубляется разнонаправленностью их экономических интересов. Градообразующее предприятие заинтересовано в получении наибольшей прибыли. Работники, в свою очередь, заинтересованы в получении большей заработной платы, обеспечении хороших условий труда, безвредного производства, а также в повышении квалификации. Поэтому необходим баланс интересов и обеспечение снижения влияния монополистического рынка труда на трудовые отношения.

Между тем население выступает системообразующим элементом «муниципальное образование», следовательно, органы муниципального самоуправления призваны, в первую очередь, обеспечивать защиту интересов граждан, выявляя тем самым социальные приоритеты экономического развития. Однако при этом необходимо соблюдать баланс в отношениях с градообразующим предприятием, так как оно является источником рабочих мест и основой устойчивости и безопасности муниципального образования. Наличие рабочих мест, в свою очередь, обеспечивает гарантии экономической безопасности конкретных работников и членов их семей.

Следовательно, сущность регулирования локального рынка труда монопрофильного муниципального образования должна заключаться в обеспечении управляемого баланса между интересами градообразующего предприятия и интересами территориального сообщества в рамках монопрофильного муниципального образования. Достижение данного баланса является одним из важнейших факторов перехода монопрофильного муниципального образования как социально ориентированной квазикорпорации на путь безопасности, стабильности, а затем и устойчивости.

Р.А. Кочурина и А.А. Переверзев выделяют три важнейших элемента в сложной структуре экономической безопасности, которые также применимы к монопрофильным муниципальным образованиям [84, с. 304–306]:

– Экономическая независимость. Она предполагает обеспечение контроля ресурсами, достижения такого уровня производства, эф-

фективности и качества продукции, которые позволяют на равных участвовать в мировой торговле и внешнеэкономических связях.

- Стабильность и устойчивость экономики. Обеспечение защиты собственности во всех её формах и создание надёжных условий и гарантий для предпринимательской активности, сдерживание факторов, способных дестабилизировать ситуацию.

- Способность к саморазвитию и прогрессу, что особенно важно в современном динамично развивающемся мире. Создание благоприятного климата для инвестиций и инноваций, постоянная модернизация производства, повышение профессионального образовательного и общекультурного уровня становятся необходимыми и обязательными условиями устойчивости самосохранения муниципальной экономики.

Механизм обеспечения экономической безопасности монопрофильного муниципального образования – это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз. Он включает в себя следующие элементы:

- мониторинг экономики и общества;
- выработку пороговых, предельно допустимых значений социально-экономических показателей;
- деятельность муниципального образования по выявлению внутренних и внешних угроз безопасности экономики;
- создание материальных запасов производственного и непроизводственного назначения, которые могут быть использованы в экстремальных случаях.

В целях обеспечения устойчивого развития монопрофильного муниципального образования необходимо обеспечение не только экономической безопасности, но и безопасности других сфер, в том числе социальной безопасности [54].

Под социальной безопасностью муниципального образования понимается устойчивое функционирование социальных институтов и общества, обеспечивающих стабильное развитие личности, общества и самого муниципального образования.

Социальная безопасность связана, прежде всего, с внутренней устойчивостью муниципального образования и общества и соци-

альной защищенностью личности. Её важнейшей характеристикой является уровень социальной напряжённости. Социальная напряжённость отражает степень физиологической, психологической и социальной адаптации, а во многих случаях – дезадаптации различных категорий населения к определённым трудностям (снижению уровня жизни и социальным изменениям), которые могут происходить в монопрофильном муниципальном образовании в сфере социально-трудовых отношений в связи с ухудшением деятельности градообразующего предприятия.

Социальная стабильность представляет собой степень устойчивости и внутреннего равновесия общества, обеспечивающего максимально благоприятные условия для всестороннего развития человека.

В центре политики муниципального образования по обеспечению социальной безопасности ее основным объектом должен быть человек. Отсюда достижение социальной стабильности в монопрофильном муниципальном образовании зависит, прежде всего, от двух факторов: соблюдения прав человека и совершенствования качества жизни [67].

Для того чтобы оценить уровень устойчивости, наличие рисков нарушения устойчивости и управляемости процессами устойчивости в монопрофильном муниципальном образовании, необходимо обеспечить приемлемый уровень безопасности. Должна быть обеспечена не просто безопасность, а именно устойчивая безопасность. Только устойчивая безопасность является условием долгосрочного устойчивого развития монопрофильного муниципального образования. При этом устойчивая безопасность является связующим звеном при рассмотрении устойчивого развития и безопасности.

Устойчивая безопасность является гарантированным условием устойчивого развития. Это особенно важно для монопрофильных муниципальных образований, так как следует обеспечивать не просто безопасность на короткое время и бесконечные «качели» уровней опасности / безопасности, а с учётом специфики монопрофильных муниципальных образований эти «качели» недопустимы. Поэтому устойчивая безопасность – условие сначала стабильности, а затем устойчивого развития.

Стабильность можно рассматривать как статическую составляющую устойчивости. В работах экономистов понятия «устойчивость», «стабильность», «равновесие» часто используются без определения их внутреннего содержания, так сказать, «по умолчанию». Нередки и ситуации, когда эти термины употребляются как синонимы. Действительно, следует согласиться с тем, что понятия «стабильность» и «устойчивость» достаточно тесно связаны между собой, однако их необходимо разграничить.

Некоторые авторы отрицают рассмотрение макроэкономической стабильности в качестве необходимого условия для развития экономики. Одни утверждают, что «стабильность – бессодержательное и противоречивое понятие» [27], другие считают, что «стабильность – статическая устойчивость, отрицающая изменения, исключая развитие» [72, с. 26]. Такая позиция объясняется, скорее всего, неоправданной с нашей точки зрения ассоциацией стабильности и застойности.

Подводя итог нашему исследованию этих взаимосвязанных понятий, следует отметить:

1. Понятие «стабильность», описывающее статическое состояние экономики, может рассматриваться как статическая составляющая устойчивости, фиксирующая состояние системы в определенный момент времени.

2. «Устойчивость», напротив, является объектом динамического анализа.

3. Понятия «устойчивость» и «стабильность» тесно переплетаются и связаны как по форме, так и по содержанию. В рыночной экономике макроэкономическая нестабильность связывается с циклическими колебаниями величины национального продукта, занятости, инфляции. В условиях глобализации стабильность социально-экономической системы должна рассматриваться как функция устойчивости и адаптивности социально-экономической системы по отношению к глобальным изменениям.

Постепенно на первый план выходит проблема стабильности социально-экономической сферы в условиях хрупкой устойчивости глобальной экономической системы.

Исходя из проведенного нами анализа представлений о стабильности, определим следующие понятия:

Стабильность градообразующего предприятия / монопрофильного муниципального образования – низкая чувствительность объекта к изменяющимся условиям в течение непродолжительного периода времени.

Стабильность градообразующего предприятия / монопрофильного муниципального образования – невысокая изменяемость репрезентативных параметров, характеризующих объект в течение непродолжительного времени.

Таким образом, стабильность является залогом для дальнейшего устойчивого развития, которую возможно обеспечить с помощью устойчивой безопасности. Устойчивая безопасность монопрофильного муниципального образования является одновременно и условием устойчивости, и индикатором устойчивого развития монопрофильного муниципального образования (рис. 3.8).

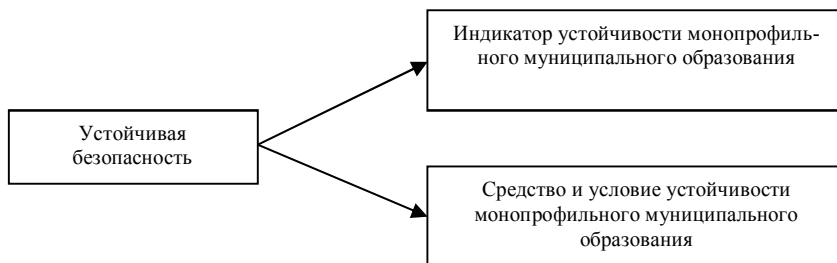

Рис. 3.8. Функции устойчивой безопасности

В то же время категория «устойчивая безопасность» имеет двойственный подход:

1. Устойчивая безопасность как процесс с его составляющими, т.е. совокупность условий и факторов, способствующих динамичному устойчивому развитию.

2. Устойчивая безопасность как результат, т.е. она может иметь различные уровни: высокий, средний, достаточный, минимальный.

Социально-трудовые отношения являются ведущей составляющей всей системы отношений общества, образуя своеобразное «яд-

ро» социально-экономического развития. В конечном счете они определяют образ жизни людей, структуру связанных с ним процессов и отношений. Уровень развития социально-трудовых отношений характеризует социальную ориентированность его экономической системы, совершенство общественных отношений в целом.

Поэтому изучение рынка труда монопрофильного муниципального образования является одним из самых важных направлений устойчивой безопасности.

Социально-трудовая сфера в монопрофильном муниципальном образовании, с одной стороны, является фактором устойчивой безопасности, обеспечивающим социальную стабильность, формирование трудового потенциала как важнейшей составной части потенциала безопасности общества, фактором постоянного обеспечения экономического роста. С другой стороны, социально-трудовая сфера выступает объектом устойчивой безопасности. Поэтому социально-трудовые отношения требуют особого статуса в системе общественных отношений и специального внимания со стороны органов власти в монопрофильном муниципальном образовании.

Одним из важнейших факторов устойчивой безопасности монопрофильного муниципального образования является обеспечение устойчивой безопасности в сфере социально-трудовых отношений. При этом устойчивая безопасность социально-трудовых отношений помимо социальной подсистемы затрагивает также техническую и институциональную подсистемы. В связи с этим можно определить следующие важные категории:

Устойчивая безопасность монопрофильного муниципального образования – сохранение и преумножение потенциала человека, создание совокупности условий и факторов, способствующих динамичному устойчивому развитию.

Устойчивая безопасность в сфере трудовых отношений на градообразующем предприятии – сохранение и преумножение потенциала человека как работника.

Устойчивая безопасность в сфере социально-трудовых отношений – сохранение и преумножение потенциала человека как общественного и социального существа и потребителя.

В основе достижения устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования лежит обеспечение в первую очередь безопасности сферы социально-трудовых отношений, а затем и её устойчивого развития (рис. 3.9).

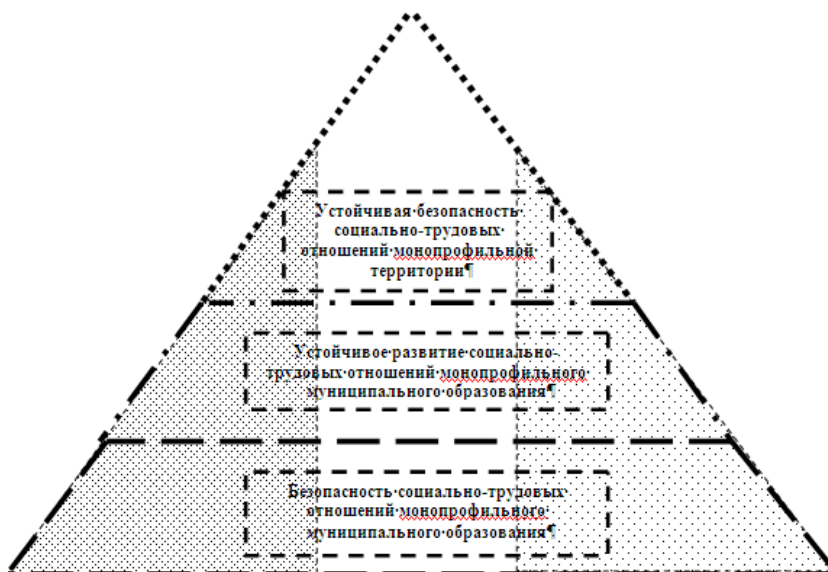

Рис. 3.9. Концепция обеспечения устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования

Обозначения:

 – техническая подсистема; – социальная подсистема;
 – институциональная подсистема; – безопасность монопрофильного муниципального образования; – устойчивое развитие монопрофильного муниципального образования; – устойчивая безопасность монопрофильного муниципального образования

При этом в основе обеспечения безопасности социально-трудовой сферы лежит устойчивость трудовых отношений на градообразующем предприятии. Это обусловлено спецификой монопрофильных территорий, а именно большой зависимостью всех

сфер социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования от градообразующего предприятия. В свою очередь, устойчивое развитие социально-трудовой сферы монопрофильного муниципального образования возможно обеспечить за счёт эффективного функционирования рынка труда монопрофильного муниципального образования в целом, так как без эффективной политики органов местного самоуправления в социально-трудовой сфере невозможно достижение устойчивого развития.

При обеспечении безопасности и устойчивого развития сферы социально-трудовых отношений монопрофильного муниципального образования возможно достижение устойчивой безопасности социально-трудовой сферы на основе развития социального партнёрства и социальной ответственности. Поэтому и показатели, оценивающие рассматриваемые направления, будут соответствующие (табл. 3.10).

Т а б л и ц а 3.10

**Группы показателей, оценивающих устойчивую безопасность
социально-трудовых отношений в монопрофильном
муниципальном образовании**

Направление	Группа оцениваемых показателей
Безопасность социально-трудовых отношений	Показатели, оценивающие трудовые отношения на градообразующем предприятии
Устойчивое развитие социально-трудовых отношений	Показатели, оценивающие социально-трудовые отношения монопрофильного муниципального образования в целом
Устойчивая безопасность социально-трудовых отношений	Показатели, оценивающие уровень развития социального партнёрства и социальной ответственности в монопрофильном муниципальном образовании

Источник: Авторская разработка.

Для предотвращения потери устойчивой безопасности монопрофильной территории необходимо изучить угрозы, которые могут возникнуть в сфере социально-трудовых отношений при наступлении кризисных явлений, ухудшении финансово-экономического состояния градообразующего предприятия, влиянии монополистического рынка труда (табл. 3.11).

Таблица 3.11

**Угрозы устойчивой безопасности в сфере социально-трудовых отношений
монопрофильного муниципального образования**

Подсистема	Угрозы устойчивой безопасности в сфере социально-трудовых отношений
Социальная подсистема	1. Угрозы, связанные с монопсоническим типом рынка труда, обусловленные занижением уровня оплаты труда, не позволяющего в полной мере удовлетворить основные потребности человека. 2. Угрозы платёжеспособности населения, связанные с возможными перебоями в работе градообразующего предприятия, ростом безработицы, в результате чего ухудшается состояние инфраструктуры (снижение уровня платежей за услуги), малого бизнеса (снижение спроса на услуги), бюджета (снижение налоговых поступлений). 3. Угрозы снижения качества жизни, обусловленные нестабильной работой градообразующего предприятия, в результате чего происходит рост безработицы, а также снижение доступности социальной инфраструктуры, ухудшение системы социального обеспечения. 4. Угрозы, связанные с высвобождением рабочих мест или длительных отпусков из-за сокращения объема производства товаров, услуг градообразующего предприятия: – безработица; – социальная напряжённость, неблагоприятная социально-психологическая обстановка; – социально-трудовые конфликты, вырастающие в массовые забастовки и протесты; – появление признаков социальной деградации общества при нахождении работников в вынужденных длительных отпусках, которые теряют не только квалификацию и навыки профессиональной деятельности, но и стимулы к повторному включению в трудовую жизнь. Как следствие, ухудшение качества рабочей силы и научно-производственного потенциала общества, его способности к развитию
Техническая подсистема	1. Угрозы миграции трудовой силы, связанные с низким уровнем и качеством предложений на рынке труда монопрофильного муниципального образования, что может привести к кадровой нестабильности и, как следствие, снизить в целом привлекательность и потенциал монопрофильной территории. 2. Угрозы в сфере охраны и безопасности труда: – неблагоприятные условия труда, вызывающие профессиональные заболевания;

Подсистема	Угрозы устойчивой безопасности в сфере социально-трудовых отношений
	– низкое качество средств индивидуальной и коллективной защиты; – использование оборудования, не отвечающего требованиям безопасного труда, что может привести к росту производственного травматизма; – снижение качества рабочей силы за счёт деqualификации и утраты здоровья работников. 3. Профессионально-квалификационные угрозы: – недостаточный уровень профессионально-квалификационного развития работников; – отсутствие спроса на рабочую силу, обладающую необходимым уровнем квалификации, на рынке труда монопрофильного муниципального образования. 4. Угрозы, связанные с повышенной экологической нагрузкой на население монопрофильного муниципального образования вследствие превышения предельно допустимых норм выбросов градообразующим предприятием
Институциональная подсистема	1. Угрозы, связанные с недостаточным развитием социального партнерства, так как отсутствуют объединения работодателей, что не дает возможности сформировать легитимную сторону их представителей в территориальных соглашениях, устанавливающих общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам на территории муниципального образования. 2. Угрозы, связанные с низким уровнем поддержки социальной сферы и малого бизнеса. 3. Угрозы, связанные с низким уровнем социальной ответственности градообразующего предприятия и других хозяйствующих субъектов монопрофильного муниципального образования, особенно в период рыночной нестабильности, что приводит к сокращению различных социальных программ и отказу от социальных объектов. 4. Угрозы, связанные с низкой финансовой устойчивостью, неэффективным распределением ресурсов и управлением градообразующим предприятием

Источник: Авторская разработка.

Для обеспечения устойчивой безопасности в социально-трудовой сфере необходимо создание условий для повышения качества трудовой жизни населения, которое предопределяет качество их жизни в целом. Необходимость формирования такого критерия оценки социально-трудовых отношений, как качество тру-

довой жизни, возникла в результате осознания общественностью на всех уровнях необходимости изменений в условиях труда, в новом понимании человека как многогранного существа. Оценка качества трудовой жизни определяется по различным группам показателей: технология, организация труда и производства, личные потребности работников, внешняя среда (включая состояние рынка труда, образования и здравоохранения), заработная плата работников, безопасность и условия труда.

Одним из важных направлений обеспечения устойчивой безопасности монопрофильного муниципального образования является создание условий и поддержание корпоративной социальной ответственности градообразующего предприятия, а также развитие социального партнерства.

Для предотвращения угроз устойчивой безопасности монопрофильного муниципального образования необходима эффективная система мониторинга, основанная на комплексной системе показателей, ориентированной на человека (табл. 3.12).

Таблица 3.12

**Устойчивая безопасность социально-трудовых отношений
монопрофильного муниципального образования**

Подсистема	Содержание	Показатели
Социальная подсистема	Сохранение потенциала человека как сознательного потребителя услуг и товаров, формирующих основу развития человека	1. Доходы населения: — среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, в том числе градообразующего предприятия; — доля фонда заработной платы градообразующего предприятия. 2. Уровень образованности – доля занятых в экономике, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. 3. Занятость: — уровень занятости, в том числе доля занятого населения на градообразующем предприятии; — уровень безработицы. 4. Развитие малого бизнеса:

Подсистема	Содержание	Показатели
		– доля занятых в малом бизнесе; – количество и оборот малых предприятий на душу населения. 5. Социальная ответственность бизнеса и социальное партнёрство: – уровень социальных расходов на душу населения; – доля населения, работающего в правовом поле социального партнерства; – доля социально ориентированных хозяйствующих субъектов. 6. Доля объектов социальной инфраструктуры, находящихся на балансе градообразующего предприятия
Техническая подсистема	Сохранение потенциала человека как работника	1. Условия труда: – удельный вес численности работников промышленности, занятых в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, и на оборудовании, не отвечающем требованиям охраны труда, в % к общей численности работников промышленности; – занято работников на тяжелых работах, в % к общей численности работников промышленности; – количество профессиональных заболеваний работников; – уровень производственного травматизма. 2. Кадровая устойчивость: – текучесть кадров, – количество работников, работающих неполное рабочее время, и которым предоставлены отпуска, – количество выбывших работников по сокращению штатов, в % от среднесписочной численности. 3. Профессионально-квалификационный уровень: доля ежегодно повышающих квалификацию работников. 4. Инвестиции градообразующего предприятия: – в модернизацию производства;

Подсистема	Содержание	Показатели
		– мероприятия по улучшению условий труда; – на охрану окружающей среды; – объекты социальной инфраструктуры и проекты монопрофильного муниципального образования и др.
Институциональная подсистема	Сохранение потенциала человека как социализированной индивидуальности	1. Эффективность деятельности и финансовая устойчивость градообразующего предприятия. 2. Социальные программы и расходы хозяйствующих субъектов, в том числе градообразующего предприятия. 3. Сотрудничество общественных, государственных и частных организаций. 4. Создание условий органами местного самоуправления для развития социального партнерства, социальной ответственности и повышения качества жизни за счет реализации: – программ по социальному развитию; – поддержки малого бизнеса; – программ по стимулированию социально ответственного предпринимательства и др.

Источник: Авторская разработка.

Помимо вышеуказанных показателей, в монопрофильных муниципальных образованиях, безусловно, обязателен также контроль показателей, характеризующих влияние градообразующего предприятия на социально-экономическое развитие:

- доля градообразующего предприятия в объеме промышленного производства муниципального образования;
- доля экономически активного населения, занятого на градообразующем предприятии;
- доля налоговых поступлений в бюджет от градообразующего предприятия;
- доля фонда заработной платы градообразующего предприятия от фонда заработной платы крупных и средних предприятий города;

– доля объема инвестиций в модернизацию производства и развитие человеческого капитала градообразующим предприятием от общего объема данных инвестиций по всему монопрофильному муниципальному образованию.

Эти показатели важно оценивать, так как для обеспечения устойчивой безопасности монопрофильного муниципального образования необходимы снижение влияния градообразующего предприятия, диверсификация экономики.

За основу для оценки устойчивой безопасности монопрофильного муниципального образования в целом необходимо взять критерии, выявленные при анализе взаимосвязи подходов к определению категории «монопрофильное муниципальное образование» и моделей устойчивого развития систем, а именно:

1. Сохранение и преумножение человеческого потенциала, повышение уровня жизни населения.
2. Устойчивое развитие градообразующего предприятия, развитие социального партнёрства и социальной ответственности.
3. Диверсификация экономики и структуры занятости, развитие малого предпринимательства.
4. Поддержание устойчивости социально-трудовых отношений.
5. Внутренняя гармоничность элементов социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования (благоприятная социальная, психологическая и экологическая обстановка).

Исходя из анализа специфики сферы социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании, за основу целесообразно взять следующие критерии оценки устойчивой безопасности социально-трудовых отношений:

1. Создание условий для развития социального партнёрства и социальной ответственности градообразующего предприятия.
2. Повышение адаптивности системы образования, рост профессиональной квалификации работников.
3. Обеспечение стабильности на рынке труда, снижение уровня безработицы.
4. Обеспечение достойных условий труда и заработной платы.
5. Повышение безопасности и охраны труда.

Таким образом, устойчивую безопасность монопрофильного муниципального образования необходимо рассматривать, в первую очередь, с точки зрения сохранения и устойчивого развития человеческого потенциала. Такой подход обеспечит устойчивое развитие социально-трудовых отношений монопрофильной территории в целом на долгосрочную перспективу. Для реализации данного подхода на практике представляется крайне важным выработать принципиальные подходы, методы и инструменты, позволяющие обосновать пути достижения устойчивой безопасности как условия устойчивого развития.

3.3. Методики анализа условий устойчивого развития структурного мини-субъекта российской экономики

Монопрофильные муниципальные образования требуют пристального внимания как со стороны государства и регионов, так и со стороны местных органов власти. Требуется четкая научно-методическая база, с помощью которой можно было бы оценивать устойчивое развитие на основе устойчивой безопасности в процессе реализации программ в монопрофильных муниципальных образованиях, их экономические, социальные и экологические последствия, а также осуществлять комплексный мониторинг их состояния, движения в направлении устойчивой безопасности.

По мнению А.Н. Пыткина и И.Ю. Загоруйко, игнорируется подход, закреплённый в Градостроительном кодексе РФ и направленный на реализацию принципа устойчивого развития при градостроительной деятельности [53]. В нём особо выделяется требование соблюдения баланса социальной, экономической, экологической и иных составляющих развития территориальных образований, к которым принадлежат и монопрофильные муниципальные образования. На проблемы оценки ресурсного потенциала региона, необходимость комплексной оценки социально-экономического развития (уровень природоресурсного, производственного и дру-

гих потенциалов) территории обращается внимание и в публикациях Н.В. Седовой, Г.Ю. Гагариной [11].

Существует недостаток методологической базы для оценки эффективности социально-экономического развития монопрофильных муниципальных образований, хотя данная категория требует отдельного теоретико-методологического инструментария.

В настоящее время не выработано методологической основы решения проблем монопрофильных муниципальных образований. Более того, из всех существующих методик по анализу муниципальных образований можно выделить четыре основные группы¹:

I. Методики, посвящённые оценке эффективности деятельности органов власти и эффективности реализации программ развития муниципальных образований.

II. Методики, посвящённые анализу социально-экономического состояния муниципального образования в целом.

III. Методики, посвящённые устойчивому развитию и безопасности муниципального образования.

IV. Методики, оценивающие развитие отдельных сфер муниципального образования.

При этом практически отсутствуют методики, преимущественно ориентированные на анализ социально-трудовых отношений монопрофильных муниципальных образований, позволяющих

¹ По мнению В.И. Псарева, наука о муниципальном управлении различает два типа методик оценки социально-экономического развития муниципальных образований [41]. Первый объединяет методики оценки, разработанные органами государственной власти для целей регулирования распределения и перераспределения средств, направляемых в муниципальные образования из региональных бюджетов. Интегральные показатели таких методик рассчитываются на базе частных индикаторов уровня финансового состояния, уровня экономического развития, уровня социального развития муниципальных районов. Второй тип методик служит для целей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в части реализации комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований. Интегральные показатели таких методик рассчитываются на базе частных индикаторов, характеризующих уровень реализации стратегических целей, приоритетов и задач, сформулированных в программах.

своевременно предупреждать и тем более устранять угрозы их устойчивости и обеспечивать устойчивую безопасность.

В связи с этим в процессе сравнительного анализа существующих методик попытаемся оценить возможность их применения для анализа функционирования монопрофильных муниципальных образований (табл. 3.13).

Таблица 3.13

Методики, посвященные анализу муниципального образования

Наименование	Оцениваемый параметр	Показатели
Методики, посвящённые оценке эффективности деятельности органов власти и реализации программ развития муниципальных образований		
Оценка эффективности деятельности администрации муниципального образования с моноотраслевой структурой производства (Нестерова Т.В.)	Эффективность деятельности органов местного самоуправления	Группа показателей: – подсистема «Население», – подсистема «Экономическая основа местного самоуправления», – подсистема «Муниципальная служба», – подсистема «Вопросы местного значения»
Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ	Эффективность расходования бюджетных средств, качество жизни, уровень социально-экономического развития региона	Используются 100 показателей по следующим направлениям: развитие экономики, уровень доходов населения, политика в сфере обеспечения безопасности, здоровье, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, жилищная политика
Методика оценки эффективности органов местного самоуправления и устойчивости развития муниципального образования (Самаруха А.В., Сачков Д.И.)	Группы показателей по оценке социально-экономического развития, дополненные негативными и позитивными факторами	Три группы показателей: развитие экономического потенциала, развитие социальной сферы и развитие экологической сферы. Экспертные оценки по позитивным и негативным характеристикам территории

Наименование	Оцениваемый параметр	Показатели
Оценка эффективности реализации комплексных программ развития муниципальных образований Кемеровской области	Расчёт интегрального показателя качества жизни населения	Всего используется 60 показателей, объединённых в 4 группы: финансово-экономическая, медико-экологическая, группа показателей материального благосостояния, группа показателей развития социально ориентированного общества
Методики, посвящённые анализу социально-экономического состояния муниципального образования в целом		
Методические рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных программ	1. Оценка эффективности комплексных инвестиционных программ	Целевые показатели (сальдо и капитал монопрофильного муниципального образования) и показатели эффективности КИП
	2. Показатели социально-экономического состояния монопрофильного муниципального образования	Всего 26 показателей, объединённых в следующие группы: уровень жизни, динамика приёма и выбытия работников и наличия вакантных рабочих мест, смертность, миграция, инвестиции, финансовое состояние, износ основных фондов, состояние производства
Мониторинг состояния монопрофильных муниципальных образований, который проводится на ежегодной основе	1. Информация по социально-экономическому состоянию монопрофильного города	Всего 37 показателей, объединённых в 4 группы: характеристика населения; рынок труда, занятость и доходы населения города; производственный и технологический потенциал города; социальные последствия кризисных явлений
	2. Информация о градообразующей организации	Среднесписочная численность работающих, дебиторская и кредиторская задолженность, выручка, чистая прибыль
	3. Основные параметры бюджета	Доходы, расходы, профицит / дефицит бюджета, источники финансирования дефицита бюджета
Комплексная методика оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования (Чеклаукова Е.Л.)	Комплексный показатель социально-экономического развития МО	Интегральный показатель уровня жизни населения, интегральный показатель уровня развития бизнеса, интегральный показатель потенциала роста

Наименование	Оцениваемый параметр	Показатели
Модели оценки социально-экономического развития муниципальных образований (Сидоров А.А., Силич М.П.)	Оценка социально-экономического развития муниципального образования в динамике и статике	1. Модель интегральной оценки уровня текущего социально-экономического развития (статическая модель). 2. Модель интегральной оценки уровня изменений социально-экономического развития (динамическая модель). Три направления: финансово-экономическое, социальное и инфраструктурное развитие
Сбалансированная система показателей развития региона (Зарова Е.В., Проживин Р.А.)	Интегральная оценка финансовых и нефинансовых показателей, стратегических целей и краткосрочных задач	Выделено несколько блоков: 1. Генеральная стратегическая цель регионального развития: устойчивый рост благосостояния населения региона (валовой региональный продукт на душу населения, реальные доходы населения, соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума). 2. Финансы. 3. Производство. 4. Рынок. 5. Труд
Индекс социально-экономического развития (Пантелеева О.И.)	Агрегированные индексы социально-экономического развития и состояния окружающей среды	Индекс социально-экономического развития определяется по 21 переменной, характеризующей: – экономическое положение: производство продукции, инвестиции в основной капитал, производительность труда, бюджетная обеспеченность; – социальная ситуация в регионе: уровень занятости населения, уровень доходов и их дифференциация, демографическая ситуация, доступность здравоохранения, уровень образования, благоустройство жилищного фонда, криминальная ситуация. Индекс состояния окружающей среды и государственного управления охраной природы рассчитан на основе 14 показателей, таких как характеристика окружающей среды – воздуха, почвы, воды; уровень загрязнения и воздействие на окружающую среду; государственное управление охраной природы

Наименование	Оцениваемый параметр	Показатели
Комплексная оценка эффективности социально-экономического развития регионов (Александрова А.В.)	Эффективность социально-экономического развития	– Индекс развития человеческого потенциала – ИРЧП; – покупательная способность денежных доходов населения – ПС; – доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума – БМП; – уровень экономического неравенства; – коэффициент Джини; – душевой ВРП по паритету покупательной способности
Проект «Городской барометр» Фонда «Институт экономики города»	Система индикаторов социально-экономического развития муниципальных образований	Всего 123 индикатора, объединённых в 4 блока: – уровень жизни; – экономическая база муниципального образования; – муниципальные финансы, нежилая недвижимость и землепользование; – сфера услуг и городское хозяйство
Методики, посвященные устойчивому развитию и безопасности муниципального образования		
Комплексная система показателей устойчивого развития Томской области	Устойчивое развитие	Всего 38 показателей, подразделённых на три группы показателей: ключевые, дополнительные и специфические
Комплексный показатель для оценки устойчивости региональной социально-экономической системы (Т.В. Ускова)	Устойчивость региона (муниципального образования)	Три группы показателей: экономические показатели, социальные показатели, экологические показатели
Методика для определения устойчивого развития города (Менова Н.Ф.)	Устойчивое развитие города	Используются следующие группы показателей: индикатор образованности, индикатор жизненности, индикатор материальной обеспеченности, индикатор комфортности жилищ, индикатор экологической безопасности
Комплексная методика анализа экономики	Экономическая безопасность	Три блока показателей: способность экономики территории к устойчивому

Наименование	Оцениваемый параметр	Показатели
мической безопасности (Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробицын Б.А., Яковлев В.И.)		росту, обеспечение приемлемого уровня существования на территории, экологическая безопасность
Методика оценки экономической безопасности (Глазьев С.Ю.)	Экономическая безопасность	Макроэкономические показатели оценки экономической безопасности
Методики, оценивающие развитие отдельных сфер муниципального образования		
Критерий социально-экономической эффективности (Давыдянец Д.Е.)	Увеличение продолжительности жизни	Расчет интегрального показателя «Продолжительность жизни – Валовый внутренний продукт» ($PЖ_t * ВВП_{душ.}$). Экономическое содержание – «полная стоимость» средней продолжительности жизни человека в конкретной социально-экономической системе на определенное время
Методика оценки уровня социально-экономического развития региона (Едророва В.Н., Соловьева Н.В.)	Качество жизни населения	Экзистенциальные потребности. Социальные потребности. Потребности развития
Методика проведения комплексной рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области (Ефремов К.И., Георгадзе Е.И., Костылева Л.В.)	Оценка социально-экономического развития муниципальных образований	Группы показателей: – динамичность развития экономики; – производственный сектор экономики; – эффективность сельскохозяйственного производства; – уровень инвестиционной активности; – финансовая устойчивость экономики; – социальная направленность развития муниципального образования

1. Анализ методик, посвящённых оценке эффективности деятельности органов власти и эффективности реализации программ развития муниципальных образований.

Предлагаемый Т.В. Нестеровой [47] подход к оценке развития монопрофильных территорий, к сожалению, преимущественно ориентирован лишь на оценку пассивного (ситуационного) реагирования органов местного самоуправления на функционирование территории, что проявляется в используемых показателях:

1. Подсистема «Население»: оценка работы органов местного самоуправления населением, доля обращений населения в органы местного самоуправления, имеющих позитивный характер, сроки предоставления ответов на запросы граждан.

2. Подсистема «Экономическая основа местного самоуправления»: дефицит (профицит) бюджета, темп прироста расходов местного бюджета, темп прироста доходов местного бюджета, темп прироста стоимости основных фондов, находящихся в муниципальной собственности, темп прироста доли собственных средств в общей величине доходов местного бюджета.

3. Подсистема «Муниципальная служба»: уровень образования муниципальных служащих, доля муниципальных служащих, имеющих профильное образование, стаж муниципальной службы, коэффициент текучести кадров.

4. Подсистема «Вопросы местного значения»:

– прямые показатели: коэффициент эффективности исполнения полномочий органов местного самоуправления;

– косвенные показатели:

– общие (для всех муниципальных образований): темп прироста численности постоянного населения, уровень зарегистрированной безработицы к трудоспособному населению, среднемесячная начисленная заработная плата одного работающего;

– частные (для муниципальных образований с моноотраслевой структурой производства): доля продукции предприятий, осуществляющих добычу полезных ископаемых, доля поступлений в бюджет от предприятий, осуществляющих добычу полезных ископаемых, доля занятых на предприятиях, осуществляющих добычу

полезных ископаемых, доля занятых в малом предпринимательстве в общей численности занятых в экономике.

Данную методику можно рассматривать как инструмент оценки «пассивной» (вместо активной) эффективности деятельности органов местного самоуправления монопрофильных муниципальных образований, также отсутствует информация о действиях по изменению структуры экономики, стимулированию деятельности малого и среднего бизнеса, его динамики, самозанятости населения и т.д. Кроме того, данная методика имеет ограниченный круг использования, так как в ней рассматриваются показатели для монопрофильных муниципальных образований, градообразующей сферой деятельности которых является добыча полезных ископаемых, в то время как существуют различные типы монопрофильных муниципальных образований с разными градообразующими сферами.

Более того, данная методика ориентирована на незначительную часть экономически активного населения (государственных служащих), что не позволяет оценить состояние рынка труда и соответственно развитие монопрофильного муниципального образования в целом.

С помощью «Методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» анализируется эффективность расходования бюджетных средств, динамика изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровень социально-экономического развития региона, степень внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям управления.

Оценка осуществляется в социально-экономической сфере по следующим направлениям: развитие экономики, уровень доходов населения, политика в сфере обеспечения безопасности, здоровье, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, жилищная политика и проводится с использованием порядка 100 показателей.

Положительным моментом данной методики является то, что сделана попытка оценить развитие человеческого потенциала населения и экономическое развитие. Также методику можно применить для анализа муниципального уровня управления. Тем не

менее в методике не учтена сфера социально-трудовых отношений, которая оказывает большое влияние на социально-экономическое развитие территории, без анализа которой невозможно осуществить комплексный анализ эффективности деятельности органов исполнительной власти. Более того, в данной методике использовано большое количество показателей, что затрудняет проведение анализа.

Методика А.В. Самарухи и Д.И. Сачкова базируется на оценке устойчивости развития муниципального образования [64]. Так, в соответствии с предлагаемой методикой определяется перечень показателей по развитию экономического потенциала, развитию социальной сферы и развитию экологической сферы¹.

При этом общий рейтинг, исходя из статистических данных, должен быть скорректирован за счет позитивных и негативных факторов. Отмеченные характеристики согласно предлагаемой авторами методике определяются методом экспертных оценок, поэтому, на наш взгляд, корректировки особенно на негативные факторы являются сугубо субъективными в силу разных причин.

Наряду с оценкой эффективности органов власти используются методики оценки комплексных программ развития муниципальных образований, а также реализуемых инвестиционных проектов. Так, например, при оценке эффективности реализации комплексных программ развития муниципальных образований Кемеровской области используется интегральный показатель качества жизни населения муниципальных образований.

¹ Оценка экономического развития проводится по следующим направлениям: безработица; доля трудового населения; зарплата врачей; зарплата учителей; зарплата полицейских; бюджетообеспеченность, инвестиции в основной капитал на душу населения; ввод жилья; оборот розничной торговли на душу населения; производительность сельскохозяйственной продукции на душу населения; обрабатывающие производства на душу населения. Оценка развития социальной сферы производится со следующих позиций: рождаемость; смертность; заболеваемость; миграция; среднедушевой доход; преступность. Оценка развития экологической сферы осуществляется с анализа следующих аспектов: доля переработки ТБО; выбросы вредных веществ; сбросы загрязненных сточных вод в водоемы.

Расчет интегрального показателя качества жизни основан на вычислении четырех групп показателей:

- финансово-экономическая;
- медико-экологическая;
- группа показателей материального благосостояния;
- группа показателей развития социально ориентированного общества.

Каждая из этих групп объединяет совокупность локальных показателей, максимально характеризующих различные аспекты качества жизни населения муниципальных образований. Все показатели являются относительными и рассчитываются либо на душу населения, либо в процентном соотношении. При расчете используется среднегодовая численность населения муниципального образования.

Итоговый интегральный показатель качества жизни населения муниципального образования рассчитывается как сумма всех индексов по всем группам – в результате получается общий индекс муниципального образования. Данная методика была использована при оценке комплексной программы социально-экономического развития монопрофильной территории Топкинского района Кемеровской области. На основе анализа была выявлена возможность диверсификации экономики и занятости муниципального образования [38].

Данная методика учитывает разные сферы развития муниципального образования, в том числе степень развития социально ориентированного общества. Тем не менее в ней используется большое число показателей, что усложняет процесс оценки социально-экономического развития. Кроме того, из показателей сферы социально-трудовых отношений анализируются только уровень безработицы и среднемесячная заработная плата.

II. Анализ методик, посвященных анализу социально-экономического развития муниципального образования в целом.

Из совокупности данной методологической группы следует выделить методики, оценивающие развитие монопрофильных муниципальных образований. Так, например, основой оценки в Мето-

дических рекомендациях по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных населенных пунктов (разработаны Министерством регионального развития РФ)¹, а также ежегодно проводимого мониторинга состояния монопрофильных муниципальных образований² является финан-

¹ В Методических указаниях используются следующие показатели, оценивающие эффективность программ:

– целевые показатели, которые служат для оценки достижения цели и зависят от конкретных целей, которые были приняты монопрофильным муниципальным образованием;

– показатели эффективности комплексных инвестиционных планов монопрофильных муниципальных образований. Они характеризуются соотношением плановых или фактических результатов выполнения КИП и потраченных средств.

К целевым показателям относятся следующие индикаторы, в соответствии с целями и подцелями: 1. Основная цель – выход на устойчивое развитие монопрофильного муниципального образования. Целевые показатели: капитал и сальдо монопрофильного муниципального образования, динамика капитала и сальдо монопрофильного муниципального образования. 2. Подцели – выход на устойчивое развитие элементов монопрофильного муниципального образования (градообразующее предприятие, инфраструктура, местная промышленность и малый бизнес, местный бюджет и население). По этим подцелям рассчитываются такие показатели, как сальдо и динамика сальдо соответствующего элемента. К показателям эффективности комплексных инвестиционных планов монопрофильных муниципальных образований относятся два показателя: 1. Прямая эффективность КИП = (Сальдо монопрофильного муниципального образования конечное – Сальдо монопрофильного муниципального образования начальное) / Объем финансовой помощи (руб. / руб.). Данный показатель позволяет оценить эффективность программы. 2. Косвенная эффективность = Объем финансовой помощи / Численность населения монопрофильного муниципального образования (тыс. руб. / чел.).

Показатель косвенной эффективности позволяет сравнивать эффективность разных КИП и альтернативные сценарии поддержки монопрофильных муниципальных образований: финансирование КИП; прямая финансовая помощь населению; переселение населения монопрофильного муниципального образования.

² Министерством регионального развития РФ проводится мониторинг состояния монопрофильных муниципальных образований, исходя из следующих блоков показателей:

1. Информация по социально-экономическому состоянию монопрофильного муниципального образования (прил.). В данный блок включены следующие группы показателей: характеристика населения; рынок труда; занятость и доходы насе-

совая модель экономики монопрофильного муниципального образования. В указанных методических рекомендациях не учитываются такие важнейшие компоненты, как социальная и экологическая составляющие, сфера социально-трудовых отношений, а следовательно, невозможно определить уровень устойчивой безопасности монопрофильной территории.

В мониторинге же присутствуют отдельные показатели, характеризующие рынок труда и занятость. Однако они не позволяют в полной мере оценить состояние социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании, спрогнозировать наметившиеся тенденции их развития. Более того, по данному мониторингу оценивается в основном только техническая подсистема без учета социальной и институциональной подсистем, что не позволяет осуществить всестороннюю оценку устойчивой безопасности монопрофильного муниципального образования. Следует также отметить, что отсутствует возможность проведения сравнительного анализа между различными монопрофильными образованиями.

В настоящее время существует множество отечественных методик для оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований (регионов) в целом, некоторые из них – комплексная методика оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования Е.Л. Чеклауковой, модели оценки социально-экономического развития муниципальных образований, предлагаемая А.А. Сидоровым и М.П. Силич, сбалансированная система показателей развития региона (Е.В. Зарова, Р.А. Проживин), интегральная оценка уровня социально-экономи-

ния города; производственный и технологический потенциал города; социальные последствия кризисных явлений.

2. Информация о градообразующей организации: среднесписочная численность работающих; дебиторская и кредиторская задолженность; выручка от продажи; чистая прибыль.

3. Основные параметры бюджета монопрофильного муниципального образования: доходы, расходы, кредиторская задолженность, профицит / дефицит бюджета, источники финансирования дефицита бюджета.

ческого развития муниципальных образований, предлагаемая Д.В. Колечковым и Ю.А. Гаджиевым, методика проведения комплексной рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований на примере Вологодской области (К.И. Ефремов, Е.И. Георгадзе, Л.В. Костылева), индекс социально-экономического развития (О.И. Пантелеева) и др.

При этом различные методики при оценке уровня социально-экономического развития территории делают акцент на определенных сферах социально-экономического развития и используют разнообразные показатели (население; уровень жизни; образование; здравоохранение; налоговая политика, бюджетная политика; инвестиционная политика; производственная сфера и др.), что не дает возможности комплексно оценить устойчивость состояния муниципального образования.

Анализ существующих методик оценки эффективности социально-экономического развития муниципального образования (региона) позволяет выделить следующие основные подходы к их построению:

- 1) использование единого показателя;
- 2) применение интегрального показателя;
- 3) построение системы показателей, каждый из которых отражает отдельные аспекты эффективности развития.

Большинство авторов предлагают использовать интегральные показатели. Так, Е.Л. Чеклаукова предлагает комплексную методику оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования [79]. В данной методике сделана попытка структурировать показатели, используемые в Методике оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, с помощью комплексного показателя. Этот показатель включает в себя следующие интегральные показатели, наглядно иллюстрирующие процессы на уровне муниципального образования:

1. Интегральный показатель уровня жизни населения муниципального образования, который позволяет определить эффективность процессов жизнедеятельности населения.

2. Интегральный показатель уровня развития бизнеса необходим для оценки процессов деятельности хозяйствующих субъектов.

3. Интегральный показатель потенциала роста позволяет оценить соотношение процессов развития и производства в муниципальном образовании.

За счет таких интегральных показателей возможно проведение анализа по большинству направлений развития муниципального образования. Однако сфере социально-трудовых отношений в данной методике не уделяется должного внимания.

А.А. Сидоров и М.П. Силич предлагают комплекс моделей оценки социально-экономического развития муниципальных образований:

- модель интегральной оценки уровня текущего социально-экономического развития (статическая модель);
- модель интегральной оценки уровня изменений социально-экономического развития (динамическая модель) [66].

За основу описания модели авторы взяли показатели по следующим направлениям: финансово-экономическое развитие, социальное развитие и инфраструктурное развитие. Каждый из обозначенных составных элементов разбивается на поднаправления. Например, уровень социального развития складывается из следующих оценок: уровня жизни, социальной напряженности, безопасности, демографического развития. На следующем уровне декомпозиции происходит выделение компонентов. В частности, уровень демографического развития формируется на основе оценок естественного движения, миграции, брачно-разводных процессов и структур населения. Для рассматриваемой модели в качестве нормированных показателей выступают оценки приростов.

В целом данная методика комплексно рассматривает социально-экономическое развитие муниципального образования и учитывает также его динамику, что позволяет выявлять определенные тенденции и принимать соответствующие меры.

О.И. Пантелеева разработала на основе системы индикаторов устойчивого развития Комиссии ООН по устойчивому развитию, системы показателей Томской области, методики Программы раз-

вития ООН агрегированные индексы социально-экономического развития и состояния окружающей среды [49].

Индекс социально-экономического развития определяется по 21 переменной, характеризующей:

- экономическое положение: производство продукции, инвестиции в основной капитал, производительность труда, бюджетная обеспеченность;

- социальную ситуацию в регионе: уровень занятости населения, уровень доходов и их дифференциация, демографическая ситуация, доступность здравоохранения, уровень образования, благоустройство жилищного фонда, криминальная ситуация.

Индекс состояния окружающей среды и государственного управления охраной природы рассчитан на основе 14 показателей, таких как характеристика окружающей среды – воздуха, почвы, воды; уровень загрязнения и воздействие на окружающую среду; государственное управление охраной природы.

Предлагаемая методика агрегирования индикаторов позволяет сравнивать движение регионов в направлении устойчивого развития, учитывает экологическую составляющую, а также ряд показателей, характеризующих рынок труда.

По мнению А.В. Александровой эффективными показателями социального развития и качества жизни являются [1]:

- индекс развития человеческого потенциала – ИРЧП;
- покупательная способность денежных доходов населения – ПС;
- доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума – БМП;
- уровень экономического неравенства – коэффициент Джини;
- душевой ВРП по паритету покупательной способности.

Данные показатели позволяют провести сравнительную оценку эффективности социально-экономического развития между регионами. Однако расчет данных показателей и на уровне региона, и на уровне муниципального образования является затруднительным в связи с недостатком статистических данных.

Эффективным инструментом управления регионом и муниципальным образованием, по мнению Е.В. Заровой и Р.А. Проживи-

на, является сбалансированная система показателей, которая широко применяется в настоящее время на уровне хозяйствующих субъектов [17].

Сбалансированная система показателей – динамично развивающаяся методика, интегрирующая финансовые и нефинансовые показатели, стратегические цели и краткосрочные задачи, расширяющая использование возможностей управленческих и информационных технологий.

На примере Самарской области авторы предлагают следующую сбалансированную систему показателей развития на базе региональной статистики:

1. Генеральная стратегическая цель регионального развития: устойчивый рост благосостояния населения региона (валовый региональный продукт на душу населения, реальные доходы населения, соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума).

2. Финансы.

3. Производство.

4. Рынок.

5. Труд.

В целом данная методика согласуется с корпоративным подходом «муниципальное образование – квазикорпорация» и рыночным подходом, в результате чего возможно сочетание методов микро- и мезоуровня. Однако следует отметить, что для наиболее комплексной оценки социально-экономического развития необходимо использование соответствующих показателей в рамках социального и институционального подходов.

Положительным моментом методики является наличие возможности оценить сферу социально-трудовых отношений муниципального образования с помощью показателей специально выделенного блока «Труд».

Значительный вклад в область мониторинга и создания информационного массива, обеспечивающего возможность проведения аналитических исследований в сфере социально-экономического развития муниципальных образований, внес фонд «Институт эко-

номики города». Эксперты фонда разработали проект «Городской барометр» [9].

На первом этапе реализации проекта «Городской барометр» (2001–2002 гг.) была разработана система индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение муниципальных образований, включающая 4 блока («уровень жизни», «экономическая база муниципального образования», «муниципальные финансы, нежилая недвижимость и землепользование», «сфера услуг и городское хозяйство») и 22 подблока индикаторов. Всего система мониторинга социально-экономического положения муниципального образования включала 117 индикаторов, характеризующих все сферы жизнедеятельности муниципального образования.

Новая версия системы индикаторов, разработанная в 2002 г., сохранила структуру предыдущей версии, расширившись со 117 индикаторов до 123.

При этом система показателей социально-экономического развития муниципальных образований нацелена на поддержку процессов принятия решений на уровне муниципальных образований и, в свою очередь, способствовать решению трех задач:

1. Предварительный анализ ситуации в муниципальном образовании.

2. Оценка ожидаемого эффекта от мероприятий, предлагаемых в программах муниципального развития.

3. Мониторинг и оценка выполнения принятых программ развития муниципальных образований.

Таким образом, создается основа для работы механизма обратной связи в ходе муниципального управления, необходимой коррекции средне- и долгосрочного планирования, уточнения текущих планов.

Необходимо отметить, что данная система индикаторов не предназначена для детального описания ситуации в муниципальных образованиях. Она лишь дает «срез» ситуации и возможность проследить изменение тех или иных параметров муниципального развития в динамике и в сравнении с другими муниципальными образованиями.

Интересен международный опыт разработки показателей муниципального развития¹, который показывает важность мониторинга

¹ За рубежом рост внимания к проблеме разработки систем социально-экономических индикаторов для мониторинга условий общественного развития был отмечен уже в 1970-х гг. Начиная с середины 1970-х гг. особое распространение получили исследования качества жизни в городах. Значительное внимание при этом уделялось разработке самой концепции качества жизни в поселениях человека, и в первую очередь в городах как наиболее мобильно развивающихся системах общественной жизнедеятельности. С учетом различных параметров городской среды составлялись всевозможные международные и национальные рейтинги. И все же именно в середине – конце 70-х гг., в первую очередь, среди исследователей-урбанистов в развитых странах, а затем и в кругу представителей местных властей закрепляется представление о важности индикаторов как ключевого фактора повышения эффективности городского управления. Это представление основывалось на понимании того, что индикаторы позволяют с помощью определенных наглядных цифровых значений выделить, формализовать проблему и в конечном счете дать комплексное представление о предмете исследования.

Следует особо отметить систему жилищных индикаторов «Хабитат» и Всемирного банка, работа над которой велась с 1988 по 1993 г. Начиная с 1994 г. в рамках Программы ООН по поселениям человека «Хабитат» (UN-Habitat) был дан старт проекту Global Urban Observatory and Statistics, составной частью которого стало создание уже комплексной системы мониторинга социально-экономического развития городов мира, освещающей не только жилищную, но и социальную сферу, а также, помимо этого, весь спектр проблем городской экономики, включая состояние окружающей среды. В настоящее время это крупнейший международный проект по разработке, сбору и анализу городских индикаторов.

Программа индикаторов городского развития Urban Indicators Programme является одной из трех базовых программ проекта Global Urban Observatory and Statistics. Полный список индикаторов городского социально-экономического развития (частично программа рассчитана и на сельские поселения) в рамках данной программы включает в себя, по последним данным, 40 основных индикаторов и 129 индикаторов в расширенном списке. Перечень индикаторов ежегодно редактируется и дополняется. Индикаторы сгруппированы в 5 блоков: социально-экономическое развитие, инфраструктура, транспорт, состояние окружающей среды, местное самоуправление, жилищный сектор.

В 1996 г. Европейская комиссия приняла решение начать реализацию комплексной программы по созданию системы регулярного мониторинга городского развития в странах Европейского союза. В рамках этой программы в июне 1997 г. стартовал проект «Городской аудит» (Urban Audit), цель которого – «измерение качества жизни в городских поселениях Европейского союза с помощью набора относительно простых и наглядных индикаторов». Ответственность за разработку

и обновление системы индикаторов возложена на генеральный директорат по региональной политике Европейской комиссии и Евростат.

Индикаторы городского развития проекта «Городской аудит» были сгруппированы в 5 блоков: социально-экономические аспекты, политическая активность граждан, образование, городская среда, культура и отдых.

Состояние городской среды в рамках данного проекта оценивается с помощью 27 индикаторов, поделенных на 7 тематических разделов: воздушное и шумовое загрязнение, качество воды, утилизация мусора, землепользование, транспортные проблемы, потребление энергии, климат. Один раздел описывает состояние сферы культуры и отдыха.

В 1990 г. был дан старт проекту NORDSTAT (Nordic major cities statistics). Цель проекта – создать базу показателей для проведения сравнительной оценки развития городов 5 стран Северной Европы: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции. Начиная с 1991 г. в рамках данного проекта собиралась статистика по 16 городам из приведенного списка стран. Достижением проекта NORDSTAT можно считать то, что разработчикам удалось собрать региональную базу показателей, рассчитанных если не по единой, то хотя бы по максимально схожей методике. При отборе показателей в базу NORDSTAT все городские индикаторы были разделены на 3 группы по степени их адекватности для межстрановых сопоставлений:

1. Индикаторы класса А: простые индикаторы, легко рассчитываемые и напрямую сопоставимые между городами разных стран (численность населения, количество объектов завершенных / не завершенных строительстве, количество больниц, мест в медицинских и образовательных учреждениях и др.).
2. Индикаторы класса В: индикаторы, которые могут казаться относительно легко сопоставимыми, но тем не менее требуют предварительного анализа методики расчета и последующей ее корректировки во избежание неадекватных сопоставлений (статистика по безработице, качеству окружающей среды и т.д.).
3. Индикаторы класса С: не сопоставимые напрямую индикаторы, рассчитываемые в каждой стране по специфичной методике и в связи с этим требующие проведения обстоятельного сравнительного анализа городов разных стран (сравниваются значения индикаторов бедности, выплаты социальных пособий, характеристики доходов населения и др.).

В 1996 г. Федерация канадских муниципалитетов разработала систему индикаторов для измерения уровня развития экономики и социальной сферы в городах Канады – своего рода мониторинговый инструмент для отслеживания в этих городах. При этом в ходе отбора индикаторов ставилось условие не ограничивать рассмотрение проблем городского развития полномочиями муниципалитетов, а представить комплексную картину состояния экономики и социальной сферы с учетом всего комплекса факторов, воздействующих на их развитие в исследуемый момент. С помощью отобранных индикаторов были описаны следующие аспекты городского развития: человеческие ресурсы, занятость населения, его

социально-экономического развития муниципальных образований на основе специальной системы показателей. При этом приоритетное значение имеют вопросы социального развития, социально-трудовых отношений, устойчивого развития в целом.

III. Анализ методик, посвященных устойчивому развитию и безопасности муниципального образования.

Одним из направлений оценки эффективности социально-экономического развития муниципальных образований является определение их устойчивости и безопасности. В связи с этим актуальным, по нашему мнению, является рассмотрение методологических основ определения устойчивости и безопасности.

Анализируя отечественную и зарубежную литературу в области определения критериев устойчивого развития, можно выделить следующие классификации систем индикаторов устойчивого развития:

1. По степени охвата применения систему индикаторов можно подразделить на четыре уровня:

- международный;
- федеральный;
- региональный;
- местный.

здоровье и политическая активность, доступность жилья, безопасность, социальная напряженность, социальная инфраструктура.

Разработки, во многом аналогичные канадской, получили распространение и в других странах Запада, особенно в США, где с 1995 г. издается даже специальный бюллетень для специалистов в области разработки систем индикаторов городского качества жизни – Urban Quality Indicators. В настоящее время бюллетень выходит один раз в квартал, и в нем рассматриваются методические вопросы измерения специфических параметров состояния городской среды. Речь идет об индикаторах социального развития (социального доверия, социального равенства, социально-политической стабильности, склонности населения к социальному партнерству, этнической и расовой терпимости и т.п.), приводятся многочисленные расчеты индекса качества жизни, индексов роста городских территорий, материалы по расчету индикаторов реализации целевых программ городского развития, индикаторов транспортной напряженности, устойчивого развития, качества социально-культурной среды и др.

На этих четырех уровнях могут разрабатываться свои собственные системы индикаторов, обладающие индивидуальными особенностями.

2. С точки зрения механизма разработки индикаторов устойчивого развития можно выделить следующие виды [8]:

2.1. Определение агрегированного индикатора. В международном сообществе разработано множество индикаторов, определяющих устойчивое развитие. При этом большинство из них направлено на определение устойчивости экологической и социальной составляющих¹.

¹ – Индекс живой планеты, предложенный Всемирным фондом дикой природы в 1998 г., предназначен для оценки природного богатства лесных, водных и морских экосистем планеты. Индекс количественно характеризует тенденции изменения биологического разнообразия Земли.

– Экологический след отражает уровень потребления природных ресурсов человеком. Экологический след страны – это все пахотные угодья, пастбища, леса и рыбопромысловые зоны, необходимые для производства продовольствия, волокон и древесины, которые потребляет население, также площади для утилизации отходов, возникающих при производстве энергии, и для размещения инфраструктуры.

– Индексы человеческого развития (программы развития ООН). К ним относятся четыре индикатора:

– индекс развития человеческого потенциала – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов;

– индекс нищеты населения позволяет оценить лишения и нужду по трем основным аспектам индекса развития человека: продолжительность и здоровая жизнь; знание и образование; достаточный уровень жизни населения;

– индекс развития с учетом гендерного фактора измеряет неравенство между мужчинами и женщинами по следующим показателям: ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности и уровень охвата образованием для мужского и женского населения; ожидаемый доход на душу населения для мужчин и женщин;

– показатель расширения возможностей женщин фокусируется на возможностях женщин. Измеряется по трем ключевым направлениям: участие в политике и принятии решений; экономическая активность женщин; ожидаемый уровень дохода мужчин и женщин.

Применение агрегированных показателей является важным шагом вперед при оценке устойчивого развития. Тем не менее многие авторы отмечают недостатки способа агрегирования показателей, в том числе дефицит показателей, которые могут быть использованы при агрегировании. Также необходимо отметить, что рассмотренные агрегированные индикаторы, разработанные международными организациями, затруднительно использовать на региональном и муниципальном уровнях.

2.2. Построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Попытки осу-

– Индекс чистого прогресса и индекс устойчивого экономического благосостояния – попытка создания альтернативы ВВП, в отличие от которого данный показатель учитывает экологические и социальные аспекты развития. Включает в себя следующие составляющие: преступность и распад семей, изменение количества свободного времени, домашняя и добровольная работа, зависимость от зарубежных капиталов, распределение дохода, расходы на оборону, срок жизни предметов длительного пользования, истощение ресурсов, загрязнение, долгосрочный экологический ущерб.

– Барометр устойчивости / благополучие наций представляет собой интегрированный показатель устойчивости и является средством оценки общественного благосостояния и прогресса в направлении устойчивого развития. Для измерения устойчивости используются 4 индекса: индекс благополучия человечества определяется на основе 36 индикаторов, характеризующих социально-экономические условия; индекс благополучия экосистем, рассчитанный на основе 51 показателя; индекс благополучия / стресс измеряет уровень вреда, наносимого окружающей среде; индекс благосостояния наций определяется на пересечении индексов благополучия человечества и окружающей среды при построении барометра устойчивости.

– Индекс экологической устойчивости / индекс экологической эффективности определяется на основе 64 переменных по 5 направлениям: характеристика окружающей среды; экологические стрессы и риски; потери общества от загрязнения окружающей среды; социальные и институциональные возможности для решения экологических проблем; возможность решения глобальных проблем путем консолидации усилий.

– Показатель истинных сбережений – показатель, отражающий скорость накопления национальных сбережений после надлежащего учета истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды.

ществления системного подхода привели к использованию структурного подхода к определению системы показателей¹.

¹ Одна из самых полных систем индикаторов была разработана Комиссией по устойчивому развитию ООН, которая состояла в первоначальной редакции из 134 показателей и методологии. С учетом целевой направленности показатели были разделены на три категории: индикаторы – движущая сила (индикаторы человеческой активности, процессов и характеристик, которые могут положительно или отрицательно влиять на устойчивое развитие), индикаторы состояния (фиксируют характеристики устойчивого развития в данном районе в данный момент) и индикаторы реагирования (указывают на волю и эффективность общества в решении проблем устойчивого развития). С этой точки зрения развитие можно рассматривать как смену состояний, каждое из которых характеризуется определенной устойчивостью и способностью к изменениям.

Кроме того, вся совокупность показателей по данной методике была разбита на четыре группы: социальные, экономические, экологические и институциональные индикаторы.

В 2006 г. Фондом «Устойчивое развитие» совместно с компанией Green Partners был разработан Индекс устойчивого развития общества, который впервые был рассчитан для 150 стран мира [78]. Данный Индекс включает 22 индикатора, которые измеряют устойчивость в широком смысле. Эти индикаторы были разбиты по пяти категориям.

Индекс устойчивого развития демонстрирует степень устойчивости общества: какое развитие является позитивным и где наблюдаются проблемы. Таким образом, индекс представляет собой практический инструмент мониторинга для властей, а также понимания людьми степени (не) устойчивого развития собственной страны.

Немецкий ученый Хартмут Боссель предлагает использовать системный принцип при определении показателей устойчивого развития, группируя их на три подсистемы [87]:

- общественная система = социальная система + индивидуальное развитие + политическое управление;
- система обеспечения = инфраструктура + экономическая система;
- экологическая система = ресурсы + окружающая среда.

Многие страны избрали свои собственные подходы к определению индикаторов устойчивого развития. Так, например, в Великобритании система индикаторов основывается на концепции качества жизни. Все показатели сгруппированы по 4 основным направлениям: устойчивое потребление и производство, изменение климата и энергия, защита природных ресурсов и улучшение окружающей среды, устойчивые населенные пункты [90].

В России системы показателей устойчивого развития, разработанных зарубежными экспертами, широко применяются на региональном и муниципальном уровнях¹.

Канадский подход к определению индикаторов устойчивого развития предполагает определение четырех типов капитала: произведенный, природный, человеческий и социальный [86].

В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию отмечается, что при построении системы индикаторов устойчивого развития любой хозяйственной системы все они могут быть классифицированы по ряду секторов жизнедеятельности на группы:

1) экономические индикаторы: международная кооперация, финансовые ресурсы и механизмы, создание экономического потенциала;

2) экологические индикаторы: сохранение природных ресурсов, комплексный подход к планированию и рациональному их использованию, рациональное управление уязвимыми экосистемами, сохранение биологического разнообразия, экологически приемлемое использование биотехнологий, манипулирование отходами различного уровня вреда;

3) социальные индикаторы: борьба с бедностью; демографическая динамика и устойчивость; улучшение образования, осведомленности и воспитания общества; защита и улучшение здоровья людей; улучшение развития населенных мест;

4) институциональные индикаторы: учет экономических и экологических интересов в планировании и управлении, национальные механизмы и международное сотрудничество, международный институциональный порядок, международные правовые механизмы информационного обеспечения и помощи;

5) технологические индикаторы: уровень техники и технологии, производительность труда, передача экологически щадящих технологий, сотрудничество, гибкость производства и диверсификация.

¹ С.Н. Бобылев описал опыт применения зарубежных систем показателей в российских регионах [7]:

– структура «тема / проблема–индикатор», когда определенной проблеме соответствует свой индикатор. Обычно выделяется три группы индикаторов: экономические, социальные и экологические (Томская область);

– структура «цели–задачи–индикаторы». Иерархическая структура подхода к разработке индикаторов. Цели и задачи могут быть только сформулированы и не иметь в отличие от индикаторов количественного выражения. Такая структура нашла свое воплощение в Целях развития тысячелетия ООН (Костромская область и Чувашская Республика);

– компактная система ключевых / базовых индикаторов. Ключевые индикаторы должны быть подобраны таким образом, чтобы отразить приоритетные проблемы и специфику региона, в том числе особенности современного периода его развития (Самарская область);

Наиболее комплексная система показателей устойчивого развития была разработана в Томской области. Заслуживает внимания подход авторов [25] к выбору системы показателей устойчивого развития региона. Они предлагают три группы показателей: ключевые, дополнительные и специфические. Первые две группы показателей могут использоваться для оценки устойчивости любого региона. Перечень специфических показателей формируется с учетом особенностей конкретного региона. Обращает на себя внимание тот факт, что в ключевых индикаторах получили свое отражение агрегированные показатели: индекс развития человеческого потенциала, истинные сбережения, природный капитал. Всего в систему индикаторов устойчивого развития Томской области было включено 38 индикаторов. Однако на муниципальном уровне возможно использование только части показателей из данной методики. В методике не делается акцент на сферу социально-трудовых отношений, а только включен показатель уровня безработицы.

Комплексный показатель для оценки устойчивости региональной социально-экономической системы разработан Т.В. Усковой. Она предлагает включать следующие этапы в методику оценки устойчивости [77]:

Для расчета интегрального показателя оценки устойчивости развития региональной системы в методике используются следующие показатели:

1. Экономические показатели, отражающие уровень экономического развития, уровень инвестиционной активности в регионе, уровень инновационности.
2. Социальные показатели, характеризующие социально-демографические процессы, состояние трудовых ресурсов.
3. Экологические показатели свидетельствуют об экологическом благополучии, влиянии экономики на экологию региона.

– дифференциация структуры индикаторов на показатели «давление-состояние-реакция», что характерно для систем КУР ООН и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (г. Москва);

– «цель–приоритеты–принципы–индикаторы». Данная структура была использована при составлении концепции экологической политики Кемеровской области.

Данная методика позволяет получить относительную оценку устойчивости региона, отразить его место в совокупности регионов. При небольшом объеме информации, необходимой для расчета, интегральный показатель обладает определенной информативностью. При этом в социальных показателях методики сделан акцент на анализ рынка труда, позволяющий оценить качество трудового потенциала.

Н.Ф. Менова предлагает методику для определения устойчивого развития города, в рамках которой используются следующие показатели [40]:

- индикатор образованности: уровень грамотности взрослого населения, сводный контингент обучавшихся в учреждениях 1–3-го уровней образования;

- индикатор жизненности: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, младенческая смертность, коэффициент жизненности, преступность несовершеннолетних;

- индикатор материальной обеспеченности: городской продукт на одного жителя, коэффициент концентрации доходов, уровень занятости населения, доля потребительских расходов на питание;

- индикатор комфортности жилищ: доля жилой площади, оборудованной водопроводом, канализацией, электричеством, телефонами;

- индикатор экологической безопасности: доля очищенных сточных вод, доля использованных и обезвреженных отходов, доля очищенных загрязняющих атмосферу веществ, доля рекультивированных земель.

На основе данных индикаторов строится интегральный показатель устойчивого развития города. На наш взгляд, данная система показателей учитывает отдельные направления и всесторонне не отражает состояние муниципального образования и перспективы его развития.

Анализ существующих подходов позволяет заключить, что и при определении критериев устойчивости территориальных систем среди ученых также нет единой точки зрения. Критерием устойчивости одни считают достижимость целей развития, спо-

способность системы функционировать и развиваться, другие – нахождение системы в заданных пределах, зоне устойчивости, третьи – сбалансированность, адаптивность и т.д.

Интересна методика оценки экономической безопасности, разработанная С.Ю. Глазьевым, которая была разработана и утверждена в 1996 г. по поручению секретаря Совета безопасности РФ [12]. Эта методика основана на методе предельно критических (пороговых) показателей и предназначена для оценки экономической безопасности на макроэкономическом уровне.

Комплексная методика анализа экономической безопасности разработана коллективом авторов – А.И. Татаркин, Д.С. Львов, А.А. Куклин, А.Л. Мызин, Л.Л. Богатырев, Б.А. Коробицын, В.И. Яковлев [71].

Для всесторонней характеристики причин и последствий региональных кризисных ситуаций анализ проводится по трем сферам (блокам):

1. Способность экономики территории к устойчивому росту. В данном блоке рассматриваются следующие подразделы: динамика изменения валового внутреннего продукта (ВВП) на территории, инвестиционная безопасность, производственная безопасность, научно-техническая безопасность, внешнеэкономическая безопасность, энергетическая безопасность, финансовая безопасность.

2. Обеспечение приемлемого уровня существования на территории. Рассматриваются четыре крупных подраздела: социальная безопасность (в сфере уровня жизни населения, на рынке труда); демографическая безопасность и устойчивость к депопуляции на территории; исключение криминализации общества и сфер хозяйственной и финансовой деятельности на территории; продовольственная безопасность.

3. Экологическая безопасность. Способность сохранения баланса между человеком и природой на территории.

Авторы проводят классификацию состояния по экономической безопасности, целью которой является установление уровней безопасности по каждому индикатору с последующим отнесением состояния экономики к определенному классу по степени тяжести (опасности

или риска опасных последствий). Для этой цели предлагается ввести следующие оценки ситуаций по каждому из индикаторов: нормальная, предкризисная, кризисная.

Следует отметить, что рассматривается не только экономическая, но и социальная, демографическая, экологическая безопасность и др. Данная методика позволяет выявить угрозы в различных сферах социально-экономического развития, в том числе и в сфере социально-трудовых отношений.

Данная методика была использована Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области для осуществления мониторинга факторов, определяющих возникновение угроз экономической безопасности региона в период с 2001 по 2005 г.

IV. Анализ методик, оценивающих развитие отдельных сфер муниципального образования, например: рынок труда, экономика, социальная безопасность.

Ряд авторов не используют интегральные показатели, а предлагают применять группы показателей для оценки различных аспектов социально-экономического развития. Так, например, Д.В. Колечков и Ю.А. Гаджиев предлагают использовать для оценки экономического развития муниципальных образований валовый муниципальный продукт (ВМП). Он определяется как сумма вновь созданных стоимостей товаров и услуг, произведенных институциональными единицами (обособленными структурными подразделениями), осуществляющими деятельность на территории отдельного муниципального образования. По своему экономическому содержанию показатель ВМП является близким аналогом показателя валового регионального продукта, рассчитанного производственным методом [31].

По мнению Д.Е. Давыдянца, социально-экономическая эффективность выражается в двух аспектах – социальном и экономическом [13]. В связи с этим автор предлагает использовать в качестве макроэкономического критерия социально-экономической эффективности увеличение продолжительности жизни, а условием ее достижения – улучшение качества жизни. При этом вводится ин-

тегральный показатель «продолжительность жизни – валовый внутренний продукт».

По нашему мнению, использование единых показателей, использованных в вышеуказанных методиках, не позволяет осуществить всесторонний анализ развития муниципального образования, в том числе оценить состояние сферы социально-трудовых отношений.

В.Н. Едророва и Н.В. Соловьева предлагают использовать в качестве показателя оценки социально-экономического развития региона качество жизни населения [19].

За основу расчета комплексного показателя жизни берется теория триадотомии К. Альдерфера, в которой выделены три основные группы потребностей человека. Система показателей выведена на основе количественных характеристик основных потребностей человека: потребности развития, экзистенциальные и социальные¹.

¹ 1. Экзистенциальные потребности: потребность в пище (сумма, отражающая уровень затрат населения на потребление продуктов питания; стоимость минимальной продуктовой корзины); потребность в жилье (средняя реальная площадь жилья на одного жителя региона); здравоохранение (соотношение показателя рождаемости / смертности); безопасность (среднее количество людей, пострадавших вследствие различных преступлений и происшествий).

2. Социальные потребности: развитость социальной инфраструктуры (среднее количество объектов и людей, использующих объекты инфраструктуры); доступность информации (среднее количество людей, получающих информацию о политических, социально-экономических новостях регионального и федерального значения).

3. Потребности развития: состояние сферы образования и науки (среднее количество людей, имеющих высшее образование и ученую степень; количество средних и высших учебных заведений); эстетическое развитие населения региона (среднее количество людей, посетивших культурно-развлекательные мероприятия за один год).

При этом необходимо определение экспертным путем пороговых (минимальных или максимальных) значений вышеперечисленных показателей. Соотношение реального и нормативного показателей авторы предлагают представлять графически. В соответствии с этим сопоставлением можно выделить три состояния социально-экономического развития региона:

Положительной чертой данной методики является то, что в ее основе предполагается оценка социальной эффективности, исходя из потребностей человека. Однако если анализировать данную методику исходя из граневого подхода, то в ней используются показатели, отражающие только потребности человека-потребителя и человека – социализированной индивидуальности. А потребности человека-работника вообще не учитываются. В связи с этим с помощью данной методики невозможно оценивать социально-трудовые отношения и соответственно комплексно анализировать такую важную сферу муниципального образования, как качество жизни населения. Также многие предлагаемые авторами показатели отсутствуют в официальной статистике, в связи с этим расчет интегрального показателя может привести к неверной оценке.

Вологодский областной комитет государственной статистики разработал систему показателей, которая определяет оценку развития экономических процессов и содержит обобщающие данные о результатах функционирования различных отраслей экономики каждого муниципального образования [21]. В нее включены следующие блоки:

- динамичность развития экономики;
- производственный сектор экономики;
- эффективность сельскохозяйственного производства;
- уровень инвестиционной активности;
- финансовая устойчивость экономики;
- социальная направленность развития муниципального образования.

Положительной чертой данной методики является возможность проведения сравнительного анализа между муниципальными обра-

-
- неблагоприятное – обеспечен минимальный уровень удовлетворения экзистенциальных потребностей (отсталые регионы);
 - неустойчивое – экзистенциальные потребности удовлетворены, социальные потребности находятся на минимальном пороговом уровне, а потребности развития ниже нормативного уровня (депрессивные регионы);
 - устойчивое – все показатели выше пороговых значений и динамика положительная (благополучные регионы).

зованиями. Негативным моментом необходимо признать направленность методики только на оценку экономического развития.

Таким образом, методики, посвященные оценке отдельных направлений развития муниципальных образований (регионов), дают лишь весьма общую характеристику той или иной сферы муниципального (регионального) уровня. В результате они не представляют собой универсальный инструмент анализа социально-экономического развития и устойчивости территории.

Итак, по результатам анализа существующих методик, оценивающих социально-экономическое развитие муниципальных образований (регионов), можно сделать вывод, что в настоящее время отсутствуют всесторонние методики оценки состояния монопрофильных муниципальных образований. Имеющиеся методики по оценке социально-экономического развития муниципальных образований и регионов не позволяют произвести всесторонний анализ устойчивой безопасности монопрофильных муниципальных образований, их социально-трудовых отношений, так как они не учитывают специфические черты монопрофильных территорий (табл. 3.14).

Таблица 3.14

**Сравнительный анализ методик на предмет их применимости
для монопрофильных муниципальных образований**

Наименование методики	Методическое обеспечение анализа состояния и социально-экономического развития:	
	полифункционального муниципального образования	монопрофильного муниципального образования
I. Общая характеристика социально-экономического развития		
Оценка эффективности реализации комплексных программ развития муниципальных образований Кемеровской области	+	
Методические рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных населенных пунктов Министерства регионального развития РФ		+

Наименование методики	Методическое обеспечение анализа состояния и социально-экономического развития:	
	полифункционального муниципального образования	монопрофильного муниципального образования
Мониторинг состояния монопрофильных муниципальных образований, проводимый ранее на ежегодной основе Минрегионразвития РФ		+
Комплексная методика оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования (Чеклаукова Е.Л.)	+	
Модели оценки социально-экономического развития муниципальных образований (Сидоров А.А., Силич М.П.)	+	
Сбалансированная система показателей развития региона (Зарова Е.В., Проживин Р.А.)	+	
Индекс социально-экономического развития (Пантелеева О.И.)	+	
Комплексная оценка эффективности социально-экономического развития регионов (Александрова А.В.)	+	
Проект «Городской барометр» Фонда «Институт экономики города»	+	+
Индикаторы устойчивого развития Томской области	+	+
Комплексный показатель оценки устойчивости региональной социально-экономической системы (Ускова Т.В.)	+	
Индексы для определения устойчивого развития города (Менова Н.Ф.)	+	
Комплексная методика анализа экономической безопасности (Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробицын Б.А., Яковлев В.И.)	+	
II. Общая характеристика сферы социально-трудовых отношений		
Оценка эффективности деятельности администрации муниципального образования с моноотраслевой структурой производства (Нестерова Т.В.)		+

Наименование методики	Методическое обеспечение анализа состояния и социально-экономического развития:	
	полифункционального муниципального образования	монопрофильного муниципального образования
Оценка эффективности реализации комплексных программ развития муниципальных образований Кемеровской области	+	
Мониторинг состояния монопрофильных муниципальных образований, проводимый ранее на ежегодной основе Минрегионразвития РФ		+
Комплексная методика оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования (Чеклаукова Е.Л.)	+	
Модели оценки социально-экономического развития муниципальных образований (Сидоров А.А., Силич М.П.)	+	
Сбалансированная система показателей развития региона (Зарова Е.В., Проживин Р.А.)	+	
Индекс социально-экономического развития (Пантелеева О.И.)		
Проект «Городской барометр» Фонда «Институт экономики города»	+	
Индикаторы устойчивого развития Томской области	+	
Комплексный показатель оценки устойчивости региональной социально-экономической системы (Т.В. Ускова)	+	
Комплексная методика анализа экономической безопасности (Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробицын Б.А., Яковлев В.И.)	+	

Необходимо отметить, что с учётом применения дополнительных показателей, учитывающих специфику монопрофильного муниципального образования, для анализа общей характеристики их социально-экономического развития возможно применение показателей отдельных методик, в частности таких, как Методические

рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных населённых пунктов Министерства регионального развития РФ; Мониторинг состояния монопрофильных муниципальных образований, проводимый ранее на ежегодной основе Министерством регионального развития РФ; проект «Городской барометр» фонда «Институт экономики города»; Индикаторы устойчивого развития Томской области.

Анализ социально-трудовых отношений в изученных методиках проводится не комплексно, а только на основе отдельных показателей: занятость, доходы населения, малое предпринимательство, образование. При этом в основном анализируются показатели, частично характеризующие социальную и техническую подсистемы социально-трудовых отношений. Показатели, оценивающие институциональную подсистему, не рассматриваются.

Таким образом, в изученных методиках основной приоритет отдается изучению социально-экономического развития в целом. Сфера же социально-трудовых отношений затрагивается частично. Это не позволяет в полной мере оценить существующие проблемы в данной сфере, хотя это особенно важно для устойчивой безопасности монопрофильных муниципальных образований. Поэтому в настоящее время необходима методика, позволяющая оценить уровень устойчивости социально-трудовых отношений в монопрофильном муниципальном образовании.

При формировании методической базы для оценки устойчивой безопасности монопрофильных муниципальных образований важны следующие параметры:

1. Учёт специфики монопрофильных муниципальных образований.
2. Анализ возможных резервов и направлений диверсификации структуры монопрофильного муниципального образования.
3. Оценка состояния социально-трудовых отношений, социальной ответственности и партнерства.
4. Оценка степени остроты проблем социально-экономического развития, их проявление в сфере трудовых и социально-трудовых отношений.

5. Возможность прогнозирования и проведения верификации на основе результатов оценки со стратегическими документами монопрофильного муниципального образования.

6. Возможность проведения «наглядной» экспресс-диагностики на основе ключевых показателей.

7. Система показателей должна быть реалистичной, информативной, простой и «сопряженной» с учетом многоуровневости экономики.

Исходя из данных параметров, проанализируем указанные методики (табл. 3.15). Из таблицы видно, что ни одна из изученных методик в полной мере не удовлетворяет выделенным параметрам. Более того, параметры, связанные с особенностями монопрофильных муниципальных образований, присутствуют только в мониторинге, ранее проводимом Министерством регионального развития РФ. Хотя необходимо отметить, что все другие выделенные параметры присутствуют в той или иной методике. Проблема обеспечения устойчивой безопасности монопрофильных территорий приобрела в настоящее время общероссийский характер. Поэтому, исходя из нашего анализа, необходима разработка отдельной методологической базы для монопрофильных муниципальных образований, которая позволит не только отслеживать текущее их состояние, но и поможет решить их существующие проблемы, определить пути обеспечения устойчивой безопасности, соотнести текущие результаты функционирования со стратегическими документами монопрофильных муниципальных образований и при необходимости своевременно произвести их корректировку. И, самое главное, необходима ориентированность данной методической базы на человека.

Сравнительная оценка методик эффективности социально-экономического развития и устойчивости территорий различных исследователей на предмет возможности применения для монопрофильного муниципального образования

Сравниваемый параметр	Методика								
	Учет особенностей монопрофильной территории	Ориентированность методики на человека	Анализ возможностей диверсификации	Оценка состояния социальных-но-трудовых отношений	Анализ уровня соц. ответ-ти и соц. партнёрства	Оценка степени остроты проблем соц.-эк. развития	Возможность экспресс-диагностики	Верификация в соответствии со стратегическими документами	Реалистичность, информативность, простота и «сопряженность» показателей
1. Методики, посвященные оценке эффективности деятельности органов власти и реализации программ развития муниципальных образований									
Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ	-	+ / -	-	-	-	-	-	-	+
Оценка эффективности деятельности администрации муниципального образования с моноотраслевой структурой производства (Нестерова Т.В.)	+	+	-	+ / -	-	-	-	-	+ / -
Методика оценки эффективности органов местного самоуправления и устойчивости развития муниципального образования (Самаруха А.В., Сачков Д.И.)	-	+ / -	-	-	-	-	-	-	+ / -

Сравниваемый параметр	Методика								
	Учет особенностей монопрофильной территории	Ориентированность методики на человека	Анализ возможностей диверсификации	Оценка состояния социально-трудовых отношений	Анализ уровня соц. ответ-ти и соц. партнёрства	Оценка степени остроты проблем соц.-эк. развития	Возможность экспресс-диагностики	Верификация в соответствии со стратегическими документами	Реалистичность, информативность, простота и «со-пряженность» показателей
Оценка эффективности реализации комплексных программ развития муниципальных образований Кемеровской области	-	+ / -	-	+	-	-	-	-	+ / -
<i>2. Методики, посвященные анализу социально-экономического состояния муниципального образования в целом</i>									
Методические рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных населенных пунктов Министрства регионального развития РФ	+	-	-	-	-	+	-	-	+ / -
Мониторинг состояния монопрофильных муниципальных образований, проводимый ранее на ежегодной основе Минрегионразвития РФ	+	+ / -	-	+	-	+	-	-	+
Комплексная методика оценки уровня социально-экономического развития	-	+ / -	-	+	-	-	+	-	+

Сравниваемый параметр	Методика								
	Учет особенностей монопрофильной территории	Ориентированность методики на человека	Анализ возможностей диверсификации	Оценка состояния социально-трудовых отношений	Анализ уровня соц. ответа-ти и соц. партнерства	Оценка степени остроты проблем соц.-эк. развития	Возможность экспресс-диагностики	Верификация в соответствии со стратегическими документами	Реалистичность, информативность, простота и «со-пряженность» показателей
муниципального образования (Чекаукова Е.Л.)									
Модели оценки социально-экономического развития муниципальных образований (Сидоров А.А., Силич М.П.)	-	+ / -	-	+ / -	-	-	-	-	-
Сбалансированная система показателей развития региона (Зарова Е.В., Проживин Р.А.)	-	+ / -	-	+	-	-	-	+	- / +
Индекс социально-экономического развития (Пантелеева О.И.)	-	+ / -	-	+	-	-	-	-	+
Комплексная оценка эффективности социально-экономического развития регионов (Александрова А.В.)	-	+	-	-	-	-	-	-	- / +
Проект «Городской барометр» Фонда «Институт экономики города»	-	+ / -	-	+	-	-	+	+	- / +

Сравниваемый параметр	Методика								
	Учет особенностей монопрофильной территории	Ориентированность методики на человека	Анализ возможностей диверсификации	Оценка состояния социально-трудовых отношений	Анализ уровня соц. ответ-ти и соц. партнерства	Оценка степени остроты проблем соц.-эк. развития	Возможность экспресс-диагностики	Верификация в соответствии со стратегическими документами	Реалистичность, информативность, простота и «со-пряженность» показателей
	<i>3. Методики, посвященные устойчивому развитию и безопасности муниципального образования</i>								
	Индикаторы устойчивого развития Томской области	+	-	+/-	-	+	+	-	+
	Комплексный показатель оценки устойчивости региональной социально-экономической системы (Т.В. Ускова)	-	-	+	-	+	-	-	+
	Индексы для определения устойчивого развития города (Менова Н.Ф.)	-	+	-	-	-	-	-	+/-
	Комплексная методика анализа экономической безопасности (Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробинцын Б.А., Яковлев В.И.)	-	+/-	+	-	+	+	-	+
	<i>4. Методики, оценивающие развитие отдельных сфер муниципального образования</i>								
	Методика оценки уровня социально-экономического развития региона (Едророва В.Н., Соловьева Н.В.)	-	+	-	-	-	+	-	+/-

Сравниваемый параметр	Методика								
	Учет особенностей монопрофильной территории	Ориентированность методики на человека	Анализ возможностей диверсификации	Оценка состояния социально-трудовых отношений	Анализ уровня соц. ответа и соц. партнерства	Оценка степени остроты проблем соц.-эк. развития	Возможность экспресс-диагностики	Верификация в соответствии со стратегическими документами	Реалистичность, информативность, простота и «со-пряженность» показателей
Критерий социально-экономической эффективности (Давыдянц Д.Е.)	–	–	–	–	–	–	–	–	– / +
Интегральная оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований (Колечков Д.В., Гаджиев Ю.А.)	–	–	–	–	–	–	–	–	– / +
Методика проведения комплексной рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области (Ефремов К.И., Георгадзе Е.И., Костылева Л.В.)	–	–	–	–	–	+	–	–	– / +

Примечание. + присутствие параметра; – отсутствие параметра; + / – присутствие параметра, используемого не в полной мере.

По нашему мнению, распространение основополагающих принципов для изучения устойчивого развития на анализ функционирования моногородов позволит полнее учесть специфику этих территорий, повысив результативность принимаемых решений [88, 89].

На основе предлагаемого подхода нами разработаны две методики:

1. Методика оценки устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования, а также оценки уровня устойчивой безопасности социально-трудовых отношений монопрофильных муниципальных образований и прогнозирования последствий реализации стратегических программ социально-экономического развития. Содержание и опыт апробации данной методики описаны в ранее опубликованных нами работах [55, 58, 60, 61].

2. Методика спиральной динамики комплексных показателей устойчивого развития монопрофильного муниципального образования и качества жизни населения, представленная в прил. А (табл. 1, 2). Результаты апробации представлены в следующем параграфе 3.4 и в прил. Б (табл. 1–3).

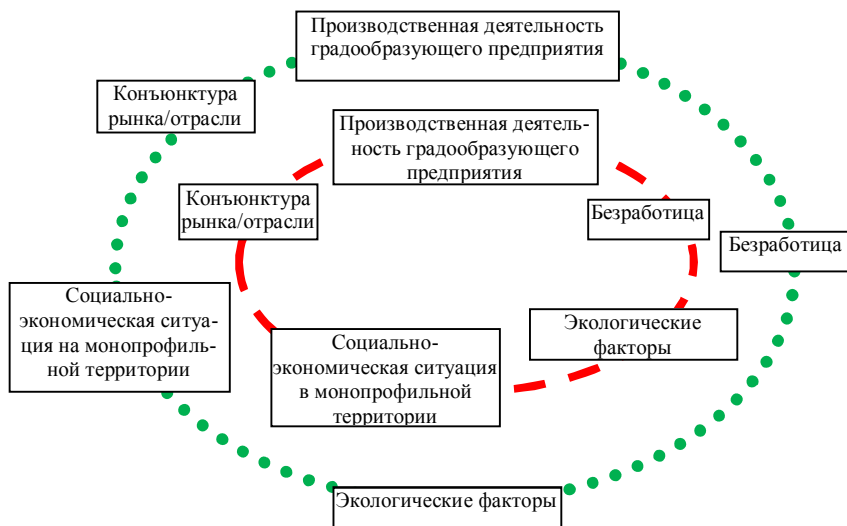
Разорвать «замкнутый круг» развития градообразующих предприятий и моногородов, не нарушая целостности этой сложной системы, можно рассматривая устойчивое развитие как движение по спирали (движение с одного уровня на другой). Это согласуется с теорией спиральной динамики развития человеческих обществ [6].

Для этого необходимо при проведении анализа совмещение двух подходов:

- плоскостного («круг» и его основные взаимосвязанные и взаимовлияющие элементы-факторы);
- пространственного (разная скорость и качественные изменения в каждом из элементов-факторов круга позволяют перейти на другой уровень спирали).

Для анализа устойчивого развития монопрофильной территории с помощью сочетания плоскостного и пространственного подходов модель монопрофильной территории можно представить как сочетание нескольких спиралей («красно-зелёная труба спира-

лей») – две спирали, отображающие позитивное (зелёная спираль) и негативное (красная спираль) влияние основных элементов-факторов на устойчивое развитие монопрофильных территорий (рис. 3.10 в плоскостном представлении). В зависимости от силы влияния элементов-факторов на уровне круга каждой спирали форма каждой из них меняется (сжимается, искривляется, расправляется и т.д.). Меняется и их пространственное расположение относительно друг друга (удаляются, приближаются, соприкасаются и т.д.).

Условные обозначения: – круг позитивного влияния элементов-факторов на устойчивое развитие; - - - – круг негативного влияния элементов-факторов на устойчивое развитие

Рис. 3.10. Влияние элементов-факторов на устойчивое развитие монопрофильной территории / работника градообразующего предприятия

Характеристики, применяемые для определения категории монопрофильных территорий (производственная деятельность; высвобождение работников градообразующей организации (от среднесписочной численности); конъюнктура рынка / отрасли; уровень безработицы; социально-экономическая ситуация), дополнены

нами экологическими факторами. Высвобождение работников градообразующей организации и уровень безработицы объединены нами и рассматриваются как один элемент-фактор «безработица» в группе «Характеристика монопрофильной территории».

С помощью тех же критериев, используемых для определения категории монопрофильной территории и дополненных экологическими факторами, можно изучить их влияние на качество жизни населения. В этом случае модель монопрофильной территории можно представить как сочетание нескольких спиралей («синие-жёлтая труба спиралей») – две спирали, отображающие влияние элементов-факторов на качество жизни населения монопрофильной территории (синяя спираль) и на качество жизни работников градообразующего предприятия (жёлтая спираль) (рис. 3.11 в плоскостном представлении). Как и в предыдущем описании «трубы спиралей», может изменяться как форма каждой спирали, так и их расположение относительно друг друга.

Это позволит, не вводя дополнительных элементов-факторов (кроме экологического фактора), получить возможность применения информации, их характеризующей, по-разному сочетая её в процессе анализа; и для анализа устойчивого развития, и анализа качества жизни.

Критерии, применяемые для определения категории монопрофильной территории, можно сгруппировать следующим образом:

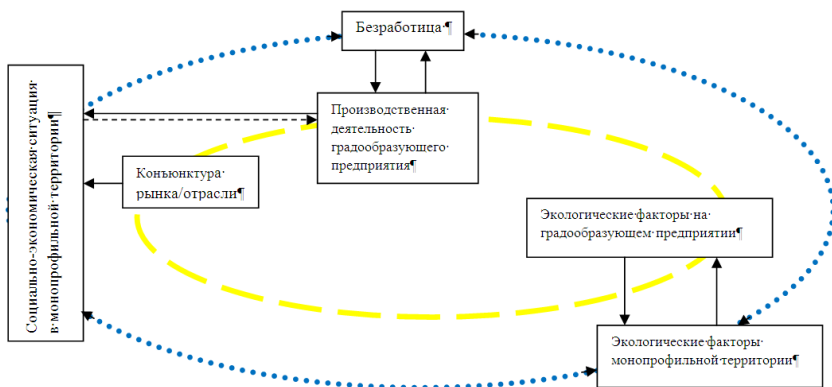
I. Характеристика градообразующего предприятия:

- 1) производственная деятельность;
- 2) высвобождение работников градообразующей организации (от среднесписочной численности);
- 3) конъюнктура рынка / отрасли.

II. Характеристика монопрофильной территории:

- 1) уровень безработицы;
- 2) социально-экономическая ситуация (по данным опроса Федеральной службы охраны РФ).

Данная группировка элементов-факторов позволяет точнее и полнее провести анализ их влияния как на качество жизни населения, проживающего на монопрофильной территории, так и на качество жизни отдельного человека (работника градообразующего предприятия) (см. рис. 3.11).

Условные обозначения:

••••• — круг влияния элементов-факторов на качество жизни населения монопрофильной территории; — — — — — круг влияния элементов-факторов на качество жизни работников градообразующего предприятия. Стрелки показывают характер взаимного влияния между внешним и внутренним кругом

Рис. 3.11. Влияние элементов-факторов на качество жизни населения монопрофильной территории / работника градообразующего предприятия

Предлагаемая методика расчёта комплексного показателя устойчивого развития монопрофильного муниципального образования учитывает как количественные, так и качественные характеристики:

1. По количественным показателям определяется степень дальности (близости) соответствующих показателей к максимальным и минимальным пороговым значениям на основе метода многомерного сравнительного анализа.

В связи с тем, что применяемые для расчёта комплексного показателя частные индикаторы имеют различные единицы измерения, их нужно перевести в соответствующие коэффициенты. Это возможно за счёт сопоставления с максимальными / минимальными значениями, определёнными для каждого конкретного частного показателя. Формула для преобразования показателя в коэффициент зависит от того, к какому из типов относится анализируемый показатель:

1) если отдельный показатель имеет прямо пропорциональную зависимость от уровня устойчивого развития (т.е. чем большее принимает значение показатель, тем выше уровень устойчивого развития), то коэффициент рассчитывается по следующей формуле (1):

$$k_i = \frac{x_i - \min(x_i)}{\max(x_i) - \min(x_i)}; \quad (1)$$

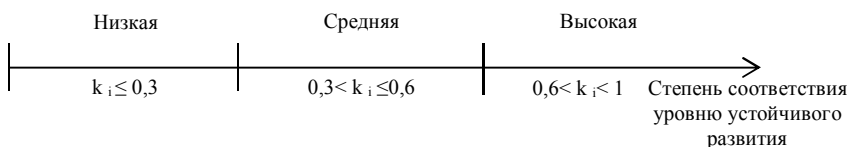
2) если отдельный показатель имеет обратно-пропорциональную зависимость от уровня устойчивого развития (т.е. чем большее значение принимает показатель, тем ниже уровень устойчивого развития), то коэффициент рассчитывается по следующей формуле (2):

$$k_i = \frac{\max(x_i) - x_i}{\max(x_i) - \min(x_i)}, \quad (2)$$

где k_i – коэффициент, позволяющий оценить степень устойчивого развития по каждому значению показателя (x_i), далее – коэффициент; $\max(x_i)$, $\min(x_i)$ – пороговые (предельные) значения индикаторов.

Для того чтобы преобразовать показатель в коэффициент, необходимо определить пороговые максимальные и минимальные значения на основе среднестатистических данных и специальных исследований.

2. По качественным показателям расчёт основан на применении метода экспертных оценок, основанного на сравнительном анализе со среднероссийскими и среднеобластными значениями показателей. Используется интервальная шкала для оценки показателей, которая согласуется с диапазонами уровня устойчивого развития – от 0 до 1.

3. Определение интегральных показателей по каждому разделу. Интегральные показатели по разделам рассчитываются как среднее геометрическое значение коэффициентов. Формула расчета (3):

$$I_n = \sqrt[n]{\prod k_j}, \quad (3)$$

где I_n – индикатор уровня устойчивого развития по n -му разделу показателей.

4. Расчёт комплексного показателя (КП) уровня устойчивого развития (УР) осуществляется по формуле (4):

$$I_{\text{КП УР}} = \sqrt[3]{I_1 \times I_2 \times I_3}, \quad (4)$$

где $I_{\text{КП УР}}$ – комплексный показатель уровня устойчивого развития монопрофильного муниципального образования; I_1 – индикатор уровня социального устойчивого развития; I_2 – индикатор уровня экономического устойчивого развития; I_3 – индикатор уровня экологического устойчивого развития.

Разработка системы мониторинга функционирования монопрофильных территорий на основе предлагаемой нами методики позволит управлять устойчивостью этих территорий и своевременно принимать соответствующие решения.

3.4. Оценка уровня динамической устойчивости экономики структурных мини-субъектов Кемеровской области

В Кемеровской области 17 муниципальных образований входят в перечень монопрофильных муниципальных образований, утвержденных Правительством России, из которых три города (Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск и Таштагол) включены в перечень приоритетных монопрофильных территорий, требующих поддержки.

Исходя из рассмотренных выше типологий, монопрофильные муниципальные образования Кемеровской области можно подразделить на следующие группы (рис. 3.12):

1. По экономической базе:

- угольная и горнорудная отрасль: Ленинск-Кузнецкий, Таштагол, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Белово, Березовский, Киселевск, Краснобродский, Междуреченск, Осинники, Полысаево;
- металлургическое производство: Новокузнецк, Гурьевск;
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды: Калтан;
- машиностроение: Юрга;
- железнодорожный транспорт: Тайга;

– производство строительных материалов: Топки.

2. По структурным особенностям:

– монопрофильные города с несколькими градообразующими предприятиями: Прокопьевск, Новокузнецк, Анжеро-Судженск, Белово, Березовский, Киселевск, Краснобродский, Междуреченск, Осинники, Полысаево;

– монопрофильные города с одним градообразующим предприятием: Ленинск-Кузнецкий, Таштагол, Гурьевск, Калтан, Тайга, Топки, Юрга.

3. По виду реализуемых функций:

– производственная сфера: Прокопьевск, Новокузнецк, Анжеро-Судженск, Белово, Березовский, Киселевск, Краснобродский, Междуреченск, Осинники, Полысаево, Ленинск-Кузнецкий, Таштагол, Гурьевск, Калтан, Топки, Юрга;

– непроизводственная сфера (железнодорожный транспорт): Тайга.

Рис. 3.12. Структура монопрофильных муниципальных образований Кемеровской области по отраслям, %.

Источник: Составлено на основании данных сайта Монгорода Кемеровской области: <http://monogorod.kemobl.ru>

Таким образом, исходя из статистических данных, можно заключить, что Кемеровская область является, по сути, «монорегионом», преобладающей градообразующей сферой которого является угольная и горнорудная отрасль (64,7%).

Социально-экономическое развитие монопрофильного муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ» имеет определённую специфику (табл. 3.16).

Таблица 3.16

Отличительные особенности монопрофильных муниципальных образований на примере Ленинск-Кузнецкого городского округа

Характеристика	Специфические признаки монопрофильных муниципальных образований	Монопрофильное муниципальное образование «Ленинск-Кузнецкий городской округ»	
		Особенности	Степень проблем
1. Степень диверсификации экономической базы	Недиверсифицированная	+	***
2. Системное единство муниципального образования (МО) и градообразующего предприятия	+	+	**
3. Необходимость разработки специальных программ развития	+	+ Разрабатывается КИП монопрофильного муниципального образования	*
4. Узкий сегмент отраслевого рынка	+	+ Угледобывающая сфера	***
5. Степень зависимости от внешней среды	Жёстко зависимая, требующая постоянных значительных поступлений из внешней среды	+	*
6. Наличие градообразующего предприятия и неразрывной связи МО с ним:	+	+	***
6.1. Доля градообразующего предприятия в об-	> 50 %	79 %	***

Характеристика	Специфические признаки монопрофильных муниципальных образований	Монопрофильное муниципальное образование «Ленинск-Кузнецкий городской округ»	
		Особенности	Степень проблем
щем объеме промышленного производства МО			
6.2. Доля экономически активного населения, занятого на градообразующем предприятии	> 25%	24,4%	**
6.3. Прямая зависимость местного бюджета от градообразующего предприятия (более 20 % от всех налоговых поступлений)	+	28,9%	***
6.4. Значительная доля объектов социальной инфраструктуры города на балансе градообразующего предприятия (обслуживающее более 30 % населения)	+	–	
7. Моноцентризм в формировании структуры экономики города (узкое количество внешних городских функций; внешние функции города реализует ограниченное число предприятий)	+	+	*
8. Уровень диверсификации структуры занятости (уровень однородности профессиональной структуры населения)	Низкий	+ Низкий	**
9. Трудовая мобильность населения	Крайне низкая	+ Низкая	***
10. Успешность функционирования градообра-	+	+	**

Характеристика	Специфические признаки монопрофильных муниципальных образований	Монопрофильное муниципальное образование «Ленинск-Кузнецкий городской округ»	
		Особенности	Степень проблем
зующего предприятия определяет качество жизни населения			
11. Рынок труда	Склонность к монополическому типу	+	*
12. Уровень безработицы	Повышенный	Умеренный 1,4%	*
13. Причинно-следственная связь между трудовыми и социально-трудовыми отношениями	Неоднозначна	+	*
14. Предпринимательская активность населения, самозанятость	Низкая	+ Доля малых предприятий в общегородском объеме отгруженных товаров – 14,1%; доля работающих на малых предприятиях от численности занятых в экономике – 12,3%	***
15. Реагирование предприятий на изменение спроса и предложения на рынке труда в целом	Создание градообразующим предприятием внутреннего рынка труда, не реагирующего или почти не реагирующего на изменения, происходящие на внешнем рынке труда	–	

Обозначения: * – низкая степень существования проблемы; ** – средняя степень существования проблемы; *** – высокая степень существования проблемы.

Сокращения: КИП – комплексная инвестиционная программа.

В первую очередь, это ярко выраженная зависимость социальной и экономической сфер монопрофильного муниципального об-

разования от градообразующего предприятия, особенно в части социально-трудовых отношений. Поэтому из-за складывающихся негативных тенденций в градообразующей отрасли возможно возникновение некоего социального напряжения, роста чувства неудовлетворенности населения.

Во-вторых, наличие негативных тенденций в демографической и миграционной сфере, что способствует ухудшению трудового потенциала монопрофильного муниципального образования.

В-третьих, наличие замкнутого трудового рынка, характеризующегося однородностью профессионального состава, вся структура которого отражает особенности градообразующей отрасли.

В-четвертых, условия и безопасность труда работающих находятся в повышенной зоне риска, что обусловлено спецификой градообразующей отрасли.

В-пятых, отсутствует развитый малый бизнес, что влечёт за собой небольшие заработные платы работников малого бизнеса, низкую предпринимательскую активность, малую долю в валовом муниципальном продукте и как следствие недиверсифицированность экономики и социально-трудовой сферы.

Наконец, наличие на территории монопрофильного муниципального образования социально ориентированного градообразующего предприятия в сочетании с низким уровнем социальной ответственности в части экологии, условий труда работников.

Полученные результаты анализа устойчивого развития монопрофильного муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ» на основе предлагаемой Методики спиральной динамики комплексных показателей устойчивого развития монопрофильного муниципального образования и качества жизни населения можно показать с помощью прил. Б (табл. 1–3).

Комплексный показатель устойчивости монопрофильного муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ» имеет положительную тенденцию: увеличился за анализируемый период с 0,37 до 0,47. Несмотря на увеличение комплексного показателя, уровень устойчивости остается низким.

Проанализируем по разделам комплексный показатель устойчивости монопрофильного муниципального образования:

1. Раздел «Социально-экономическая ситуация в монопрофильном муниципальном образовании». Индекс составил в 2017 г. 0,34, увеличившись за последние 3 года на 17%. Положительное влияние на прирост оказали следующие показатели:

- доля занятых в малом предпринимательстве выросла с 13 до 14%;

- уровень оплаты труда в монопрофильном муниципальном образовании (соотношение средней номинальной заработной платы к прожиточному минимуму) вырос за анализируемый период с 3,39 до 3,88.

Негативное влияние на невысокий индекс оказали следующие показатели:

- коэффициент прироста населения имеет стабильно отрицательное значение –788 чел. в год;

- доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила в 2015 г. 15,3%, в то время как среднероссийский показатель составляет более 13 %.

2. Раздел «Производственная деятельность градообразующего предприятия». Индекс увеличился с 2015 по 2017 г. с 0,24 до 0,59, положительное влияние на данный рост оказали показатели финансовой устойчивости и рентабельности градообразующего предприятия, которые выросли за анализируемый период в 2,3 и в 1,5 раза соответственно.

Необходимо отметить, что зависимость от монопрофильной территории за анализируемый период не изменилась: доля населения монопрофильной территории, занятого на градообразующем предприятии, составила 42%, увеличившись на 5%, а также доля градообразующего предприятия в общем объеме промышленного производства монопрофильного муниципального образования выросла на 12 п.п. – с 283 до 252%.

3. Раздел «Безработица». Индекс остается на неизменном уровне – 0,64.

Несмотря на низкий уровень безработицы (1,6% в 2015 г.), средняя продолжительность безработицы составляет 8,5 мес., что больше на 16% среднероссийского показателя (7,3 мес.).

4. Раздел «Конъюнктура рынка/отрасли»: индекс составил 0,48. На уровень данного показателя оказывает влияние показатель инвестиции в основной капитал, который в 2017 г. составил 108% к предыдущему году, что стало соответствовать среднероссийским показателям.

Индекс промышленного производства увеличился с 99 до 105,7% за анализируемый период.

5. Раздел «Экологические факторы». Несмотря на незначительное увеличение индекса за 2015–2017 гг. с 0,39 до 0,43, по-прежнему проблемными зонами являются:

- объем выбросов загрязняющих веществ в расчете на одного человека – превышает среднероссийский показатель в 4,8 раза;

- уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в Ленинск-Кузнецком городском округе в 2017 г. было всего 10,4%, в то время как среднероссийский уровень составляет 74%.

Итак, из проведенного анализа видно, что устойчивости монопрофильного муниципального образования имеет низкий уровень, в том числе как из-за значительных проблемных зон в социально-экономической ситуации монопрофильного муниципального образования, так и в экологическом состоянии.

Комплексный показатель качества жизни населения монопрофильного муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ» имеет положительную тенденцию (увеличился на 0,09 пункта), и в 2017 г. составил 0,5. Несмотря на увеличение комплексного показателя, уровень качества жизни населения остается низким.

Проанализируем по разделам комплексный показатель качества жизни населения:

1. Раздел «Качество жизни населения». Индекс составил в 2017 г. 0,5. При этом по сравнению с 2015 г. увеличился на 6,4%. Негативное влияние на невысокий уровень качества жизни населения оказали следующие показатели:

– подраздел «Социально-экономическая ситуация»: коэффициент прироста населения имеет стабильно отрицательное значение –788 чел. в год, а также доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила в 2015 г. 15,3%, в то время как среднероссийский показатель составляет более 13%;

– подраздел «Безработица»: несмотря на достаточно низкий уровень безработицы (1,6% в 2015 г.), средняя продолжительность безработицы составляет 8,5 мес, что больше на 16% среднероссийского показателя (7,3 мес);

– подраздел «Экологические факторы»: за счет повышенного уровня экологической нагрузки на население объем выбросов загрязняющих веществ в расчете на одного человека превышает среднероссийский показатель в 4,8 раза.

Тем не менее необходимо отметить, что уровень оплаты труда (соотношение средней номинальной заработной платы к прожиточному минимуму) вырос за анализируемый период с 3,39 до 3,88.

2. Раздел «Качество жизни населения». Индекс увеличился с 2015 по 2017 г. с 0,36 до 0,5, положительное влияние на данный рост оказали следующие показатели:

– Раздел «Производственная деятельность градообразующего предприятия»: показатели финансовой устойчивости и рентабельности градообразующего предприятия выросли за анализируемый период в 2,3 и 1,5 раза соответственно.

– Раздел «Конъюнктура рынка/отрасли»: инвестиции в основной капитал в 2015 г. составили 108% к предыдущему году, что стало соответствовать среднероссийским показателям.

Необходимо отметить, что:

– зависимость от монопрофильной территории за анализируемый период не изменилась: доля населения монопрофильной территории, занятого на градообразующем предприятии, составила 42%, увеличившись на 5%, а также доля градообразующего предприятия в общем объеме промышленного производства монопрофильного муниципального образования выросла на 12 п.п. – с 283 до 252%;

– экологические факторы градообразующего предприятия: по-прежнему показатели ниже среднероссийских значений. Так, уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в Ленинск-Кузнецком городском округе в 2017 г. было всего 10,4%, в то время как среднероссийский уровень составляет 74%.

Итак, из проведенного анализа видно, что уровень качества жизни населения низкий, в том числе как из-за значительных проблемных зон в социально-экономической ситуации монопрофильного муниципального образования, так и в экологическом состоянии.

Источники и литература

1. Александрова А.В. Комплексная оценка эффективности социально-экономического развития регионов Центрального федерального округа и модельного региона Липецкой области // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 19 (154). С. 16–21.
2. Алиев И.М., Горелов Н.А., Ильина Л.О. Экономика труда: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012.
3. Алтухова М.В. Согласование интересов структурных подразделений промышленных моногородов // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 2 (185). С. 56–62.
4. Алушкин Ю.А. Моногорода в региональной экономике России: основные характеристики и новые условия развития // Проблемы современной экономики. 2010. № 3 (35). С. 252–254.
5. Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Проблемы и перспективы развития моногородов России // Управленец. 2009. № 1–2 (28–29). С. 46–53.
6. Бек Дон, Кован Крис. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М.: Открытый Мир, Best Business Books, 2010. 424 с.
7. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по региональной экологической политике. М., 2007. 60 с.
8. Вдовин С.М. Предпосылки формирования стратегии устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 16 (247). С. 22–27.
9. Ветров Г.Ю., Визгалов Д.В., Шанин А.А., Шевырова Н.И. Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований. 2-е изд., доп. М.: Институт экономики города, 2002.

10. Воронин И. Как будут спасать моногорода // Бюллетень недвижимости. 2009. 21 октября. URL: <http://www.bn.ru/articles/2009/10/21/50200.html>
11. Гагарина Г.Ю., Седова Н.В. Принципиальная схема проведения анализа ресурсного потенциала региона // Финансовый менеджмент. 2018. № 05 (сентябрь–октябрь). С. 40–51.
12. Глазьев С.Ю. За критической чертой. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. М.: Российский экономический журнал, 1996.
13. Давыдянец Д.Е. Критерий, показатели и оценка социально-экономической эффективности // Вопросы статистики. 2002. № 8. С. 73–78.
14. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Исходные положения устойчивого развития // Устойчивое развитие: информ. сб. М.: ВНИТИ, 1999. № 4. С. 3–5.
15. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие: учеб. пособие. М.: Традиция, 2000.
16. Загоруйко И.Ю. Концептуальные основы редуверопмента при реформировании промышленных моногородов. Ижевск, 2011.
17. Зарова Е.В., Проживин Р.А. Сбалансированная система показателей развития региона: статистическое обоснование и эконометрической моделирование // Вопросы статистики. 2008. № 8. С. 59–66.
18. Заусаев В.К., Дубинина Е.В., Зайцев К.Н. Политика занятости в моногородах // Научные доклады: независимый экономический анализ. М.: Московский общественный научный фонд, 2010. № 213. 256 с.
19. Едророва В.Н., Соловьева Н.В. Оценка качества жизни как актуальное направление оценки уровня социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 40 (175). С. 2–7.
20. Еремина Е.Д. Концептуальные основы управления развитием монопрофильных городов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 24 (255). С. 40–44.
21. Ефремов К.И., Георгадзе Е.И., Костылева Л.В. Методика проведения комплексной рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Вопросы статистики. 2002. № 2. С. 61–63.
22. Иванов С.А., Леонтьева А.Н. Особенности развития и использования человеческого капитала в моногородах России // Экономика и управление. 2012. № 11 (85). С. 62–67.
23. Иванова Н.А., Вялышина А.А. Проблемы рынка труда монопрофильных городов в условиях экономического кризиса // Теория и практика. 2012. № 4. С. 3–8.
24. Ильченко А.Н., Абрамова Е.А. Кризис малых моногородов России: возможности антикризисного саморазвития // Вестник университета. 2010. № 1. С. 177–181.

25. Индикаторы устойчивого развития Томской области. Томск: Печатная мануфактура, 2004. Вып. 2. 46 с.
26. Калабина Е.Г., Орехова С.В. Влияние локального рынка труда на устойчивость институтов внутрифирменного рынка труда (на примере предприятий Свердловской области // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 1–2. С. 102–114.
27. Калашников С. О концептуальных основах российской социальной политики // Общество и экономика. 1999. № 3–4. С. 124–131.
28. Кашкина Л.В. Монопрофильный город как социальная лаборатория // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 46–49.
29. Киварина М.В. Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. 2011. № 3. С. 116–121.
30. Колесников А.И., Антонов Г.Д., Иванова О.П. Развитие моногородов и социальная ответственность предприятия. М.: Наука, 2007. 240 с.
31. Колечков Д.В., Гаджиев Ю.А. Валовый муниципальный продукт в оценке уровня экономического развития региона // Вопросы статистики. 2007. № 3. С. 23–26.
32. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г. Анимца (рук. авт. кол.), В.С. Бочко, Э.В. Пешина, П.Е. Анимца ; под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
33. Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф. Корпоративная социальная ответственность. М., 2006.
34. Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос, 1997. 480 с.
35. Любовный В.Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: Дортранспечать, 2009. 110 с.
36. Мазин А.Л. Экономика труда: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2007.
37. Мамзина Т.Ф. Перспективы развития малого и среднего бизнеса в условиях моногорода // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 31–52.
38. Мамзина Т., Дятлова Н., Начева М. Решение приоритетных задач развития муниципальных образований на примере Топкинского района Кемеровской области. М.: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 170 с.
39. Материалы Министерства регионального развития РФ. URL: <http://www.minregion.ru> (дата обращения: 10.12.2011).
40. Менова Н.Ф. Организация мониторинга устойчивого социально-экономического развития города: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тюмень, 2004.

41. Методика формирования и анализа комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований / В.И. Псарёв, Т.В. Псарёва, Н.В. Сушенцева, А. Гончаров; под общ. ред. В.И. Псарёва, Н.В. Сушенцевой. Новосибирск, 2010. 511 с.
42. Молодцов А.В. Создание механизма страхования ответственности владельца градообразующего предприятия // Развитие монопрофильных населенных пунктов в Российской Федерации: сборник научных трудов. М.: ООП Финансового университета, 2012. С. 70–75.
43. Моногорода России: как пережить кризис? Анализ социально-экономических проблем моногородов в контексте мирового финансово-экономического кризиса, влияющего на состояние градообразующих корпораций. М., 2008. URL: <http://www.regionalistica.ru>
44. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: в 5 т. М., 2000.
45. Монопрофильные города: проблемы развития и занятости / Институт макроэкономических исследований при Минэкономразвития РФ. М., 2000.
46. Муртазин М.М. Развитие моногородов в условиях модернизации: политико-правовой опыт Республики Татарстан. М., 2011.
47. Нестерова Т.В. Оценка эффективности деятельности администрации муниципального образования с моноотраслевой структурой производства (на примере Таштагольского района Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Кемерово, 2007.
48. Нецадин А., Горин Н. Жизненный цикл города // Муниципальная власть. 2002. № 3. Май–июнь. С. 108–113.
49. Пантелеева О.И. Применение индикаторов устойчивого развития на региональном и муниципальном уровнях // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 22 (157). С. 39–47.
50. Пасынков А.Ф. Долгосрочное прогнозирование социально-экономического развития монопрофильных городов сырьевого типа. М., 2011.
51. Преодоление социально-экономических рисков в сфере социально-трудовых отношений как фактор национальной безопасности. Социально-трудовые исследования / ред. кол. В.В. Комаровский, Е.С. Садовая и др. М.: ИМЭМО РАН, 2011. Вып. XXIV. С. 44–62.
52. Приоритеты национальной экономической политики России / Центр экологической политики России. М., 1999.
53. Пыткин А.Н., Загоруйко И.Ю. Постановка проблемы моногородов: поиск решений научным сообществом // Российское предпринимательство. 2010. № 4 (2). С. 132–137.
54. Рощина И.В. Социальная безопасность и социально защищенный человек // Управление риском. 2005. № 3 (35). С. 10–16.

55. Рощина И.В., Артюхова Н.А. Методический подход к оценке социально-трудовых отношений в условиях монопрофильности // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: сборник научных трудов III Международной конференции «Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине» / под ред. О.Г. Берестневой, К.А. Баннова, О.М. Гергет. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2016. С. 545–548.
56. Рощина И.В., Артюхова Н.А. Проблема занятости в монопрофильных муниципальных образованиях // Вопросы экономики и права. 2015. № 89. С. 194–198.
57. Рощина И.В., Дятлова Н.А. Влияние градообразующего предприятия на социально-трудовую сферу монопрофильного муниципального образования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 25–294.
58. Рощина И.В., Дятлова Н.А. Методика определения устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия монопрофильного муниципального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1–2 (57). С. 226–230.
59. Рощина И.В., Дятлова Н.А. Особенности социально-трудовых отношений в монопрофильных муниципальных образованиях // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2–2 (78). С. 278–283.
60. Рощина И.В., Дятлова Н.А. Прогнозирование ключевых показателей социально-трудовых отношений градообразующего предприятия моногорода как неотъемлемый элемент обеспечения устойчивой безопасности // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 6 (100). С. 143–148.
61. Рощина И.В., Дятлова Н.А. Экспресс-диагностика ключевых показателей устойчивой безопасности социально-трудовых отношений градообразующего предприятия моногорода // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24). С. 73–80.
62. Рощина И.В., Хаванова Н.В., Щадилов Г.А. Методы формирования системы социально ответственного поведения субъектов социально-трудовых отношений // Сервис Plus. 2010. № 3. С. 93–101.
63. Рощина И.В., Щадилов Г.А., Рощина Г.С. Многоуровневая социальная ответственность: содержание, необходимость, роль // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 280–286.
64. Самаруха А.В., Сачков Д.И. Методика оценки эффективности органов местного самоуправления и устойчивости развития муниципального образования // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2010. № 4. С. 306–314.

65. Седова Н.В., Придорожная Т.А. Структурный анализ капитальных вложений в системе инвестиционного планирования Российской Федерации // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 10 (778). С. 2347–2358.
66. Сидоров А.А., Силич М.П. Модели оценки социально-экономического развития муниципальных образований // Доклады ТУСУРа. 2007. № 2 (16). С. 221–228.
67. Симонова М.М. Социальная безопасность и социальная напряженность в современной России // Научный вестник МГИИТ. 2010. № 6. С. 42–45.
68. Система муниципального управления: учебник для вузов / под ред. В.Б. Зотова. СПб.: Лидер, 2005. 493 с.
69. Страхов А.И. Безопасность общества – социально-трудовой аспект. М.: Институт экономики РАН, 2001.
70. Субъекты Федерации и города Сибири в системе государственного и муниципального управления / под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. 420 с.
71. Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробицын Б.А., Яковлев В.И. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 276 с.
72. Тодаро М.П. Экономическое развитие: учебник / пер. с англ.; под ред. С.М. Яковлева, Л.З. Зевина. М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997.
73. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург, 2010. 520 с.
74. Тургель И.Д., Крючина Л.И. Тенденции и проблемы формирования системы моногородов России // Чиновник. Вестник Уральской академии государственной службы. 2005. Вып. 6. С. 50–57.
75. Урсул А.Д., Романович А.Л. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности // Философия науки. 2001. № 3 (11). С. 83–106.
76. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998.
77. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
78. Херт ван де Керк, Чиприан Попович Индекс устойчивого развития общества // Общество и экономика. 2008. № 9. Сентябрь. С. 147–153.
79. Чеклаукова Е.Л. Разработка комплексной методики оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования // Проблемы современной экономики. 2009. № 1 (29). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2499>
80. Шаймарданов Н.З., Полкова Т.В., Шахова О.А. Достойный труд: методология и методика оценки // Экономика региона. 2009. № 4. С. 193–199.

81. Шмидхейни С.Ф. Финансирование перемен. Финансовое сообщество, коэфективность и устойчивое развитие. М., 1998.
82. Щадилов Г.А. Развитие социальной ответственности в сфере социально-трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2012.
83. Щадилов Г.А., Рощина И.В. Система менеджмента корпоративной социальной ответственности как условие формирования активного социально-экономического пространства // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313, № 6. С. 24–29.
84. Экономика муниципального образования – город / Р.А. Кочурина, А.А. Переверзев. Армавир: ПОЛИПРИНТ-С, 2007. 308 с.
85. Экономическая безопасность и инновационная политика (страна, регион, фирма) / под ред. Е.А. Олейникова. М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 1993.
86. Environmental and Sustainable Development Indicators for Canada. National Round Table on the Environment and Economy, 2003. 92 p.
87. Hartmut Bossel Indictors for sustainable development: Theory, method, applications. Canada, IISD, 1999.
88. Kashkina L. Psychological well-being of population of monoprofile town of european north // HumanEcology. 2013. № 2. P. 46–51.
89. Roshina I., Artyukhova N. Social responsibility, sustainable development, happiness and well-being of single industry towns' population // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2017. Vol. XIX. P. 776. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.6>
90. Sustainable development indicators in your pocket 2008. An update of the UK Government strategy indicators. London: Defra, 2009. 163 p.

Заключение

Проведенное исследование влияния фактора структурно-многоуровневой разнотемповости на динамику устойчивости российской экономики показало, что как макросубъект формирующейся мировой экономики устойчивого развития, Россия, скорее, является пассивным участником этого процесса. Темп её сбалансированного развития в существенной степени зависит от состояния мировых товарного и финансового рынков, от характера и целей внешнеэкономической политики США, правительств стран ЕС.

Для формирования экономики устойчивого развития необходимо создание национального наукоемкого машиностроительного комплекса, основным источником инвестирования и финансирования которого станет соответствующий сегмент национального рынка, а дополняющим – иностранное инвестирование и кредитование.

России необходима устойчивая национальная финансовая система. Пока ценность национальной денежной единицы будет определяться величиной долларовых доходов, будет сохраняться и фактор устойчивой денежной инфляции.

Повышение глобальной конкурентоспособности, значит и устойчивости экономики, зависит от эффективности проконкурентной политики национального правительства, системной поддержки им малого и индивидуального предпринимательства.

Институциональные меры контроля над трансграничным движением всех форм капитала, контроль над ценовой политикой крупных олигопольных структур энергосырьевого сектора, сферы розничной торговли, адресная финансовая поддержка неконкурентоспособной части населения, полное использование доходов от продажи природных ресурсов на возмещение ущерба и природоохранные меры с постоянным «сжатием» всего ресурсодобывающего комплекса – долгосрочная стратегическая цель всех субъектов российской экономики.

Систему региональных мезо- и мини-субъектов необходимо перестроить на принципе их расширенного самовоспроизводства, создав соответствующую финансовую и институционально-правовую базу.

Без реализации названных преобразований российская экономика по-прежнему останется на низком уровне устойчивости.

Приложения

Приложение А

Т а б л и ц а 1

Комплексный показатель устойчивого развития монопрофильного муниципального образования

Показатель	Характеристика	Порого- вый пока- затель		Тип влия- ния	Обоснование поро- говых показателей
		Макс	Мин		
Социальное устойчивое развитие					
Доля населения монопрофильной территории, занятого на градообразующем предприятии	Рассчитывается как отношение количества населения, занятого на градообразующем предприятии, к общей численности работающего населения монопрофильного муниципального образования. Характеризует уровень диверсификации занятости	1	0	Обратное	Чем менее диверсифицирована структура занятости (т.е. если показатель стремится к 1), тем ниже уровень устойчивого развития
Уровень социальной ответственности градообразующего предприятия	Рассчитывается как отношение суммы затрат градообразующего предприятия на программы и проекты монопрофильного муниципального образования и региона в общем объеме годовой прибыли градообразующих предприятий	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: проставляется коэффициент 0,3, если нет данных / низкий уровень затрат; 0,6 – средний уровень; 0,9 – высокий уровень

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
Уровень безработицы	Определяется как соотношение количества безработного населения, зарегистрированного на бирже труда, к сумме общей численности занятого и безработного населения	1	0	Обратное	Чем ниже уровень безработицы (стремится к 0), тем выше уровень устойчивого развития
Уровень оплаты труда в монопрофильном муниципальном образовании	Рассчитывается как соотношение значения средней номинальной заработной платы населения монопрофильного муниципального образования к значению прожиточного минимума	7	0	Прямое	Чем выше уровень жизни работников, тем выше уровень устойчивого развития социально-трудовых отношений. Максимальный уровень порогового показателя рассчитан как отношение среднеарифметического значения среднедушевого дохода ТОП-10 регионов Российской Федерации по данному показателю к прожиточному минимуму
Уровень охраны и безопасности труда	Рассчитывается как отношение численности работников, занятых в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, и на оборудовании, не	1	0	Обратное	Чем выше уровень показателя (стремится к 1), тем ниже уровень устойчивого развития

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
	отвечающем требованиям охраны труда, к общей численности занятого населения монопрофильного муниципального образования				
Уровень профессиональных заболеваний	Рассчитывается как количество профессиональных заболеваний на 10 000 занятых в монопрофильном муниципальном образовании	19,1	0	Обратное	Максимальное значение порогового показателя – это максимальный уровень профессиональных заболеваний в Кемеровской области за период с 2008 по 2012 г., согласно Мониторингу производственного травматизма в Российской Федерации
Коэффициент прироста населения монопрофильного муниципального образования	Рассчитывается как сумма естественного и миграционного прироста населения монопрофильного муниципального образования	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – показатель значительно превышает среднероссийские и

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					среднеобластные показатели
Индекс социального устойчивого развития					
Экономическое устойчивое развитие					
Доля градообразующего предприятия в общем объеме промышленного производства монопрофильного муниципального образования	Рассчитывается как отношение объема промышленного производства градообразующего предприятия к общему объему промышленного производства монопрофильного муниципального образования. Отражает уровень монопрофильности экономики	1	0	Обратное	Если значение рассчитываемого показателя стремится к 0, то экономика является диверсифицированной, независимой от градообразующего предприятия, соответственно и уровень устойчивого развития социально-трудовых отношений выше
Доля занятых в малом предпринимательстве	Рассчитывается как отношение количества занятых в малом предпринимательстве к общей численности экономически активного населения монопрофильного муниципального образования. Показывает значение малого бизнеса в экономике монопрофильного муниципального образования	1	0	Прямое	Чем выше доля занятых в малом бизнесе (показатель стремится к 1), тем более диверсифицирована структура занятости, соответственно, уровень устойчивого развития выше.
Коэффициент бюджетной ре-	Доля собственных доходов в общем	1	0	Прямое	Чем выше доля собственных доходов

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
зультативности по собственным доходам	объеме доходов бюджета монопрофильного муниципального образования				(максимальное значение стремится к 1), тем выше финансовая устойчивость
Финансовая устойчивость градообразующего предприятия	Рассчитывается как отношение суммы Раздела III бухгалтерского баланса «Собственный капитал» и Раздела IV «Долгосрочные обязательства» к валюте баланса. Показывает долю устойчивых (долгосрочных) источников финансирования	1	0	Прямое	Чем выше доля собственного капитала в структуре баланса (максимальное значение стремится к 1), тем выше финансовая устойчивость градообразующего предприятия
Рентабельность деятельности градообразующего предприятия	Рассчитывается как частное от деления показателя валовой прибыли градообразующего предприятия к его выручке	1	0,4	Прямое	Чем больше значение показателя, тем больше доходность всей деятельности, следовательно, выше устойчивость. Минимальное значение – рекомендуемое нормативное значение показателя
Индекс экономического устойчивого развития					
Экологическое устойчивое развитие					
Уровень экологической ответственности градообразующего предприятия в области экологии	Определяется как соотношение затрат градообразующего предприятия в области охраны окружающей среды к совокуп-	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – низкий уровень расходов градообразующего предприятия

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
	ному размеру инвестиций монопрофильного муниципального образования				в области экологии (до 10%); 0,6 – средний уровень (от 10 до 50%); 0,9 – высокий уровень (свыше 50%)
Уровень экологической нагрузки в монопрофильном муниципальном образовании	Рассчитывается как объем выбросов в атмосферу загрязняющих веществ в расчете на одного жителя	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – высокий уровень загрязнения (значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели); 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ	Рассчитывается как соотношение объема уловленных и обезвреженных веществ от общего объема выбросов от стационарных источников	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: коэффициент 0,3, если показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					значения, несущественно превышает их; 0,9 – существенно превышает среднероссийские и среднерегиональные показатели
Объем и доступность раскрываемой информации об экологической ответственности градообразующего предприятия	Определяется экспертным путем и характеризует наличие нефинансовых отчетов у градообразующего предприятия			Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: коэффициент 0,3, если нет раскрытия информации о социальной деятельности предприятия; 0,6 – ведение на ежегодной основе отчетов, которые включают информацию, превышающую минимальные требования законодательства; 0,9 – публикация ежегодного социального отчета на официальном сайте предприятия, в средствах массовой информации и др.
Индекс экологического устойчивого развития					
Комплексный показатель устойчивого развития монопрофильного муниципального образования					

Т а б л и ц а 2

**Комплексный показатель качества жизни населения
монопрофильного муниципального образования**

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
I. Качество жизни населения монопрофильной территории					
1. Социально-экономическая ситуация на монопрофильной территории					
Уровень оплаты труда в монопрофильном муниципальном образовании	Рассчитывается как соотношение значения средней номинальной заработной платы населения монопрофильного муниципального образования к значению прожиточного минимума	—	—	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – показатель значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели
Коэффициент прироста населения монопрофильного муниципального образования	Рассчитывается как сумма естественного и миграционного прироста населения монопрофильного муниципального образования	—	—	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их: 0.9 –

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					показатель значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	Соотношение численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума к общей численности населения муниципального образования	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – высокая доля (значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели); 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Уровень пенсионного обеспечения монопрофильного муниципального образования	Рассчитывается как соотношение значения средней пенсии населения монопрофильного муниципального образования к значению прожиточного минимума	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – показатель значи-

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					тельно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели
Уровень обеспечения жильём жителей монопрофильного муниципального образования	Рассчитывается как соотношение общей площади жилых помещений и количества населения монопрофильного муниципального образования	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – показатель значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели
Уровень образования населения монопрофильного муниципального образования	Соотношение количества человек, имеющих профессиональное образование, на 1 000 человек населения	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – показатель значительно превышает

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					среднероссийские и среднеобластные показатели
Уровень здравоохранения населения монопрофильного муниципального образования	Соотношение количества больничных коек на 10 тыс. человек населения	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – показатель значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели
Валовый муниципальный продукт на душу населения	Рассчитывается как соотношение валового муниципального продукта и численности населения муниципального образования	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
2. Безработица					
Уровень безработицы	Определяется как соотношение количества безработного населения, зарегистрированного на бирже труда, к сумме общей численности занятого и безработного населения	1	0	Обратное	Чем ниже уровень безработицы (стремится к 0), тем выше уровень устойчивого развития
Средняя продолжительность безработицы	Рассчитывается как средневзвешенное время поиска работы безработными	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Напряжённость на рынке труда	Рассчитывается как отношение численности зарегистрированных безработных к числу вакансий, заявленных в органы государственной службы занятости	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует сред-

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					нероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
3. Экологические факторы многопрофильных территорий					
Уровень охраны и безопасности труда	Рассчитывается как отношение численности работников, занятых в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, и на оборудовании, не отвечающем требованиям охраны труда, к общей численности занятого населения монопрофильного муниципального образования	1	0	Обратное	Чем выше уровень показателя (стремится к 1), тем ниже уровень устойчивого развития
Уровень профессиональных заболеваний	Рассчитывается как количество профессиональных заболеваний на 10 тыс. занятых в монопрофильном муниципальном образовании	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их;

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Уровень экологической нагрузки в монопрофильном муниципальном образовании	Рассчитывается как объём выбросов в атмосферу загрязняющих веществ в расчете на одного жителя	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – высокий уровень загрязнения (значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели); 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Индекс качества жизни населения монопрофильной территории					
II. Качество жизни работников градообразующего предприятия					
1. Производственная деятельность градообразующего предприятия					
Доля градообразующего предприятия в общем объёме промышленного производства монопрофильного муниципального образования	Рассчитывается как отношение объема промышленного производства градообразующего предприятия к общему объёму промышленного производства монопрофильного муниципального образования. Отражает уровень монопрофильности экономики	1	0	Обратное	Если значение рассчитываемого показателя стремится к 0, то экономика является диверсифицированной, не зависимой от градообразующего предприятия, соответственно и уровень устойчивого развития социально-трудовых отношений выше

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
Финансовая устойчивость градообразующего предприятия	Рассчитывается как отношение суммы Раздела III бухгалтерского баланса «Собственный капитал» и Раздела IV «Долгосрочные обязательства» к валюте баланса. Показывает долю устойчивых (долгосрочных) источников финансирования	1	0	Прямое	Чем выше доля собственного капитала в структуре баланса (максимальное значение стремится к 1), тем выше финансовая устойчивость градообразующего предприятия
Рентабельность деятельности градообразующего предприятия	Рассчитывается как частное от деления показателя валовой прибыли градообразующего предприятия к его выручке	1	0,4	Прямое	Чем больше значение показателя, тем больше доходность всей деятельности, следовательно, выше устойчивость. Минимальное значение – рекомендуемое нормативное значение показателя
Доля населения монопрофильной территории, занятого на градообразующем предприятии	Рассчитывается как отношение количества населения, занятого на градообразующем предприятии, к общей численности работающего населения монопрофильного муниципального образования. Характеризует уровень диверсификации занятости	1	0	Обратное	Чем менее диверсифицирована структура занятости (т.е. если показатель стремится к 1), тем ниже уровень устойчивого развития

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
Уровень социальной ответственности градообразующего предприятия	Рассчитывается как отношение суммы затрат градообразующего предприятия на программы и проекты монопрофильного муниципального образования и региона в общем объеме годовой прибыли градообразующих предприятий	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: проставляется коэффициент 0,3 – если нет данных / низкий уровень затрат; 0,6 – средний уровень; 0,9 – высокий уровень
Уровень травматизма на градообразующем предприятии	Соотношение количества сотрудников, пострадавших при несчастных случаях на производстве, на 1 тыс. работников	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Удельный вес сотрудников, занятых на вредном и опасном производстве	Соотношение количества сотрудников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда, к общему числу работников	–	–	Обратное	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
2. Конъюнктура рынка/отрасли					
Индекс промышленного производства	Индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему году	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Индекс потребительских цен	Индекс потребительских цен, в процентах к предыдущему году	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
Инвестиции в основной капитал	Инвестиции в основной капитал, в процентах к предыдущему году	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – ниже среднероссийских и среднеобластных показателей
3. Экологические факторы градообразующего предприятия					
Уровень экологической ответственности градообразующего предприятия в области экологии	Определяется как соотношение затрат градообразующего предприятия в области охраны окружающей среды к совокупному размеру инвестиций монопрофильного муниципального образования	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: 0,3 – низкий уровень расходов градообразующего предприятия в области экологии (до 10%); 0,6 – средний уровень (от 10 до 50%); 0,9 – высокий уровень (свыше 50%)

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ	Рассчитывается как соотношение объема уловленных и обезвреженных веществ от общего объема выбросов от стационарных источников	–	–	Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: проставляется коэффициент 0,3, если показатель ниже среднероссийских и среднеобластных показателей; 0,6 – соответствует среднероссийским и среднеобластным значениям, незначительно превышает их; 0,9 – значительно превышает среднероссийские и среднеобластные показатели
Объем и доступность раскрываемой информации об экологической ответственности градообразующего предприятия	Определяется экспертным путем и характеризует наличие нефинансовых отчетов у градообразующего предприятия			Прямое	Экспертное значение данных показателей определяется следующим образом: проставляется коэффициент 0,3, если нет раскрытия информации о социальной деятельности предприятия; 0,6 – ведение на ежегодной основе отчетов, которые включают информацию, превышающую минимальные требования законодательства; 0,9 – публикация ежегодного соци-

Показатель	Характеристика	Пороговый показатель		Тип влияния	Обоснование пороговых показателей
		Макс	Мин		
					ального отчета на официальном сайте предприятия, в средствах массовой информации и др.
Индекс качества жизни работников градообразующего предприятия					
Комплексный показатель качества жизни населения монопрофильного муниципального образования					

Приложение Б

Т а б л и ц а 1

**Комплексный показатель устойчивого развития монопрофильного
муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ»**

Показатель	Год			Пороговый показатель ^{*1}		Тип влия- ния	Коэффициент		
	2015	2016	2017	max	min		2015	2016	2017
Социально-экономическая ситуация в монопрофильном муниципальном образовании									
Доля занятых в малом предпринимательстве	0,13	0,14	0,14	1	0	Прямое	0,13	0,14	0,14
Уровень оплаты труда в монопрофильном муниципальном образовании	3,39	3,67	3,88	—	—	Прямое	0,30	0,60	0,60
Коэффициент бюджетной результативности по собственным доходам	0,30	0,32	0,33	1	0	Прямое	0,30	0,32	0,33
Коэффициент прироста населения монопрофильного муниципального образования	−1024	−756	−788	—	—	Прямое	0,3	0,3	0,3
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума ^{*2}	15,8	15,9	15,3	—	—	Обратное	0,6	0,6	0,6
Валовый муниципальный продукт на душу населения	284326	415801	482670	—	—	Прямое	0,3	0,3	0,3
Индекс социально-экономической ситуации в монопрофильном муниципальном образовании							0,293	0,336	0,340

Показатель	Год			Пороговый показатель *1		Тип влияния	Коэффициент		
	2015	2016	2017	max	min		2015	2016	2017
Производственная деятельность градообразующего предприятия									
Доля населения монопрофильной территории, занятого на градообразующем предприятии	0,40	0,41	0,42	1	0	Обратное	0,60	0,59	0,58
Доля градообразующего предприятия в общем объёме промышленного производства монопрофильного муниципального образования	2,52	2,56	2,83	1	0	Обратное	0,3	0,3	0,3
Финансовая устойчивость градообразующего предприятия	0,37	0,80	0,85	1	0	Прямое	0,37	0,80	0,85
Рентабельность деятельности градообразующего предприятия	0,44	0,58	0,65	1	0	Прямое	0,06	0,29	0,42
Индекс производственной деятельности градообразующего предприятия							0,24	0,52	0,59
Безработица									
Уровень безработицы	0,03	0,03	0,02	1,0	0,0	Обратное	0,97	0,97	0,98
Средняя продолжительность безработицы *1	7,60	8,20	8,50	–	–	Обратное	0,30	0,30	0,30
Напряжённость на рынке труда	2,42	1,58	1,06	–	–	Обратное	0,90	0,90	
Индекс безработицы							0,64	0,64	0,54
Конъюнктура рынка/отрасли									
Индекс промышленного производства	99,40	115,60	105,70	–	–	Прямое	0,60	0,30	0,30
Индекс потребительских цен	111,48	104,53	102,06	–	–	Прямое	0,60	0,60	0,60

Приложения

Показатель	Год			Пороговый показатель ^{*1}		Тип влияния	Коэффициент		
	2015	2016	2017	max	min		2015	2016	2017
Инвестиции в основной капитал	113,30	106,20	108,02	—	—	Прямое	0,30	0,60	0,60
Индекс конъюнктуры/рынка отрасли							0,48	0,48	0,48
Экологические факторы									
Уровень экологической ответственности градообразующего предприятия в области экологии	1,30	1,24	2,81	—	—	Прямое	0,30	0,30	
Уровень экологической нагрузки в монопрофильном муниципальном образовании	455,28	509,70	568,33	—	—	Обратное	0,30	0,30	0,30
Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ, % ²⁾	5,30	10,90	10,40	—	—	Прямое	0,30	0,30	0,30
Объём и доступность раскрываемой информации об экологической ответственности градообразующего предприятия	Есть раскрытие	Есть раскрытие	Есть раскрытие			Прямое	0,90	0,90	0,90
Индекс экологических факторов							0,39	0,39	0,43
Комплексный показатель устойчивого развития монопрофильного муниципального образования							0,38	0,46	0,47

Примечания:

^{*1} Расчёт пороговых показателей приведен в табл. 3.

^{*2} Данные по Кемеровской области:

1) Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

2) Данные Кемеровостата. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=327190002015201620172018

Т а б л и ц а 2

Комплексный показатель качества жизни населения монопрофильного муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ»

Показатель	2015	2016	2017	Пороговый показатель		Тип влияния	Коэффициент		
				min	max		2015	2016	2017
1. Качество жизни населения монопрофильной территории									
1.1. Социально-экономическая ситуация на монопрофильной территории									
Уровень оплаты труда в монопрофильном муниципальном образовании	3,39	3,67	3,88	–	–	Прямое	0,30	0,60	0,60
Коэффициент прироста населения монопрофильного муниципального образования	–1024	–756	–788	–	–	Прямое	0,30	0,30	0,30
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*1	15,8	15,9	15,3	–	–	Обратное	0,30	0,30	0,30
Уровень пенсионного обеспечения монопрофильного муниципального образования	1,27	1,38	1,40	–	–	Прямое	0,6	0,6	0,6
Уровень обеспеченности жителей жильём монопрофильного муниципального образования, кв. м ¹⁾	24,5	25,0	25,0	–	–	Прямое	0,6	0,6	0,6
Уровень образования населения монопрофильного муниципального образования*1; *2	49,9 ²⁾	51,5 ³⁾	25,2 ⁴⁾	–	–	Прямое	0,6	0,6	0,6
Уровень здравоохранения населения монопрофильного муниципального образования	89,9	89,9	90,5	–	–	Прямое	0,9	0,9	0,9

Показатель	2015	2016	2017	Пороговый показатель		Тип влияния	Коэффициент		
				min	max		2015	2016	2017
Валовый муниципальный продукт на душу населения	284326	415801	482670	—	—	Прямое	0,30	0,30	0,30
1.2. Безработица									
Уровень безработицы	2,6	2,6	1,6	1	0	Обратное	1,0	1,0	1,0
Средняя продолжительность безработицы	7,6	8,2	8,5	—	—	Обратное	0,3	0,3	0,3
Напряженность на рынке труда	2,42	1,58	1,06	—	—	Обратное	0,9	0,9	0,9
1.3. Экологические факторы монопрофильных территорий									
Уровень экологической нагрузки в монопрофильном муниципальном образовании	455,28	509,70	568,33	—	—	Обратное	0,30	0,30	0,30
Индекс качества жизни населения монопрофильной территории							0,47	0,50	0,50
2. Качество жизни работников градообразующего предприятия									
2.1. Производственная деятельность градообразующего предприятия									
Доля градообразующего предприятия в общем объеме промышленного производства монопрофильного муниципального образования	2,52	2,56	2,83	1,0	0,0	Обратное	0,3	0,3	0,3
Финансовая устойчивость градообразующего предприятия	0,37	0,80	0,85	1,0	0,0	Прямое	0,37	0,80	0,85
Рентабельность деятельности градообразующего предприятия	0,44	0,58	0,65	1,0	0,4	Прямое	0,06	0,29	0,42
Доля населения монопрофильной территории, занятого на градообразующем предприятии	0,40	0,41	0,42	1,0	0,0	Обратное	0,60	0,59	0,58
Удельный вес сотрудников, занятых на вредном и опасном производстве ^{*5}	68,00	67,00	68,00	—	—	Обратное	0,30	0,30	0,30

Показатель	2015	2016	2017	Пороговый показатель		Тип влияния	Коэффициент		
				min	max		2015	2016	2017
2.2. Конъюнктура рынка/отрасли									
Индекс промышленного производства	99,40	115,60	105,70	—	—	Прямое	0,60	0,30	0,30
Индекс потребительских цен	111,48	104,53	102,06	—	—	Прямое	0,60	0,60	0,60
Инвестиции в основной капитал	113,30	106,20	108,02	—	—	Прямое	0,30	0,60	0,60
2.3. Экологические факторы градообразующего предприятия									
Уровень экологической ответственности градообразующего предприятия в области экологии	1,30	1,24	2,81	—	—	Прямое	0,30	0,30	0,3
Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ ^{*1; 2)}	5,30	10,90	10,40	—	—	Прямое	0,30	0,30	0,30
Объем и доступность раскрываемой информации об экологической ответственности градообразующего предприятия	Есть раскрытие	Есть раскрытие	Есть раскрытие			Прямое	0,90	0,90	0,90
Индекс качества жизни работников градообразующего предприятия							0,36	0,45	0,50
Комплексный показатель качества жизни населения монопрофильного муниципального образования							0,41	0,48	0,50

Примечания: ^{*1} данные по Кемеровской области. ^{*2} Для расчёта взят состав занятого населения в возрасте 15–72 лет по уровню образования в 2016–2018 гг.

¹⁾ Инвестиционный паспорт Ленинск-Кузнецкого городского округа, 2015, 2016, 2017 гг.

²⁾ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

³⁾ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

⁴⁾ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

⁵⁾ Интернет-портал Кемеровостата / Официальная статистика / Рынок труда и занятость населения. URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/employment/

Таблица 3

**Расчёт пороговых показателей для расчета комплексного показателя
устойчивого развития монопрофильного муниципального образования**

Среднероссийский показатель ¹⁾			
Показатель	2015	2016	2017
Уровень оплаты труда	3,51	3,74	3,88
Коэффициент прироста населения	277,5	259,7	76,1
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	13,3	13,3	13,2
Валовый внутренний продукт на душу населения	569561	587345	626775
Средняя продолжительность безработицы	7,3	7,6	7,6
Напряжённость на рынке труда	3,8	3,6	2,8
Индекс промышленного производства	99,2	102,2	102,1
Индекс потребительских цен, %	112,9	105,4	102,5
Инвестиции в основной капитал	100	106,1	108,3
Уровень экологической нагрузки, кг/чел.	118,1	117,8	119,1
Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ, %	75	73,9	74,4
Уровень пенсионного обеспечения монопрофильного муниципального образования	1,1	1,2	1,2
Уровень обеспеченности жителей жильем монопрофильного муниципального образования, м ²	24,4	24,9	25,2
Уровень здравоохранения населения монопрофильного муниципального образования	83,4	81,6	80,5
Уровень образования населения	45	45,1	25,7
Удельный вес сотрудников, занятых на вредном и опасном производстве ²⁾	39,1	38,5	37,9

Примечания:

¹⁾ Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 694 с.

²⁾ Единая общероссийская справочно-информационная система по охране труда.
URL: <http://eisot.rosmintrud.ru/monitoring-uslovij-i-okhrany-truda>

Научное издание

**ЦИТЛЕНОК Владимир Сергеевич,
РОЩИНА Ирина Викторовна,
АРТЮХОВА Наталья Александровна**

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ФАКТОР СТРУКТУРНО-МНОГОУРОВНЕВОЙ
РАЗНОСУБЪЕКТНОСТИ**

Редактор К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 19.08.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 17. Усл. печ. л. 15,8.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978–5–94621–844–3

9 785946 218443